

827(БЗН)
С47

Николай СЛЕПЦОВ

Пестрые письма,
или
Жизнь на ладони

Николай СЛЕПЦОВ

**ПЕСТРЫЕ ПИСЬМА,
ИЛИ ЖИЗНЬ НА ЛАДОНИ**

Караганда, 2013

УДК821 (574)
ББК 84 (5 Каз-Рус) - 4
С 47

Над книгой работали:

Текст: С. Коханова, К. Круглов
Набор и оформление: Ю. Александрова,
Л. Зенгер
Ю. Билушенко

Слепцов Н.

С 47 "Пестрые письма, или Жизнь на ладони". Сборник очерков, рассказов, стихотворений. Подготовлен к печати в издательском доме "Классик". Отпечатан в ТОО "Арко". Караганда, 2013. Стр. 168

ISBN 978-601-204-174-3

Основу сборника составляют публицистические очерки Николая Слепцова о жизни родного поселка Агадырь и других населенных пунктов Казахстана, а также размышления о времени, литературе, музыке.

Автор рассчитывает, что книга послужит катализатором добрых перемен в нашем обществе и особенно в провинции, где живут люди неординарные, талантливые и очень терпеливые. По сути, это наставления 76-летнего аксакала чиновникам и землякам.

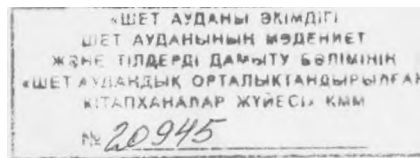
УДК 821 (574)
ББК 84 (5 Каз-Рус) - 4

“Жизнь прожить — не поле перейти”, —
Мудрецы об этом говорили.
Я прошел нелегкие пути,
Какие эту книгу и родили.

ISBN 978-601-204-174-3

© Слепцов Н., 2013

Вместо предисловия

Незабвенный Салтыков-Щедрин вряд ли осудил бы меня за заголовок, взятый мною из его сочинений. Взял его не иначе как напрокат, желая отразить жизненные болезни, сходные с щедринским "пестрым временем".

Конечно, нынешний век имеет свои специфические болезни, какие принято у нас называть недостатками, упущениями и совсем редко — ошибками, рожденными людьми, наделенными властью.

Простая народная масса все жизненные негативы принимает с болью, с нервами, неприязнью. В газетах и по телевидению отчетливо звучит, что во всех неурядицах нашего бытия крайними по всей логике и жизненной правде остаются власти различных рангов. Народные массы со своими страданиями обращаются именно к своим властям, какие, как мы видим повсеместно, своей вины не признают, ссылаясь на отсутствие средств и соответствующего законодательства по рассматриваемому вопросу. Многие вопросы остаются нерешенными, люди часто уходят ни с чем, а чиновники так и остаются в своих мягких креслах. Это мы видим сплошь и рядом, и неизвестно, когда восторжествуют правда и законы и прекратятся страдания простых людей.

Давайте не будем ходить вокруг да около. На нашей незабвенной железной дороге "Казахстан темир жолы" локомотивные бригады, т.е. люди, водящие поезда, теперь будут уходить на свой "дембель" не как раньше, до эпохи СНГ, в 55 лет, а в 59, при поездном стаже в двенадцать с половиной лет. Причем последний год надо отработать на локомотиве.

В России локомотивщики и сегодня уходят на свой заслуженный в 55 и без всякого последнего года работы на локомотиве, при тех же двенадцати с половиной годах поездного стажа. Коль есть у локомотивщика таковой, но он был по медицинским показаниям в свое время снят с поездной работы и последние двадцать-тридцать лет трудился надругой работе, то, как подошли его кровные 55, ему все равно скажут: "Спасибо, дорогой, за работу! Давай собирайся на "дембель", ты его заслужил, потому как двенадцать с гаком лет водил поезда под напряжением электрической подвески в 27 тысяч вольт, в грохоте тепловозного дизеля с его масляными и соляными парами и тем же электрическим полем от собственного генератора".

В Карагандинском локомотивном депо, что базируется в Сортировке, я беседовал с одним из бывших таких локомотивщиков. Имея за плечами 34 года поездного стажа, шесть лет назад он был снят медиками с поездной работы и все эти годы пашет слесарем-раздатчиком. На "дембель" его не проводили ни

60, ни в 62, пообещав сделать это в 63 — на общих основаниях. Будь у него последний год работы на локомотиве, он ушел бы на заслуженный отдых в 59, а так придется упираться рогом аж до 2014- го, когда локомотивщику исполнится 63, а общий его трудовой стаж выльется в 44 года. Локомотивщик этот и рад бы отъездить этот несчастный год на локомотиве, так ведь на страже безопасности движения поездов стоят медики! Они следят, чтобы машинисты и помощники, везущие грузы и людей, были здоровыми.

Получается, что в Казахстане тепловозный грохот, масляные и соляные пары, тепловозное электрическое поле и 27 тысяч вольт электрической цепи для электровозников не так страшны и не так вредны, как в России? Ведь там "дембель" для локомотивных бригад по этой вредной группе узаконен в 55 лет, а у нас в 59.

Правители "Казахстан темир жолы" молчат по этому поводу уже много лет. А простые труженики, водящие поезда, так и уходят на свой заслуженный в чертовые 59, а тот, кто не имеет последнего года работы на локомотиве, и во все в 63. Нет, надо все-таки попросить наше правительство, чтобы оно отправило законодателей, принявших такие нормы для локомотивщиков, на строительство железнодорожных магистралей "Жезказган — Бейнеу" и "Аркалык — Шубаркуль", чтобы они собственными глазами увидели работу локомотивных бригад. У них тогда наверняка отпадет охота экспериментировать и создавать законы такого плана!

Других невзрачных жизненных негативов у нас, по правде, пруд пруди. Откроем хотя бы номер "Свободы слова" за 19 апреля прошлого года и обратимся к статье "Компании "Импульс СМ" и "Базис-А" продолжают уничтожение исторического центра города Алматы". Под прикрытием государственных нужд разрушаются здания, вырубается сотни деревьев, сносятся детские площадки и захватываются общественные территории. На них планируют построить уродливые 12-этажные дома, которые в старом городе будут смотреться, как на корове седло...

По этому поводу статья комментирует высказывание Президента республики о запрете точечной застройки в центре южной столицы, потому как это "результат наглого попирания законов страны". Автор констатирует: "Глава государства публично запретил пичкать центр города новыми зданиями под прикрытием государственных нужд".

И какие меры принимают власти Алматы, чтобы не портить необыкновенно зеленое и красивое лицо города? Аким южной столицы Имангали Тасмагамбетов в 2007 году как раз и подписал документы о продаже земли, прикрываясь все теми же государственными нуждами. Новый аким Алматы Ахметжан Есимов и руководители компании "Импульс СМ" Ирина Шин и компании "Базис-

А" Александр Белович вместе с районной и городской прокуратурой ничего не сделали для прекращения строительства и вырубки деревьев, мешавших строительству. Юрист Тамара Симахина с горечью констатировала: "В ходе постройки уже срубили 254 взрослых дерева, и это не окончательная цифра. Экологический ущерб, нанесенный городу, застройщиком не возмещен. Волшебным образом на десять соток увеличилась площадь земельного участка, выделенного под строительство. Двор соседнего дома превратят в магистраль, по которой круглые сутки будут ездить машины, и жители определенных домов не смогут без риска для жизни выйти из своего подъезда. Это далеко не полный перечень нарушений норм и правил застройки, которые в итоге уже сейчас наносят вред жителям окрестных домов".

В других газетах обнажаются другие недостатки: одни масштабны для всей страны, другие — только для города, села, поселения, в которых страдают простые люди и даже отдельный человек. Сейчас обо всех недостатках говорят громко и открыто, что можно считать победой и завоеванием казахстанцев. Жизнь нынче многогранна, наружу выпячиваются все негативные и неблагоприятные темы, случаи и всяческие жизненные происшествия. Такие вот "Пестрые письма" наших дней!..

Абай в своих "Словах назидания" писал: "Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое слово, и он перепишет его для себя или просто запомнит, а если нет — мои слова останутся при мне". А мне бы не хотелось, чтоб мои слова "остались при мне". Мечтаю, чтобы они непременно кого-нибудь да затронули. Затронули не для записи или запоминания, а для принятия мер по устранению жизненных негативов, какие мешают сделать нашу жизнь и наше бытие более человечными, более красивыми, что облегчит людскую жизнь.

С рождением СНГ в Агадыре, например, исчезло автобусное движение. А конкретно — исчез допотопный "ПАЗ", который курсировал по единственной широкой и асфальтированной центральной улице от микрорайона до депо, протяженностью в четыре километра. На этой улице находятся жилые кварталы высотных домов, нотариус, единственный на весь поселок детский сад, две большие школы в три и два этажа, куда дети теперь должны добираться пешком с отдаленных концов поселка — из микрорайона и из деповского жилого региона.

"ПАЗ", хоть и допотопный, верой и правдой служил агадырцам зимой и летом, в грязную весну и золотую осень. Он доставлял пассажиров до места назначения за смешную по нынешним временам плату. Теперь этого нет уже лет двадцать. Целое поколение выросло, истоптав за сезон не одну пару башмаков...

Абай, будь он агадырцем наших дней, наверняка сказал бы по сему поводу

свое очередное слово назидания, спросив у тамошних властей: "Что же вы, господа, допускаете такое? Вам что, не жалко людей, не жалко детей? До СНГ у нас были денюжки на содержание автобуса, а при СНГ ваш карман окончательно продырявился? Зачем он тогда нужен, этот чертов СНГ?! И откуда он взялся? Коль заимели свою свободу и независимость, так и живите в ней по-человечески! А по-человечески — значит, дайте людям то, что сделает их жизнь более цивилизованной. Дайте тот же автобус, верните центральное отопление и Агадырский район с его "столицей" в Агадыре!"

Я уверен в том, что Абай сказал бы что-то похожее, потому как перечитывая его "Слова назидания" и чувствую его боль за свой народ: "Почему казахи смотрят друг на друга волками? Почему у них нет сопереживания за родичей, нет правдивости? Откуда, когда вошли в кровь гордого степняка праздность и лень?.. Мы только и думаем, как бы увеличить свои стада и табуны, обеспечить скотом не только самих себя, но и детей. Когда же это удастся, стада передаются пастухам, а мы, новоявленные богачи, лишь едим до отвала мясо, досыта пьем хмельной кувшине, забавляемся красавицами, наслаждаемся бегом скакунов. Если зимовки становятся тесными, начинаем торги с соседями или Гюрьбу: в ход идут кляузы, взятки, кровная месть. Пострадавший же теснит другого соседа..."

Ну, третье слово назидания Абая можно было бы и дальше цитировать — все в нем по делу. Но я решил здесь остановиться, предоставив свои "Пестрые письма" на размышление дорогому агадырскому "правительству".

Насчет названия "Пестрые письма", которое я умыкнул у великого Салтыкова-Щедрина, думаю следующее: Михаил Евграфович, будь он жив, прописал бы мне, мужику из Агадыря, одно наказание — прокормить двух генералов.

В нынешний СНГэвский век я вряд ли смогу это сделать, потому как генералы стали нынче не те. Генералы салтыковского времени довольны были яблоком, селедкой да кофеем со сдобной булкой. Нынешнего же вряд ли прокормишь такой подачкой. Нынешнему и свининку с барашком подавай, и рюмку доброго вина, а потом еще доставь отдохнуть на Канары и в другие благодатные места. Суп из пригоршни генералы так и вовсе есть не станут, хотя и будут пухнуть с голоду. Так что мне остается лишь благодарить судьбу, что большой писатель не дал мне такого поручения!

Письмо 1 ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

Ну, деревню свою, свой городок и свое поселение мы отыскиваем без труда. А вот крышу над головой для себя мы часто в них найти не можем: жилье-то для рабочих, для новых семей, для простого населения не строится, поселки городского типа за всю СНГэвскую эпоху забыли о том, что такое строительство коммунального жилья. А свадьбы повсеместно играют, часто пышно и торжественно. И просто удивительно, где расселяются новые семьи...

В Агадыре так умудряются делать по две свадьбы на неделе! Видно, что устраивает эти свадьбы народ небедный, поскольку свадебный кортеж сопровождают по десять и более украшенных легковушек. Родители разоряются на свадебное торжество, какое обычно проводится в прежнем столовском зале, приспособленном для таких многолюдных торжеств. Они наверняка разорились бы и на квартиру для молодых, так ведь страна уже целых двадцать лет в глубинке ничего жилого не строит! Собственные дома, конечно, умудряются строить, так ведь это не каждому по карману. Ах, а каким подарком судьбы было бы, когда аким Агадыря вручил бы на свадьбе молодым ключи от новой квартиры!..

Все СНГэвское время в Агадыре не построено ни единого квадратного метра общественного коммунального жилья. В поселке стоит неприкаянной 90-квартирная пятиэтажка: когда-то красивая, заселенная до отвала, ныне она пустая, с балконами, но без окон, полов и дверей. С ликвидацией Агадырского района в 1997 году пятиэтажку отчего-то покинули все жители, и с тех пор она зрит на равнодушных людей, не могущих дать ей жизнь.

Тут же неподалеку стоит и пустующая 36-квартирная четырехэтажка, также без окон и дверей — все разграблено. В этом доме тоже жили люди, и тоже разъехались. Некогда красивый дом просит рабочих рук. Совсем немного усилий и затрат — и он улыбнется людям светом своих окон.

Да, рыночная экономика поставила жизнь многих СНГэвцев с ног на голову. В основу всего положены только деньги: с ними ты не иначе как герой, а без них — серость, тусклость, уподобляющаяся божьей.

Нет, нам надо вспомнить наше коммунистическое прошлое, когда квартир строилось не ахти как много, но люди все равно получали их по простой очереди на своем производстве, получали совершенно бесплатно. И ничего, страна не разорилась, не вылетела в трубу, не провалилась в преиспод-

нюю! Люди учились, трудились, строили, вселялись в новые дома, рожали детей и смело глядели в свое будущее.

Пережил СНГэвское поветрие и наш Казахстан. Пережил по-боевому, крепко укрепив свои позиции. В СНГэвскую годину Казахстан даже построил свою новую столицу. Какая она — надо только увидеть! Многоэтажки могут дать фору по красоте и оригинальности парижским, нью-йоркским, стамбульским строениям. Только надо бы эти громадины-дома заселить нуждающимся в жилье народом бесплатно, как было при коммунизме, но с постепенной выплатой стоимости квартиры в течение всей жизни или, скажем, в тридцатилетний срок.

Ничего страшного в том не будет: люди согласятся на пожизненную плату у малыми теньгушками, какие их по миру не пустят, но дадут жить полноценной жизнью — с машинами, дачами, с отдыхом на Канарах и лучших курортах мира.

Чтобы сократить море нуждающихся в жилье казахстанцев, надо прямо сейчас, прямо теперь обеспечить молодые семьи совершенно бесплатным жильем. Дальше же можно установить посильную плату, какую нетрудно рассчитать на тридцатилетний срок. Семья организовалась, скажем, в двадцать лет; к пятидесяти своим годам супруги уплатят государству определенные теньгушки и будут жить красиво и безбедно. Если семья раскрутится и заранее погасит задолженность, то такой шаг можно будет только поприветствовать.

Всяких ссуд, ипотек (нашего нынешнего изобретения) надо бы посоветовать молодым семьям избегать, поскольку они будут всю жизнь раздвигать стол "а-ля натюрель", что означает догору. И они вряд ли будут видеть на своем столе хлеб с маслом, не говоря о таких прочих благостях, как отдых на море или на Бурабае-Боровом, также дающем здоровье и отдохновение.

Хорошая жизнь во многом зависит от нас самих, а вот квартирный вопрос — только от нашего государства. Многочисленные скандалы показывают, что нельзя отдавать строительство жилья в частные руки. Мы не Америка, не Германия, не Франция с Испанией! Там всеми делами правит частник, но там особый частник, который работает под надзором государства, для которого благополучие своего народа всегда стоит на первом плане.

Послушайте наши телепередачи. Некая частная фирма собрала с народа деньги на строительство мощной и красивой девятиэтажки. Прошло время, а дома как не было, так и нет; нет и этой самой строительной фирмы. Люди остались безденег и без квартир, строительную же фирму доблестная полиция разыскивает до сих пор.

А ведь все было официально оформлено на солидных бланках с гербами

и штампами, скреплено печатями и четкими росписями солидных людей! Фирма обещала красавец-дом отгрохать в самые короткие сроки. Бесквартирный народ верил солидным официальным руководителям в дорогих костюмах и галстуках, верил их крепким бумагам с печатями и государственными штемпелями и доставал сбережения, занимал, влезал в долги и кредиты, поскольку без крыши над головой, без своего угла какая жизнь?

Господи, ну что же это за страна, в которой подонки вживую и напрямую, на глазах всего города, властей всех мастей, полиции грабят граждан!.. Такое сегодня преподносит нам преподобный СНГ. Старый коммунистический век этого просто не умел делать, а если где-то кто-то и пытался, то его тут же хватали и упрятывали на долгие годы. Получили бы и нынешние воротилы, так страна не может их найти! Ну, просто приходится иголку искать в стогу сена!

И неизвестно, что это самое аморфное СНГэвское общество еще принесет народу...

Письмо 2

О ЖИЗНИ - ГЛАЗОМ И ПЕРОМ

О журналистском труде и о людях с творческой душой, пробующих свое перо в стихах и прозе, говорят у нас мало или вовсе не говорят, а пишут и того меныле. Штатную журналистскую работу мы, простые читатели, часто считаем обычной, сродни шоферской, бухгалтерской, учительской, врачебной, слесарной, строительной и прочим, обычно не требующим восхищения, атем более преклонения. Считаем, что журналист, как и все люди, просто делает свое дело, какому где-то и когда-то учился.

В государственном объеме все эти люди являются не иначе как простыми винтиками. Но без винтика, как показывает жизнь, не построить и не скрепить цельную конструкцию жизненного существования целого государства и его народа. Оттого, наверное, и по сей день живо утверждение: "Все профессии важны, все профессии нужны".

Журналистская профессия имеет-таки свою специфику, свою семантику,

логику и психологию. По жизни по фильмам журналисту нередко приходится "трое суток шагать и трое суток не спать ради нескольких строчек в газете". Не просто шагать — встречаться с людьми, в беседе с которыми проявлять знание логики и психологии, понимание предмета разговора, нюансов текущего момента.

Ну как не сказать "коп рахмет" Юлиане Жихорь за статью в "Новом поколении" от 15 февраля 2008 года "Коммунальное пятно на светлом будущем"? В статье идет речь о проблемах коммунального сектора, типичных для всей республики. Попал сюда и двенадцатитысячный Агадырь, который всего в трех часах езды на электричке от Караганды. Поселок уже тринадцатую зиму прилаживается к своей жизни без центрального отопления, какое существовало тут как бы не целое тридцатилетие, до 2002 года.

Жилой сектор с целой сотней двух-, трех- и пятиэтажных домов, школы и больница, здание акимата и его служб выживают теперь каждый сам по себе. Большую котельную КЕ-25-14 величиной с пятиэтажный дом заморозили, котлы куда-то увезли, а новые в принципе трубы диаметром 450-510 миллиметров и протяженностью в четырнадцать километров (семь — в две нити) порезали, сделав им харакири, и куда-то увезли с агадырских глаз. Поплатилась котельная, как объяснили агадырцам высокие власти областного и районного масштаба, за нерентабельность и убыточность.

С 2002 года агадырское население стало ставить в своих домах стародедовские печи времен Пушкина и Арины Родионовны. А школы, больницы, акимат, весь живой цвет Агадыря перешел на индивидуальные котельные с трубами высотой с Останкинскую телебашню. Насчет нерентабельности своей старой котельной КЕ-25-14 агадырцы сомневаются: расчеты проектировщиков котельной КЕ-25-14 были ведь на чем-то основаны!

С 1973 по 1997 год (целое двадцатипятилетие!) существовал Агадырский район. Состояние коммунального хозяйства и централизованного отопления тогда было вполне приемлемым. В 1997-ом Агадырский район был уничтожен, как враг народа, и вошел в состав Шетского района; "столицей" района стал поселок Аксу-Аюлы, по численности как бы не втрое меньше Агадыря, отстоящий от железной дороги на целую сотню верст. Агадырское население, его округи и линейное население возмущалось, но против власти не попрешь. Кто-то уехал, остальные как-то притерпелись к трудностям...

О ликвидации Агадырского района и возвращении населения к печкам и "буржуйкам", возможно, напишут профессиональные журналисты. А я с воодушевлением перечитываю высказывание немецкого писателя Генриха Белля: "Если бы мы сознавали, какие последствия влечет за собой каждое слово, если бы взялись за изучение словаря, этого каталога нашего богатства, мы об-

наружили бы, что за каждым словом стоит целый мир, и тот, кто орудует словами, кто строчит заметку в газету или пишет на бумаге стихи, обязан знать, что он приводит в движение миры, давая свободу двойственной сути слов: то, что тешит одного, может смертельно ранить другого".

Какое у нас обширное поле для журналистов! Сколько еще хозяйственных и коммунальных неполадок и упущений, которые ждут острого журналистского пера!

Только настоящие журналисты своим глазом и пером могут узреть скрываемые неполадки. Жизнь наша сложна, многогранна, где-то искусственно запутана и замутнена, в ней много различного негатива. Только с помощью зоркого ока и острого пера мы сможем преодолеть все, что мешает нам жить.

Письмо 3

"ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ"

НА ЭКРАНЕ И В ЖИЗНИ

У моей жены Раисы Ильиничны страсть к турецким сериалам. А на фильме "Горькая жизнь" моя Зейнеб-ханум просто помешалась. Все домашние дела она старалась переделать до фильма, во время трансляции которого оторвать ее от экрана не могла бы, кажется, даже воздушная тревога.

Себя я все-таки сдерживал. Моя же Нермин-ханум словно породнилась с сериальными героинями: меня она причисляла то к Юсупу Аккушу, то к Ибрагиму Озджану с Асулханом Дюрелем, то к Дэману Сэнафу с экспансивным Эндербеем, а то и вовсе к Тақыру Омарбею с самим Мехметом Касавалы — главным действующим лицом фильма. Я не сопротивлялся и откликнулся на любое из этих имен.

К моей Раисе тоже приклеилось немало имен из "Горькой жизни": тут были Узлем-ханум и Мемин-ханум, Саты-ханум и Бельгиз Сунда, Диляр Тюдэр и Айшелек-ханум. Все эти и другие имена из сериала к моей Раисе-Зейнеб просто прикипели, как и все мужские ко мне.

Иногда я даже гордился, когда жена по-киношному величала меня "дядюшка Ильгис", "мой хозяин Асулхан Дюрэль", "дорогой мой эфенди Дениз Лкчай" и "мой дорогой хозяин Хердар Орчин". Со своей женушкой Раисой-('юмбюль-ханум мы так прикипели к новым именам, что собственные просто не употребляли. Собственные именатеперь отчего-то ассоциировались с именами больших людей, что нередко просто коробило. Имя жены напоминало мне о российской актрисе Раисе Рязановой, а мое собственное — как и о самом Николае Сличенко.

Я спрашивал у своей Зейнеб:

Мне-то какая честь носить такое имя? Николай Сличенко — это же фигура, бог! А я всего лишь агадырский неандерталец...

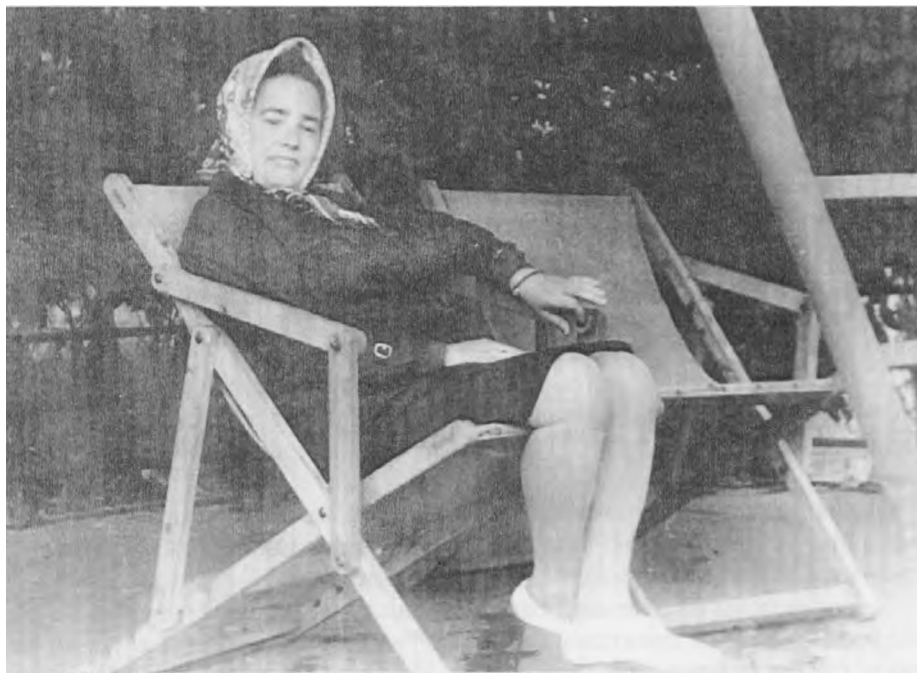
Ну, Мурат Сойдан, — говорила жена, — ты тоже вроде маленького артиста! На баяне играешь? Играешь. В ветеранском хоре поешь? Поешь. Народ песней улащаешь? Да. Так что, Абду Осман, принимай все как должное!

И расчет своего артистизма я спорить не стал. Только заметил, что в "Играй, гармонь" народ играет сплошь и рядом, а ведь они вовсе не артисты — простые травники, пенсионеры, а то и вовсе дети.

Вот если бы ты, Нермин-ханум, сравнила меня с каким-нибудь малоизвестным писателем, это было бы диво! Как-никак, я что-то да пишу, сочиняю, проскакиваю в газетах... И даже "Простор" не погнушался такой серостью, как я, напечатав в августовском и сентябрьском номерах -7007 года две мои вещи, среди которых моя "Душевная повесть" забегала аж на двадцать страниц!

Наверно, Айду Аргыч, — сказала жена, — в журнале на тот момент просто не хватало материала, и тебя наскоком тиснули. В будущем, думаю, журнал одумается, покается и впредь тебя к себе на пушечный выстрел не подпустит. Если бы ты что-то путевое выдал — другое дело, но ты ведь стар, и тебе Джеляль, и ждать шедевров от тебя не стоит. Думаю, Кемаль Фонда, ты уже выработался, исписался, а если что у тебя и прорезалось в 2007-ом, так • го благодаря Ольге Шиленко и Сагин-Гирею, заметившим в агадырской провинции какой-то росток литературного дарования. Но ведь после того пролетело уже целых пять лет, а за пять лет ты не стал писать о жизни и людях как это делали Тургенев, Достоевский, Толстой... Вот и нынче ты пытаешься пробиться в "Простор" своими "Пестрыми письмами". До щедринских им, как до Лондона пешком, но ты в своем амплуа!

Не спорю, Зульдия Тювей. А все равно ничего с собою поделывать не могу! Я вижу в "Просторе" и "Ниве" большие вещи наших республиканских авторов, с продолжением. Хотелось бы увидеть что-то подобное и мое — ска-

жем, эти же "Письма" или что-то из моих стихов. О моем чертовом романе "Годы Орлиные" говорить не будем, потому как ему не суждено видать журнальных страниц ни сегодня, ни завтра. Может, потомки будут умнее нас и издадут "Годы Орлиные", в которых показана жизнь моих сверстников и вообще людей моего века и моего поколения...

— В твоих словах, Юсуп Аккуш, я вижу боль и правду, но помочь тебе ничем не могу. В коммунистическую бытность тебя с удовольствием печатали "Гудок" и наша республиканская железнодорожная газета "Целинная магистраль". Нынче же многое изменилось. Не представляю, Озджан-оглы, какая золотая рыбка нынче может тебе помочь!

— Думаю, Зульфийа-ханум, рыбки эти нынче вовсе перевелись, отчего надеяться придется только на себя. Если в "Просторе" или "Ниве" скажут: "Хэнде хох!" — и выпроводят за дверь, значит, я просто бездарь. Журналы таланты видят издадека, их и пускают на страницы.

— Все равно, отец Эндербей, в твоей поэзии есть много стихотворений, достойных журнальных страниц. Ну, скажем, хотя бы вот это:

"Как не любить нам эту осень,
Когда полнятся закрома,

Когда закончены покосы
И ждется матушка-зима?
Когда блаженствуют поэты,
Любуясь золотом листвы,
Рождая чувствами сонеты,
Что читаем сердцем мы..."
Или вот это, Халил Эргюн:
"Ах, матушка, прости своих потомков!
Они не те, что были в дни твои,
Они, как ты, не подвергались ломке,
Не знали похоронок с той войны.
Не знают голода, холодного жилища
И дружбы той не знают, что была,
Теперь волнует их лишь купюр сонмище,
И не страны, а личные дела".

В этот день моя Айшелек-ханум много чего припомнила негативного из моей жизни и упрекнула меня в писательской несостоятельности. Ей приятно читать Владимира Гундарева, Ольгу Шиленко, Николая Иванова, Любовь Шишкову, Валерия Михайлова, нашего земляка из Темиртау Виктора Федько, а также Виктора Семерьянова из Павлодара и вовсе близких земляков — Игоря Сенцова из Караганды и Алексея Шлыгина из Балхаша. Мои стихи, по ее мнению, тоже что-то говорят и тоже достойны страниц в "Просторе". Но питекантроп — он, видно, и в Африке питекантроп, так что "Простора" мне не видать, как своих ушей. Жизнь, по мнению Зульфийи-ханум, сложна и часто крепка, как камень, отчего поворачиваться к ней следует с таким же каменным лицом. Камень точит камень — это уже притирка. Притерся с жизнью — значит, ты победил, а дальнейшая твоя судьба зависит только от тебя самого.

Мехмет Касавалы из "Горькой жизни" вон какие перенес трудности! Какие только злые люди не стояли на его пути, но он переборол страх, неверие и в итоге вышел победителем. В твоей литературной жизни, Мехмет-оглы, я не рассчитываю на такой конец. В молодые годы надо было бы тебе, Кузембай Калкенович, пробовать свое перо, а не теперь, когда тебе за семьдесят! В эти годы дух творчества уж точно не может быть активным. Желания с возможностями всегда разнятся. В "Горькой жизни", смотри, как все отлично складывается, а у тебя, Ибрагим, я не вижу света. Если бы дать "Годы Орлиные" прочесть умным литературным людям, была бы какая-то надежда, а самому вариться в своем соку... Об этом ты сам должен думать.

— А чего думать-то, Нермин-ханум? В Агадыре дать почитать некому. В больших изданиях читают только известных. Хотел бы я, чтобы роман мой прочли и просто сказали: "Дед, найди себе другое хобби!" Честно, я бы не обиделся. Бумагомарателей история знает, так я один из их представителей.

— Думаю, Асулхан Дюрэль, с киношкой равняться нам не стоит: там все хорошо кончается, у нас же с тобой и твоей писаниной надежды никакой нет. Что ж, будешь писать для себя, а там время покажет...

— Время, Рабига? Был бы мне хотя бы полтинник, еще была бы какая-то надежда, а когда докатились до половины восьмерки, надеяться, в общем-то, не на что. Мысль, как говорится, работает, да зуб-то неймет!

— И все равно, Мехмет Касавалы, мне кажется, в тебе что-то есть от пишущего племени. Заметил же тебя Владимир Гундарев и прославил в четвертом номере "Нивы" в 2008-ом и во втором номере в 2009-ом! Твои "Жалтырские картинки" и сейчас читаются тамошним народом, о чем мне сообщают товарки. Уж кто-кто, а Владимир Романович знал, что печатать в своем журнале. Будь он жив, быть может, он обратил бы внимание и на твои "Пестрые письма", только, может, изменил бы название. Пока еще ты не отослал их в "Простор", думаю, надо переименовать название. Могла бы тебе помочь, только наум ничего путевого не приходит...

Своими сомнениями моя Дарига Ильясовна усомнила и меня. В конце концов решил: пусть редакторы делают с этими "Письмами", что хотят, лишь бы конец был благополучным, как в "Горькой жизни".

— Сегодня, Адамбай, век совершенно другой, отчеговтой "Письма" вряд ли кого могут затронуть, — продолжала терзать меня сомнениями жена. — Может, Амантай-оглы, надо тебе перестраиваться и искать другие дороги? Переключись на рассказы или на что-то детское, коль твое перо, как ты говоришь, постоянно рвется к бумаге!

— Что сделаешь — таков характер...

— Если бы тебя еще и печатали, Мохаммед-оглы, вот это была бы настоящая заслуга. А так — кому ты известен? То, что тебя когда-то заметили "Простор" и "Нива", — дань твоей усидчивости и годам. Тогда тебе исполнилась только круглая семерка. А нынче тебе уже семь и пять. Года, Кадырбай, тоже влияют на творчество, и это не мое мнение, а мнение мудрецов.

— Я согласен с тобой, Макпал Какеновна, только перо свое, наверное, не оставлю и на смертном одре. Таким меня родил аул Кенбидаик Кургальджинского района и таким к себе возьмет агадырская земля.

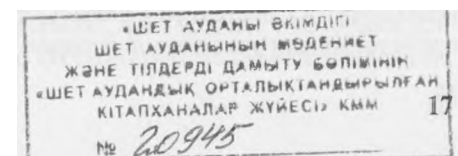
— Не впадай в мистику, Юсуп-оглы. Ты не пьешь, не куришь, делаешь зарядку и пробегаешь свои ежедневные четыре-пять километров. И в свои семь и пять ты можешь дать фору не одному шестидесятнику. А все оттого,

что ты в молодости не квасил, как твои ровесники, а учился в "вечерке" и постигал знания твоего журналистского факультета КазГУ. Железная дорога приковала тебя к себе на все сорок лет, ей ты отдал молодость и жизнь, о чем пишешь в своем романе "Годы Орлиные". Век нынче другой, и не верь тем, кто с экрана телевизора говорит, что время всегда одинаковое! Нет, время всегда разное, и люди в нем тоже разные, по фильмам и по жизни. В фильмах чаще всего благодать и надежда, в настоящей жизни — тоже, ибн-Кузембай-оглы. И потом, Ших Заде, мой повелитель, зачем тебе нужен этот "Простор" и та же "Нива", когда в мире существуют частные издательства? Издал же ты с их помощью первую в твоей жизни печатную книгу "Мои агадырские зори"! "Просторы" с "Нивами" — для великих, аты, Эндербей, простой агадырский неандерталец, который научился писать клинописью на камне. Но издатели не посмотрели на это, выпустили книгу — для тебя, для друзей твоих, для наших внуков, которые будут гордиться своим дедом. Нет, надо-таки сказать спасибо современному обществу и современной политике, давшим свободу для авторов! Прижал ты к сердцу книгу своих стихов — и помолодел как будто. А у тебя еще осталась маленькая тележка стихотворных набросков; тебе бы только приналець, и выйдет еще один стихотворный сборничек...

Удивился я прозорливости и красноречию моей женушки, вразумившей меня вернуться к забытым стихам. Набросков прошлых лет не сохранилось, потому как я не был обтесан жизнью: газеты стихи не брали, писать вручную под копирку я не умел, о пишущей машинке и не мечтал. Будь у меня рукописи всех стихов, можно было бы теперь издать, наверное, стихотворный трехтомник. Но все написанное мною в юношеские и молодые годы так и погубило в редакционных корзинах...

О чем я писал, сейчас и не вспомнить. Помнится, были стихи о Сталине — это было в 1949 году. Потом восхищался целиной, Хрущевым... Я жил поэзией и только на "дембеле" ударился в прозу, потому что так можно рассказывать о жизни несколько больше, нежели в стихотворных строках.

— Таких жен, как ты, — сказал я своей Бельгиз Сунде — Раисе Ильиничне, своему почитателю и спонсору в издательских делах, — надо крепко поискать. Благодарю судьбу, что нашел я тебя пятьдесят три года назад в твоём родном Агадыре!

Письмо 4

О ЧЕМ ТОЛКУЕМ, ГОСПОДА?

Нынешние наши СМИ нередко удивляют кругом поднимаемых вопросов и тематикой. Уважаемая "Свобода слова" в своем номере от 17 января текущего года на полном серьезе тиснула большую статью некоего Майка Холивара об истоках Советского Союза и Октябрьской революции. На эту тему писано и говорено довольно много, так что почти за сто лет после Великого Октября "белых пятен" не осталось, и тут вдруг — сенсационное открытие!

Кстати, руководителей и организаторов революции не превозносили, как позже Сталина. О Ленине не говорили: "Великий отец народов", "Отец и учитель", "Гениальный продолжатель"... Эти дифирамбы стали модными позже, при Сталине. Я помню, как нас, школьников, учителя заставляли петь перед аульной трибуной: "Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет! С песнею борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет!" Сталин любил читать и слышать возвышенные слова о себе, принимая их не иначе как в ранге бога.

Статья в "Свободе слова" вышла под заголовком "Зиккурат революции. Что хранится под Кремлем — тело или голова?". Зиккурат, как я понял в результате долгих размышлений, представляет из себя некую башню из поставленных друг на друга параллелепипедов или усеченных пирамид, в верхней части которых находится святилище. Речь, как нетрудно понять, о Мавзолее на Красной площади Москвы.

Автор указывает, что Мавзолей — трехступенчатый, "а значит, он перекочевал из шумерской культуры". Бог с нею, с этой шумеро-египетской культурой и самими египтянами, умевшими бальзамировать своих великих фараонов и хоронить их в пирамидах-усыпальницах... По замечанию же автора статьи, Мавзолей у Кремля — это не мавзолей, а копия вавилонских и шумерских зиккуратов.

Как бы то ни было, а руководители победившей революции и сплоченного государства СССР, надо отдать им должное, сумели в короткий срок соорудить такое крупное культовое сооружение, как Мавзолей. Он стал не только местом сохранения бальзамированного тела вождя революции, но и общественно-политической трибуной, перед которой проходили торжественные мероприятия страны, символизируя единение и мощь, сплоченность народа Советского Союза. С трибуны Мавзолея руководители СССР приветствовали участников парадов и в их лице весь советский народ.

Далее автор сомневается, чье тело лежит в Мавзолее — Ленина или кого-то другого, внешне шибко схожего с Лениным? На полном серьезе утверждает, что в период революции был некто Николай Ленин, сильно схожий с товарищем Ульяновым. Мол, Россия того времени читала статьи некоего Н. Ленина, дышавшие революционным порывом...

Углубляясь далее в статью, я вдруг узнал, что руководители Октябрьской революции прибыли в Петроград из Америки во главе с Троцким. Как указывает автор, это были в большинстве своем евреи, эмигрировавшие из России и прожившие долгое время в США. По Холивару получается, что революцию в России делали евреи из Америки, а руководил ею никто иной, как Бронштейн-Троцкий.

Майк Холивар далее замечает: "Больше половины агитаторов так называемого большевистского движения были евреями", о чем указывается даже в некой стенограмме протокола слушаний в сенате США по поводу русской революции. Надо отметить и еще одно замечание Холивара: "Американская пресса ничего не сообщает о Николае Ленине до октябрьского переворота. Он появляется вместе с Троцким и Коллонтай на пресс-конференции по случаю победы большевиков над Временным Правительством".

И что же? Только после 1920 года, по замечанию Холивара, Ленин стал Владимиром Ульяновым, отчего на Западе, в том числе и в США, автором Октября считают Троцкого. "И это вполне логично, я и сам так думаю", — пишет Холивар.

И еще несколько мудростей из статьи: "Нет, имя Владимира Ульянова использовалось большевиками для прикрытия факта того, кто же это такой пот самый Николай Ленин. Большим искушением было бы сказать, что никакого Ленина вообще не было, а эта кличка использовалась верховодящими большевиками (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин) по нужде. Но этому мешает одно обстоятельство — наличие тела в Мавзолее, облик которого совпадает с прижизненными фотографиями Ленина, похожего на Владимира Ульянова, чьи фотографии после 1920 года не публикуются".

Вот такие дела, господа! Сто лет кряду советские люди и весь мир искренне верили истории и знали, что подлинным руководителем, вдохновителем и организатором революции 1917 года был никто иной, как Владимир Ильич Ульянов, взявший себе фамилию Ленин в силу обстоятельств: революционеров преследовала царская власть, Ульянова изгоняли в сибирские ссылки, в район рек Енисей и Лена.

Статья Майка Холивара, по моему видению, идет вразрез с историей. Он утверждает, что руководителем Великого Октября был великий еврей Брон-

штейн-Троцкий из Америки, который затем оставил Россию и обосновался то ли в Мексике, то ли где-то рядом. А мы-то, пещерные, весь век считаем истинным руководителем революции 1917 года Владимира Ильича Ленина! Пусть он был когда-то Ульяновым — Сталин тоже поначалу был Джугашвили, но по революционной практике, скрываясь от царской охраны, взял себе другое имя.

Ну, а в целом уважаемому господину Холивару следовало бы знать, что великую революцию сотворили рабоче-крестьянские массы во главе с Лениным, который опирался на таких больших революционных борцов, как Чапаев, Фурманов, Пархоменко, Ворошилов, Буденный, Жуков и сотни других из большевистской народной армии, громившей Деникина, Юденича, Колчака, Чехословацкий корпус и всех, кто пытался вторгнуться Россию и мешал ее революционным свершениям, кто открыто выступал против рождения государства рабочих и крестьян.

В интеллекте господину Холивару не откажешь, потому и приходится только удивляться ходу авторской мысли против исторической правды. История за все сто лет после Великого Октября никогда не утверждала, что руководителем революции был некто Бронштейн-Троцкий, хотя такой был известен на мировой арене. Троцкий был в России, но он не понимал революцию, как не понимал Россию и россиян. О происходящем в России он не мог судить аналитически, что удавалось Ленину.

История человеческих войн знала Спартака, Македонского, Пугачева, Разина, до них Невского и Донского, затем Наполеона, Суворова, Кутузова, руководителей и героев минувшей войны, спасших мир от фашизма. Она знает и руководителя Великого Октября Ульянова-Ленина, которому прогрессивное человечество будет поклоняться всегда, как это было все эти сто лет. Личности, подобные Ленину, человечество рождает нечасто, потому будем благодарны веку, породившему Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Что ни говорите, а мы, дети довоенных и военных лет, с первого класса знали, кто был руководителем Октябрьской революции 1917 года, кто спас нас от вековых царей, правивших Россией и россиянами как бы не тысячелетие.

Неизвестно, кем бы мы сегодня были, не свершись эта самая революция. Наверняка мы оставались бы нищими, затурканными рабами богатеев и царских приспешников, какие с помощью попа Гапона перестреляли враз пять тысяч неповинных россиян.

Мы, люди старого поколения, детьми повидавшие и испытавшие войну

1941-1945 годов, став взрослыми, непременно настраивали свои дороги на кавказские да крымские курорты и дома отдыха, доступные в коммунистического бытность любому советскому человеку сплошь и рядом, будь он чабан, доярка, тракторист, слесарь или уборщица. Дороги эти непременно вели нас через Москву, где мы всегда перво-наперво с раннего утра занимали очередь в Александровском саду у стен великого Кремля. Очередь растягивалась вдоль всей Красной площади и приводила нас в Мавзолей. Там мы в тишине и в каком-то душевном волнении проходили мимо застекленного склепа с телом вождя революции и мысленно кланялись его человеческому величию.

Видя Ленина, мы ощущали от него какое-то благодеяние. За секунды мы мысленно оценивали путь, который прошла страна без него. Представляли, сколько бы он мог принести добра своей стране и своему народу, доживи он хотя бы до 1937-го. При нем не было бы "врагов народа", "кулаков"; не было бы, наверно, и войны, унесшей тридцать миллионов жизней советских людей. На заметку Майку Холивару брошу известное: "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!"

Письмо 5

ПОДПИСКА И ПОДПИСЧИКИ

Тиражи наших газет зависят от внешнего вида, "лица" газеты, но все же самое главное — "начинка". Она во всех газетах разная, потому как делают их разные люди, со своим журналистским опытом и со своей претензией на какие-либо новации. На мой взгляд, ценность газете придает наличие в ней одного или двух раз в месяц литературной страницы с художественными выкладками любителей пера.

Лет пятьдесят назад Агадырь входил в Жана-Аркинский район; выходила русскоязычная районная газета "Новая степь". "Районка" каждую субботу выдавала "Литературную страницу" со стихами, рассказами, очер-

ками внештатников, среди которых был активным и я, агадырский слесарь локомотивного депо.

Печатали меня и на других полосах, потому как я неплохо знал деповский народ и искренне восхищался людьми, которые создавали красоту и богатство своему предприятию и всему поселку.

В "Новой степи" тогда работали Иван Филатов и Геннадий Федосеев, который подписывал свои материалы именем Геннадий Охотский. Родом Геннадий Федосеев был с Сахалина. Мы были почти ровесниками — 23-25 годов. Я слесарил в депо, лазая по тепловозам, окончил агадырскую вечернюю школу и планировал подать в железнодорожный вуз. Геннадий же имел гуманитарное образование, видел во мне задатки журналиста и рекомендовал подать в КазГУ на журналистику, что я и сделал.

Геннадий вскорости из "Новой степи" ушел и работал на радио — не в самой Караганде, а в Абае. Мы встречались с ним, когда я в 1968-ом окончил заочно учебу в КазГУ. Потом он какими-то судьбами вернулся на свой родной Сахалин, и мне неизвестна дальнейшая судьба этого талантливого по тому времени журналиста. Осталась только память о встрече с ним в далекие 60-ые годы и о совместном корпении над моими и его стихами.

Стихами мы увлекались оба, они в большинстве своем и наполняли "Литературную страницу" "Новой степи". Печатались, конечно, и другие авторы, но моя дырявая память не сохранила ни единой их фамилии. А жаль...

Когда существовал Агадырский район (1973-1997 годы), в Агадыре выходили две районные газеты — "Агадырская новь" на русском и "Агадыр таны" на казахском языке. "Литературные страницы" в них тоже практиковались. За 25 лет существования газеты стихов моих там вышло вагон и маленькая тележка, согрели они не одну печурку при растопке... Не сохранилось ничего и в черновиках, потому как и черновики ушли на растопку. Обидно за молодую безответственность!

"Агадырская новь" имела хороший тираж, что позволяло ей выплачивать внештатникам гонорар. Какой бы он ни был, а душу все равно согревал — твоё творчество замечали и отмечали. В подписной период я обращался через газету к читателям-подписчикам с предложением уговорить хотя бы одного друга, соседа, знакомого подписаться на "Агадырскую новь". В результате, как я представлял, нас, подписчиков, станет вдвое больше.

Как все это было на самом деле, не представляю, только редакция благодарила меня, хотя, как понимаю, я был не очень убедительным агитатором, и вряд ли подписчиков стало вдвое больше. Но остаюсь на тех же позициях и поныне, обращаюсь к читателям нашей областной "Индустриальной Караганды": попробуем уговорить еще одного читателя, кроме себя,

подписаться на "Индустриалку"! Ах, какая будет армия читателей и ценителей газеты!

Мы обращаемся в газету со своими болями и радостями, с болями и радостями поселений, где мы обитаем. Газета откликается на наши радости и тревоги и непременно решает их через различные государственные органы. Наши СМИ — это тоже власть, действующая по законам своей страны, отстаивающая наши конституционные права.

В том, видно, и состоит дружба газеты и читателя, что они едины, неотделимы друг от друга, как народ и государство. Из СМИ мы узнаем, как живет наше отечество, а власть предрежащие узнают, как проживает родной народ, чего он хочет и чего требует, и что надо сделать государству, чтобы народ был богатым, здоровым, умным, красивым, сильным и непобедимым, и что надо сделать самому народу, чтобы его родное государство было на передовых позициях, среди богатых и цветущих стран большого мира нашей планеты.

Письмо 6 СПИШЕМ НА ВЕСНУ?

Зимой мы с женой в своей коммунальной "двушке" оккупируем восьмиметровую спальню, поддающуюся обогреву одним-единственным масляным обогревателем коммунистической поры. Даже в тридцатиградусные морозы он умудряется держать в комнате семнадцать-восемнадцать градусов, а при высоком солнце — даже девятнадцать.

Мы с моей Гульчатай радуемся этому, в шубы не кутаемся, но ноги окунаем в шерстяные носки китайского производства. Российского и нашего, казахстанского товара нынче днем с огнем не сыщешь, что, конечно, удивляет. Доперестроечный казахстанский товар мог бы дать фору заграничному. Где, скажем, обувь талдыкорганской фабрики "Джетысу" или карагандинские мужские и женские сапожки, костюмы чимкентской фабрики "Восход"?..

Признаемся, не любим мы себя, позволяя за границе вмешиваться в наши дела. Где-то, возможно, и нужно позволить, но отдавать иностранцам само производство — с людьми, с его характером, истоками, потенциалом, товаром... Балхашской и жезказганской медью правят заграничные дядьки. Отираются они и возле наших нефтяных, угольных запасов.

В целом, как думается, нам бы следовало заметить иностранцам: мой дом — моя крепость. Так не говорим же, позволяя корейским, индийским "танцорам" править бал в Балхаше, Жезказгане, Темиртау. Как-то промелькнуло в областной газете сообщение: на знаменитом металлургическом комбинате сразу 760 работников написали заявления на расчет в связи с переводом на череповецкий комбинат, который совсем не против такого мощного вливания крепкой силы. Как дальше сложилась судьба этих людей, точно не знаю, но уверен, что работать хорошо наши люди умеют, и не надо иностранцам их учить.

Компания "КарачаганакПетролиумОперейшинг" завершила прокладку газопровода Карачаганак-Чингирлау в 78 километров и готова газифицировать аж восемь населенных пунктов... Этот порыв приветствуется окружающим народом со слезами радости на глазах.

Смущает простых людей лишь одно обстоятельство: ну почему "ПетролиумОперейшинг"? Не нашлось родного, казахстанского названия?

То же — об "Астана Моторс". Нельзя ли по-нашенски — "Моторы Астаны"? Как приятно и легко звучит: "Казахтелеком", национальный парк "Бурабай", база отдыха "Коктобе", фирма "Казмунайгаз"... Хорошо, что умные люди отвергли первоначальную задумку построить в Алматы район под названием "Манхэттен Казахстан", поменяв его на свое, родное название.

Да, нынче мы отчего-то никак не можем обойтись без разных "пауэров" да "консолидейтов". Видно, действует весна, хотим совершить нечто оригинальное. Создавая фирмы, даем им оригинальные названия. Преступления тут, конечно, никакого, только зачем переступаем через свое, родное — язык, названия, привычные нашему уму, нашему языку и нашему сердцу?

Письмо 7 НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

В последнее время за своею женою стал замечать странные вещи. Сплю я обычно с открытым балконом, а зимою с открытой форточкой, чего она не позволяла себе ни в молодости, ни тем более теперь, когда ей стукнула неожиданная для женщины семерка.

Дверь в спальню жена запечатывает чуть ли не наглухо из боязни сквозняка, тогда как в моей комнате ветер гуляет как над седой равниной моря. Как бы ни было, а простуда меня не берет уже много лет, за что я благодарен все тому же балкону, форточке и холодному обливанию по утрам...

А странность в том, что даже ночью я замечаю в спальне жены включенный абажур. У меня свет ночью — простительно: слово тянется к перу, перо — к бумаге. Ау нее?..

Не спится? Так оставайся со своими думками без света, в темноте даже лучше думается. Вязать она не научилась ни в молодости, ни в старости, даже простого детского носочка своему сыну не связала, покупая все на агадырской барахолке, где можно купить даже крокодила.

Любопытство взяло верх, и я приоткрыл дверь.

— Слушай, Гульчатай-апа, раньше ты вроде ночами не блукатила, а теперь уже какую ночь вижу — не спишь и создаешь интригу. Мне простительно. У тебя же, дон Аинья, какие заботы?

— И у меня, синьор Аямат, тоже нечто подобное прорезается. Пишу я не первую ночь, аты только нынче сие заметил. Завтра, Абдулла-бей, считаешь, чего я нарисовала, и выдашь свое резюме. Я не могу писать вещи со своей нынешней безжизненностью и надуманностью. Не пишу того, чего в жизни просто быть не может. Помнишь про волчицу из "Простора"? Автор, будучи молодым, схватил ее за язык, когда она раскрыла пасть, чтобы разорвать при неожиданной встрече. Волчица и впрямь ничего не могла сделать, потому как в ее пасти была рука человека, с силой сжимающая ее язык. И ей ничего не оставалось, как только ждать смерти, какая и приблизилась с утренним народом, бежавшим на помощь к своему товарищу, заблудившемуся в бамовской тайге.

Волчице грозила неминуемая смерть, только автор взял да выпустил язык волчицы из своего кулака, и она тут же опрометью кинулась от подбежавших людей в густую чащу. Выпустил просто так, из жалости. В человеке сработала человеческая жалость ко всему живому, а с нею и жизненная неправда, хотя рассказ написан захватывающе и талантливо.

Мешать моей начинающей писательнице я не стал, пообещав утром обозреть ее пробу пера и выдать свое суждение. Женщины, ей-богу, непредсказуемы, и кто знает, какие таланты у них прорезаются. Художественным творчеством моя Зейнеб-ханум за пятьдесят лет жизни с ней не занималась. Но человеческие возможности беспредельны, кто знает, что на мою Фунду Эльхам накатило.

— Вот, префект Вивальдо,— сказала жена утром, — посмотри, что сие стоит. Разберись, есть ли какая-нибудь изюминка или здесь просто упорядоченный набор словес. Ничего подобного в печати я не встречала, значит, обвинить меня в плагиаторстве нельзя. Все это — работа моего сердца и ума, дон Себастьян. На старости, видать, не я одна пытаюсь обозреть свою жизнь, твою, в общем, нашу, наших детей, друзей и знакомых. Существуют же в мире "Отцы и дети" Тургенева, "Не стану я искать побед" Ивана Щеголихина и "Возвращение" Николая Раевского, та же "Ночь с волчицей" Марата Каландарова.

Опус моей доны Жасибель начинался, как у взаправдашней писательницы: "В человеческой жизни бывают моменты, когда человеку хочется оглянуться назад и как в арифметическом примере на классной доске подвести черту. В жизненном процессе тоже немало своих положительных и отрицательных действий, своих иксов с игреками, корней и сравнительных степеней, отчего на каком-то его этапе и хочется обозреть итоги.

Мой муж Абдулла, Рональдо Гонсалес, дон Альфредо, адвокат Герарди, Сальвадор Ламбарди, Сагентай, Бузумбай и бог знает кто еще (имена почерпнуты мною из многочисленных сериалов и узаконены в домашнем обиходе) предстоящий мой семидесятилетний юбилей не видит шумным, с напылом родных и друзей. Он видит тишину и скромность, о чем мечтаю и я.

Перестройка не могла меня перестроить, почему я и остаюсь старой баб-

кой с заскорузлыми повадками и памятью. Негласно подводя итоги своему семидесятилетию, прежде всего вижу свою деповскую группу учета, где я начала свои первые рабочие шаги и какой затем отдала 37 лет своей жизни. В группе той было семь девчонок, семь незамужних красавиц, какие после выпускного десятого подались в Агадырское локомотивное депо, где мы накручивали свой опыт и мастерство, совмещая с учебой в железнодорожной "заочке". Обыденная работа почему-то именно меня посадила в начальствующее кресло на все тридцать лет — до дембельского 1996-го. Что больше вспоминается? Мои боевые девчонки! Некоторые из них, коль не изменяет память, как Катя Гринюк и Света Кореннова, в нынешнем 2009-м отметят свои сороковники. Одна из них проживает в Новоалтайске, другая — в городе Ярцево Смоленской области. Молодое поколение разье-халось в 1994-95-х и теперь доживает свой век вне Агадыря, где-то на чужбине. А больше вспоминаются 1959-82-е, когда бегали тепловозы. В сутки с четного и нечетного хода пробегало до тридцати пар поездов, а это для группы учета колоссальная нагрузка. Обрабатывать столько поездных маршрутов девчонки просто ухайдокивались.

Казахская железная дорога имела хорошие данные, за что не раз награждалась. Громкую похвалу имело и наше Карагандинское отделение во главе с его начальником Юрием Александровичем Растрыгиным. Так что работать мы умели, в том числе и группа учета агадырского локомотивного депо, за что не раз крепко поощрялись бывшими начальниками депо Василием Семеновичем Ковикой, Геннадием Георгиевичем Беспаловым, Валентином Филипповичем Заварцевым, Станиславом Георгиевичем Черепковым, Виктором Петровичем Коренковым, Виктором Павловичем Лапшовым. Живым я кланяюсь и теперь, ушедшим из жизни говорю: "Земля вам пухом..."

Насчет начальников агадырского локомотивного депо моя Гульжанат ханум (по домашнему) и Раиса Ильинична Слепцова (в действительности) в своем опусе отзывалась проникновенно, и было за что. Я сам трудился под их начальством без малого сорок лет. До своего дембеля я прихватил еще двух начальников, какие здравствуют и поныне.

Личность моей Раисы Ильиничны — самая обычная. Внутренняя же энергетика у нее как у руководителя коллектива всегда была напряженной, она не умела выплескиваться или замыкаться при жизненных неурядицах. Накануне своего юбилея жена как-то сказала:

— Я — чистая железнодорожница, всю жизнь проработала с железнодорожным народом, подпитывалась его энергетикой и его мудростью. Недаром как бы не до самого 1955-го железнодорожники носили погоны — у них и дисциплина была военная, и ответственность боевая. Свою группу учета не распаляла и не настраивала на штурм, а требовала сосредоточенности, внима-

тельности и добросовестности. Да и сама все восемь часов могла не отрываться от бумаг и арифмометра.

Глядя на сосредоточенную начальницу, ее работники тоже не позволяли себе расслабляться. Напряг и усидчивость делали свое доброе дело, маршрутные листы вовремя складывались перед начальницей на проверку и подпись. И жизнь уже не казалась такой скучной, казалась привлекательной и многообещающей. Как иначе — женский темперамент берет свое.

Моя юбилярша могла быть умным наставником, понимала женскую душу, видя в ней больше солнца, чем затмения. В целом же, по нашему общему мнению, жизнь моей Гульчатай-Гульжанат-Жасибель-Раисы была ясной и определенной. Однако без трудностей не обходилось, приходилось спотыкаться и даже падать. По работе случалось всякое, однако престиж группы учета оставался неприкосновенным, непорочным и всегда чистым, что ценилось начальством. Теперь это только воспоминания, но и от них как-то легко дышится.

С юбилеем мою супружницу я поздравил как никогда тепло и даже прочел ей вслух свое четверостишие: "Желаю тебе, друг мой, от души здоровья, счастья, встреч без лихолетья. И назло генетике прожить в целом наступившее столетие".

Письмо 8

"ИГРАЙ, ГАРМОНЬ"

В СТРАНЕ И В СЕРДЦЕ

Равнодушных к телепередаче "Играй, гармонь", думаю, найдется не много.

Лично я жду эту передачу как манну небесную со дня ее появления на телевидении, все двадцать три года. И несказанно жалею, что не записывал передачи с Геннадием Заволокиным. Уже после 2001-го, спохватившись,

стал записывать частушки, песни, куплеты, в которых все торжество русской души. Записывал не на видео, а в тетрадь из уст живых людей. Может, когда-то повезет — в продажу поступят записи передач "Играй, гармонь" на дисках. Ах, какое было бы воскресение!

Может, таковые уже существуют, но, будучи в гостях в Новоалтайске, я ничего подобного нигде не встречал. Все я привез из приветливого Новоалтайска — и любовь родни, и приветливость друзей, и впечатления от малоллюдных улиц и красоты новых строений, и алтайский мед. Даже алтайскую горбушу непревзойденной вкусноты! А вот такого счастья, как диски с "Играй, гармонь", не привез.

За месяц пребывания на Алтае "Играй, гармонь" по субботам я не видел ни разу, поскольку по программе ей начертано выходить где-то в семь утра, когда молодые домочадцы еще почивали. Мы, приبلудные, хоть и были уже на ногах, но телевизор не решались включать из этики и здравого смысла. В Казахстане эта передача идет по субботам, в 9.50 утра, когда весь мир на ногах.

Перед самым моим отъездом в Барнаул — 26.09.09 — я успел посмотреть юбилейную передачу "Золотая десятка". Запись велась в Новосибирске, в 1999 году, под руководством самого Геннадия Заволокина. Я тут же записал: "Играй, играй, гармонь, играй на всю катушку, давай, давай, гармонь, и пляску, и частушку".

На этом празднике гармонисты были со всей России. Николай Федорович Турусов из Мордовии играл мордовские песни и русскую: "Выйду на улицу, гляну на село, все люди гуляют, а мне не весело", какую сам же и спел. Александр Фундуков набросился — не иначе — на классическую "Эти глаза напротив", которую неподражаемо пел Валерий Ободзинский. Александр Ганин из Барнаула играл красивые русские мелодии на гармонии без традиционных кнопок, а с планками типа аккордеонных. Звук был изумительный, красота мелодии просто трогала душу.

Алексей Воронцов из Архангельской области играл танцевальные мелодии, а Надежда Ивановна Савельева себе же и подпевала: "С заволокинской гармонью где я только не была, я в Сибирь с большой любовью к вам на праздник прибыла". Кто-то после нее пропел: "Нет, по-вашему не быть, мне гармошку не забыть"...

За две недели до этой передачи повторно транслировалась "Играй, гармонь" из Татарстана. Заслуженный артист республики Ринат Валеев играл татарские мелодии с изумительными переборами, а Борис Валеев на баяне демонстрировал виртуознейшую пальцовку. Гармонист Сагиев играл на гармошечках различных размеров, вплоть до сигаретной пачки, и в виде са-

пожка. На обычной гармонии он демонстрировал игру, нажимая кнопки не пальцами, а рюмкой, что не мешало выдавать мелодию, сопровождаемую частушкой: "Не давайте нам обедать, не давайте воду пить, только чаще раз-решайте на "Играй, гармонь" ходить!".

Всех передач "Играй, гармонь" за 23 года ее трансляции уж точно не перебрать. Но о некоторых хотел бы посумерничать с читателями. Наверняка кто-то из них любит "Частушку", ее коллектив и ведущих — Анастасию и Захара Заволокиных.

Передача от 22 августа сего года называлась "Встреча памяти". Гармонисты "Золотой десятки" и все истинные любители гармонии вспоминали передачи "Играй, гармонь" и свои встречи с Геннадием Заволокиным. Прошло девять лет после его трагической гибели, но, по словам гармонистов, он жив и поныне. Жив своими песнями, которые звучат не только в России, но и на всем великом пространстве бывшего Союза.

Александр Иванович Юрьев из Барнаула, друг Геннадия, сыграл свое произведение "Памяти Заволокина", а братья Ходаковские под свою гармонь пропели:

Растяни меха, гармошка,
От плеча и до плеча,
Пропоем мы вам страданья
Про Геннадия Дмитрича.
Заволокина гармонь,
Ах, как она играла!
Мою душеньку гармонь
На части разрывала.
Пусть гармошечка играет
И поет на голосах,
Пусть Заволокина вспоминают
Даже наши небеса.

На "Встрече памяти" звучали песни самого Геннадия Заволокина на его музыку и его слова, неподражаемые по красоте и душевности. Песни в большинстве исполнялись "Частушкой" в сопровождении баянистов со стрункой аранжировкой. Я испытывал невероятное волнение. Я просто обнимал песню и "Частушку" и растворялся в них.

Опять в районе поют гармонии,
Поют гармонии в селе родном,
Пусть мне дома не все знакомы,
Не все знакомы, но дом есть дом.

А 15 августа текущего года "Частушка" устроила "Праздник на селе", по-

бывав в селе Переволоцком Оренбургской области. 270 лет исполнилось селу с деревянными домами-срубами, палисадниками и огородами, кирпичными трубами в домах.

В кругу гуляющих сельчан Владимир Петрович Болтунов играл наигрыш и пел свою частушку: "Слава богу, слава богу, стал я наживать — продал дом, купил ворота, стал я запираюсь". Кто-то из толпы, подыгрывая себе, душевно выговаривал: "Затуманит меня дальней юности дым, только буду я, видно, всегда молодым, и гармошка моя запоет у реки, вы простите меня, земляки, земляки".

Серьезные песни сменялись лихими частушками, какие придавали гулянью веселый колорит: "Хорошо траву косить, которая не косится, парня хорошо любить, который не заносится". "Меня несет волна-волна — так будь же ты сознательным: мне твоя любовь нужна словно круг спасательный".

4 июля сего года "Играй, гармонь" транслировала свое пребывание в Вологде, где из толпы гуляющих неслась песня: "Балалаечка гудит — ее не переделаешь, он другую полюбил — ничего не сделаешь". Татьяна Короткова в сопровождении своего баяна пела: "Купола золотые церквей, я над Вологдой милой кружу, нету Вологды милой родней, я любовью к ней дорожу".

Кронид Александрович Софронов из села Киселева пропел: "Милкин домик, милкин домик, милкино крылешечко, посмотрю на милкин домик заболит сердешечко. Из кармана вынимаю белый свой носовичок, ой, спасибо, что играли — заплясал и кот Волчок".

Боше Борисович Козлов из села Кипелово подхватил эстафету: "За калиткою гармонь застрадалась, за гусями-лебедями погналась". А водители Михаил Парушев и Иван Семенов, аккомпанируя на двух гармониках, залихватски отчебучивали: "Все у нас по-вологодски — и работать, и любить. Ну и с песней молодецкой можем мы всегда дружить".

13 июня 2009-го "Первый канал" показал, как "Играй, гармонь" побывала у известной сибирской травницы Прасковьи Яковлевны Лосевской. Кто-то из гостей пропел: "У моей кумы русы волосы, а поет куматонким голосом". Прасковья Яковлевна не осталась в долгу: "Возьмет гармошку милый, к нему я подойду, такой красивой парой с ним по селу пройду".

Село Прасковьи Яковлены — в Хакасии, травница помогла не одному страдающему. Виктор Наумов так это выразил на гармонии: "У Прасковьи-повитухи я всегда лечился, и за это, наконец, хоть нынче поклонился".

А зимняя трансляция "Играй, гармонь" в 2007-м воскресила летние: встречи на IX фестивале гармонистов в Иваново. Александр Ланин из Барнаула вытворял истинные чудеса: чудо-переборы, невообразимую пальцов-

ку, выдавал разливную ширь души. А квартет из Новосибирска "Еще не вечер" спел свою песню: "Гармошки голосистые во всей России славятся, девушки красивые всем мальчишкам нравятся. Помню санки, помню горку, помню, как катались, помню своего Егорку и как целовались".

Да какие только таланты здесь не выступали! Алексей Климов из Урюпинска мог залихватски пропеть: "Я играю, я играю, я играю и пою, никогда не променяю я гармошечку свою". По сути, здесь были любители гармонии и песни со всего СНГ. Ермолаев Юрий Александрович из Донбасса играл чудный "Шахтерский вальс", а казак Лев Павлович Кутузов из Сыктывкара пел красивую песню "Ой, при лужку, при луне, при счастливой доле". Николай Филимонов из Комсомольска Ивановской области сыграл на гармонии переборы собственного сочинения, а Борис Журавлев из Барнаула исполнил на гармонии и спел знакомую трогательную "Хороши вечера на Оби". Алексей Медведев из Владимирской области пел песню со словами "Вы любите гармонь, дорогую певунью России", и его поддержал большой круг гармонистов и певцов. Кто-то из того же круга продекламировал: "Не услышишь гармошку теперь — загубили ее барабаны".

Я бы добавил: и электроника. В одной из передач сам Геннадий Заволокин обратился к окружающим: "Бросьте вы это электричество!"

В наше время электрогитар, барабанов и клавишных электроинструментов гармонь и баян становятся немодными. Вытесненные электроникой, они живут лишь у любителей да в профессиональных ансамблях: Надежды Бабкиной, "Золотого кольца" и незабвенной "Частушки".

Жизнелюбивых и искрометных частушек и песен Марии Мордасовой нынче не услышишь даже по радио. У нового времени новые эстетические потребности: "Чай вдвоем", "Премьер министр", "Тутси", "Серебро", "Виагра", "Блестящие". Таких коллективов не перечесть.

IX фестивалю гармонистов предшествовали рядовые поездки ансамбля "Частушка" по городам и весям России и республикам СНГ. Двадцать лет странствий, от востока самого Дальнего, до западных границ — Белоруссии, Украины, Молдавии. Гастроли по великому Союзу и СНГ выявили необыкновенные певческие и исполнительские таланты гармонистов.

В сентябре 2006-го "Играй, гармонь" побывала на Украине, где местные весельчаки пели: "Одессит и сибиряк пляшут эдак, пляшут так, гармонь грани не признае, киньте все — гармонь играе".

Алексей Тонкошкур из Полтавской области на полубаяне — редком нынче инструменте — исполнял удивительной красоты и душевности украинские песни. Посетила "Играй, гармонь" героический Севастополь, Киев,

Сумы, другие места. На разных языках звучали песни, однако всем они понятны, потому как в них душа и дух народа, человеколюбие.

Мартовские передачи 2007-го "Играй, гармонь" были посвящены памяти известного баяниста Советского Союза, сибиряка Ивана Ивановича Маланина. Владимир Маслеников из Волгограда исполнил на баяне изумительной красоты кадрили собственного сочинения. Александр Епифанцев из Алтайского края сконструировал собственные гусли и, сопровождая себя на них, пропел: "Поднимается Россия, возрождается она". Не обошлось, конечно, и без шуточных частушек. Виктор Заика из Белгородской области балагурил: "Завалите эту речку, чтобы не было воды, уберите этих девок, чтобы не было беды". И: "Ты сосед, и я сосед, ты уж сед, и я уж сед, давай выпьем на крыльце за свое здоровье".

Устроители демонстрировали старые пленки Ивана Маланина в мирной жизни, выступления его в передовых частях во время минувшей войны, когда солдатам выпадал небольшой отдых между боями. На фронт приезжали Клавдия Шульженко, Иван Маламин, казахстанка Роза Багланова, другие мастера сцены. Иван Маламин, будучи совершенно слепым, решался на выступления перед солдатами на передовой, а не в тылу. Маланинский баян выплескивал из себя красоту и широту русской песни. Он напоминал солдатам о родном крае, где ждут дом, семья, родные и близкие. Ради них не жалко и жизни, только были бы они свободными, не закабаленными врагом. "Играй, гармонь" и сегодня шагает по России и по СНГ. Пospеть за нею невозможно.

Январская передача 2008-го транслировала летние встречи в Чеченской республике. Звучали песни ансамбля "Зайнах" на чеченском языке и русском, выдавая уверенные слова: "Умолкнет гроза, стихнет вьюга. Люди, любите друг друга". А какие в Чечне были пляски, взрослых и детей, из ансамбля "Даймаханну"!

В феврале — Тобольски Ханты-Мансийск. Прозвучали душевные слова: "Там в Сибири есть местечко, ждет меня уж много лет. Милый домик возле речки мне со снегом шлет привет". Звучала в Тобольске красивая музыка в исполнении на балалайке мальчика Ильи Донского и его отца Евгения — на баяне. Ах, какое созвучие, какое проникновение в душу! В который раз хотелось бы поклониться передаче "Играй, гармонь" и городу Тобольску, откуда родом были создатель останкинской телебашни Никитин, автор бессмертной сказки "Конек-Горбунок" Ершов, автор знаменитого романа "Соловей, мой соловей" Алябьев и великий химик Менделеев. Всем им — светлая память, а Тобольску — богатства и процветания.

А 16 февраля 2008-го в любимой передаче уже звучала "Кубань певучая". Казак Олег Чаловский на гармонии играл виртуозные мелодии, токарь Сергей Жидков исполнял искрометный адыгейский танец, а Петр Дымков — куплеты "Эх, Кубань раздольная, край ты мой родной, эх, Кубань ты вольная, будь всегда со мной". Лариса Алехина из Краснодара в своей частушке вынуждена была признаться, что мир без песен просто тесен. Владимир Николаевич Петак из станицы "Кубанская" пропел грустный куплет: "Я встретил розу, она цвела, как маков цвет, светла была. Сорвали розу, помяли цвет, а этой розе семнадцать лет".

Ансамбль "Родники" из Апшеронского района любит патриотическую песню. Один из куплетов отложился в моей памяти: "Поклониться б родному крылечку, по знакомым дорожкам бежать, я готов даже дым, что колечком над родимой избой, обнять".

Первомартовская "Играй, гармонь" того же 2008-го подарила нам встречу на сибирской земле, в сургутском крае, где звучали и шуточные частушки: "Ты давай, не задавайся, ты не так себе хорош, ты на Шарика и Тузика вместе с Бобиком похож". Супруги Слинкины под веселую гармонь залихватски отпевали: "Эх, гармошка, заиграй, настроенье поднимай". А слесарь котельной, растягивая удалую гармонь, подпевал: "Эх, гармошка, дай-ка жару, я еще подцам всем пару".

Анастасия и Захар Заволокины в унисон пропели трогательные слова: "Чтобы пышно цвела наша яблонька, чтобы долго жила наша маменька".

К счастью, их маменька жива, жива Геннадием Заволокиным, детьми Настей и Захаром, их любимым ансамблем "Частушка", который уже более двадцати лет радует Россию и страны СНГ. Владимир Клинов из Перми, вспоминая прежние встречи с Геннадием Заволокиным, задумчиво пропел:

"Лет немало прошло в радости и в горе, мы с тобой заодно, как лодочка в море". И правда, все, кто любит песню и гармонь, всегда заодно с делами Геннадия Заволокина, с его песнями, с его передачей "Играй, гармонь".

29 марта 2008-го Анастасия и Захар Заволокины объявили, что передача посвящается последним двум годам жизни их отца, вспомнили его встречи с гармонистами, талантливыми людьми в Курганской области, Сочи.

18 марта 2008-го Геннадию Дмитриевичу Заволокину исполнилось бы шестьдесят, но трагическая ночь Ивана Купалы в 2001-м стала для него последней. Его нынче нет с нами, но живут его лирические песни, его красивые сочинения для баяна, на что решаются лишь единицы — Григорий Пономоренко, Аверкин, Радыгин и лишь несколько других фамилий.

Нам, зрителям, с передачей "Играй, гармонь" всегда по пути, наши дороги всегда будут идти в одном направлении — к песне, к большой

и красивой душе народа, к русскому открытому и неунывающему характеру, к русской поэтической словесности, прославляющей родные поля, деревеньки и села, родной дом и дымок над трубой, свое низенькое крылечко и свет в окне, свои тихие травянистые улочки, где свободно гуляют гусиные и утиные выводки, напуганные иногда лишь проезжающим мотоциклом...

Эти милые сердцу картинки и составляют твою Родину.

Перебирая старые записи передачи "Играй, гармонь", наткнулся на песни, прозвучавшие на IX фестивале гармонистов:

"А в Иванове вся Россия, вся Россия живет и поет, у кого бы вы здесь не спросили, сердце каждое праздника ждет".

Ждут этого праздника и сегодня, ждут "Играй, гармонь" и в моем маленьком доме, где каждая передача приносит душе необыкновенную теплоту, возвышенность и неподдельную радость.

Творческие дороги привели как-то "Играй, гармонь" в крымский город Саки, где кладовщик Виктор Забавке пропел в сопровождении своей гармони: "Украина и Россия — два куста смородины, только власти охраняют Родину от Родины?". Его поддержал заслуженный работник культуры Украины Владимир Майборода: "Когда на подступах к Рязани рубились русичи с ордой, на защиту земли встали русич стар и молодой".

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о передаче "Играй, гармонь" от 2 июня 2007 года, о встречах с песенным народом на рязанской земле и на родине Есенина. Ансамбль "Долинушка" спел старую и хорошо известную песню на слова Есенина:

Дальний плач тальянки,
Голос одинокий,
И такой родимый,
И такой далекий.

Под аккомпанемент Ермакова Александра Николаевича — баяниста из ансамбля "Радуница", что в родном селе Есенина Константиново, де-

вушка спела: "На дворе стоит береза, а я думала, Сережа, я березу обняла, ей сердечко отдала. Давай, милый, пострадаем, какова любовь узнаем".

Кто-то из нарядной толпы не забыл даже и Маяковского, сказавшего:

Мир опять цветами оброс,

У мира весенний вид,

И вновь встает нерешенный вопрос

О женщине и о любви.

А кто-то прочел Г. Андерсена:

Дворцом любая станет хата,

Царит где добрая жена,

Дороже жемчуга и злата,

Дороже всех богатств она.

А как я могу не напомнить встречи "Частушек" с участниками Великой Отечественной войны в разные годы! Седовласые ветераны и военные еще бодро и от души пели и веселились на незабываемом празднике День Победы. Дай мне руку пожать на прощанье, дай тебе я в глаза погляжу, до свиданья, жена, до свиданья — я на фронт, на войну ухожу".

В одной из таких передач показали Геннадия Заволокина в солдатской форме и пилотке. Он пел на празднике Победы изумительную по смыслу, душевности и правде жизни песню в своем сопровождении:

Господи, сколько же лет нам наступало,

Нам, пацанам, той войны мировой,

Как же так вышло, что с нами нет Жукова,

Впрочем, не надо — он с нами, живой.

Я хочу, чтобы ты меня встретила,

Как бывало в мирные дни,

И седин моих не заметила,

И молодые морщинки мои.

...Решил на этих воспоминаниях поставить точку, но опять усадила за листки передача "Играй, гармонь" от 14 ноября, когда я уже приехал домой из Новоалтайска. Не знаю, когда туда наведаюсь вновь, только тоска по нему не оставляла меня и спустя двадцать дней после возвращения.

"Играй, гармонь" на этот раз увела зрителя на родину Василия Макаровича Шукшина, в алтайское село Сростки. Весь местный и приезжий народ собрался у памятника Василию Шукшину. Большой артист, писатель, режиссер и Человек изваян в бронзе, сидящим на белом камне. Он смотрит на свое любимое село и на Катунь. Племянница Василия Шукшина Надежда Зиновьева и племянник Сергей Зиновьев рассказали о своем дяде, что помнили, поделились воспоминаниями и старожилы села. Стари-

к и вспоминали, что Василий Макарович любил гармонь и даже плясал, иодпевая:

"Мы с товарищем вдвоем коней в поле поведем, коней в поле поведем, сами к девушкам пойдем".

Нынешнее российское село красиво, деятельно, целеустремленно. но в нем живуча тяга к старине, к теплым деревянным домам без штукатурки и кирпичной кладки, к палисадничку и собственному огороду, к собственному колодезному срубам с журавлем или с вертушкой, дающему хозяину чистую холодную воду, не замерзающую даже зимой. Ею живы подворье и огородик, ею жив каждый деревенский дом. Той бедности, что описывал Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву", в нынешнем селе нет. Россияне умеют жить, умеют работать, а значит, и зарабатывать. И еще умеют они выражать свои чувства в русской песне и частушке, в любимой русской гармонии.

Не знаю, кто как, а я к гармонии всегда относился подобострастно, с трепетом.

Отношу себя к последователям и страстным поклонникам русской песни и частушки, песен Марии Мордасовой, Зыкиной, хоров Пятницкого, Волжского, Рязанского, Пензенского, Северного, Уральского, Сибирского, "Золотого кольца", коллектива русской песни Надежды

Бабкиной и, конечно, "Частушек" Геннадия Заволокина с ее живой, массовой, истинно народной передачей "Играй, гармонь". У этой передачи такой широкий шаг по России и СНГ, ее встречают повсюду более 25 лет и, наверно, будут ждать и встречать всегда, потому как в ней живет великий дух народа, его душа, его судьба и его большая жизнь.

Закончить же эти посиделки хотелось бы строчками, вылившимися прямо из сердца:

У "Играй, гармонь" — орлиные крылья,

Оттого, наверно, и большой полет,

Чтобы сказку сделать былью,

Она с небес идет в народ.

Письмо 9

ЧТО ГОД ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Правда нет ли, только астрологи 2013-й считают благополучным и активным во всех жизненных позициях. Мол, это год Змеи, а змеи в большинстве ласковые и послушные. Положимся на астрологов и всяких предсказателей, а там что жизнь покажет.

Предрекали человечеству конец света 21 декабря — обошлось. Думается, нечетный год будет для нас и мира еще лучшим. Бабки, правда, уверяют, что на нечетный сорок первый началась большая кровопролитная война, унесшая как бы не все тридцать миллионов человеческих жизней только советских людей, да двадцать миллионов в других странах. Что примечательно, замечают те же бабки, война закончилась большой Победой тоже в нечетном году — 1945-м. Так что границ между четным и нечетным годом быть не должно, особенно у цивилизованных людей нашего донельзя цивилизованного века.

Чем знаменит окажется 2013 год? Наши и российские СМИ наверняка обмолвятся об исполнении 60 лет со дня смерти великого вождя народов, который тридцать лет руководил великим СССР. Наверно, назовут его личные заслуги в победе над фашизмом, упомянут и об ошибках, какие назвал на съезде Хрушев, эти ошибки можно назвать двумя словами: культ личности.

Наверно, никто на земле не проклянет Сталина так, как это сделал Александр Солженицын в своей книге "Архипелаг Гулаг". Ему, заключенному по знаменитой 58-й статье, много лет пришлось отбывать на лесоповале и в других страшных местах. Весь лагерный быт он испытал на себе лично и потому имел право по справедливости оценить политику Сталина по "врагам народа", "кулакам" и прочему невиновному люду, сосланному в лагерь. Упоминаются среди этих лагерей и наши карагандинские, со Спасском и Долинкой.

Если верить книге Солженицына, то на Беломорско-Балтийском канале погибли сто тысяч заключенных. Но они за двадцать месяцев вырыли-таки канал в 287 километров вручную в каменном и мерзлом грунте. Землеройных машин в 1929-31 годах, когда строился канал, почти не было, а коль они и были в городах, так ценились по тому времени дорого, заключенным ее не давали. Все делали руки заключенных и их хребет.

Что еще? В 2013-м СМИ непременно отметят, что уважаемому Михаилу

Горбачеву стукнет восемьдесят два годочка. СМИ наверняка отметят, что Михаилу Сергеевичу надо-таки отдать должное за вывод наших войск из Афганистана и спасенных тем самым тысячах молодых солдатских жизней. Война была представлена как помощь Афганистану от Советского Союза. Затеял ее Брежнев, бывший в свое время полковником и генералом. Наверно, чесались руки у бывшего вояки, а голова не думала, чем обернется приказ начать бессмысленную войну.

Политика Михаила Сергеевича, видно, как-то способствовала и крушению знаменитой германской стены. Ну а борьба с пьянством, с вырубкой виноградной лозы, над какой рубрики даже рыдали, чести Горбачеву не сделала. Только слова, только агитация за здоровый образ жизни, только доказательства медиков о вреде курения и пьянства могут принести какие-то плоды. Во всем должна быть умеренность, она и была испокон веков, когда медовуха по усам текла, а в рот и капли не попадало.

Бросив курить и пить, мы наверняка доживем до лет актера Владимира Михайловича Зельдина, какой за свою 95-летнюю жизнь не пробовал ни табака, ни хмельного зелья, что позволило ему сняться в веселом и широко побимом фильме "Сваты".

Чего еще ожидать от наступающего года Змеи? Нам, телезрителям, хотелось бы, чтоб канал "Евразия" пересмотрел свою программу по времени вещания. Возьмем хотя бы субботу 22 декабря. Интересная, поучительная передача Андрея Малахова "Сегодня вечером" притыкнута на 00.05 ночи.

После нее начинается нужная, познавательная передача "Человек и закон" с отличным ведущим Алексеем Пимановым. Начало — в 01.40, окончание в 02.15 ночи.

Для какого Бузумбая и Ваньки с пивзавода идет эта передача в такое время? Рабочий человек в это время спит. А для многих нынче и суббота с воскресеньем бывают рабочими днями. Почему бы на это время не задвинуть "Тетю Клаву вон Геттен", "Холодное солнце", "Фарфоровую свадьбу", какие больше на любителя рассчитаны? "Сегодня вечером" и "Человек и закон" — это же для миллионов!

А пятница с долгожданным "Полем чудес" падает на 21 час и всей своей тяжестью давит прекрасный турецкий сериал на "Хабаре" "Сулейман Великолепный".

Так нельзя ли "Поле" поставить на место "Маруси", "Ментов в законе" или на другое, более раннее время? С января "Сулейман" будет продолжаться, и не хочется, чтоб он встречался с "Полем чудес" и мешал Якубовичу.

Чудесная, неподражаемая передача "Играй, гармонь", которой в 2012-м исполнилось 26 лет, с 2011-го года по сентябрь нынешнего исчезла с экра-

нов Евразии и только теперь появилась. Но не в субботу, как было все 25 лет, а в воскресенье. Бог с ним, пусть будет в воскресенье, только зачем же гнать ее в 07.40 с утра, когда в доме весь честной народ сладко спит? Почему же ее не поменять по времени с "Фарфоровой свадьбой", "У реки два берега", лотереей Казлото? Все двадцать пять лет передача транслировалась в дневное время и никому не мешала. Чего же теперь, евразийцы, вы задвинули ее на святое утро? Ладно, у кого две-три комнаты. А у кого только угол?! Не любят телезрителя. Да и себя мы не любим...

Глядя в новый 2013-й год, казахстанцы лелеют надежду на окончание ликбезовских и гиппократовских страданий. Они по сей день помнят благие коммунистические времена с бесплатным образованием и лечением. В нынешний СНГэвский век выпускники-одиннадцатиклассники, приезжая в город учиться из казахстанских Холмогор, должны иметь от родителей несметные суммы. Родители разорились, дитя учится. А следом заканчивает школу второе дитя, за ним тянется и третье. Ну что поделаешь, Бог так послал их друг за другом, куда от этого денешься?

Спасибо Аллаху, что сотворил такое чудо! Чудо и то, что вырастили их, берегли от болезней, выучили в школе. Осталось выучить их в вузе, потому как нынче без образования не найдешь работы, а без работы - полноценной жизни.

Где взять эти чертовы деньги? Первый за свою учебу высосал до нитки, как же быть с двумя последующими?.. Ах, дорогая страна, нельзя ли с 2013-го года сделать все наши альма-матер, бursы, лицеи, прочие образовательные кондоминиумы бесплатными, как это было до СНГ? Было же у нас как бы не все семьдесят лет бесплатное образование, и ничего. Страна и после войны училась, лечилась, строилась. И не упала в преисподнюю, люди росли грамотными и здоровыми, строили колхозы и совхозы, подняли целину. Этому точно содействовали бесплатное образование и лечение.

Нынче наше образование и лечение не иначе как страдания. Приходится удивляться, как наш бывший коммунистический мир умудряется выживать в новых СНГэвских условиях. Люди как-то учатся, лечатся, с голоду не пухнут, даже умудряются отдыхать на Канарах. Какой секрет у нынешних людей и у времени непонятно, только живем мы нынче лучше, чем в коммунистическую эпоху. Двадцать лет независимости, а какие сделаны шаги, каков сделан взлет!

И все же зачем Казахстану по примеру крутого Запада платное образование и лечение? Нам надо бы пойти всем наперекор и сделать у себя бесплатное лечение и образование. Ликбезы и гиппократово семя должны в республике прорасти на бесплатной, но плодородной почве. Казахстан, как ве-

ликакая независимая страна, может сделать свой прорыв и стать в учебном и лечебном плане на одну плоскость с Арабскими Эмиратами, где эти блага абсолютно бесплатные.

От бесплатного образования и лечения выиграют все казахстанцы и в целом наша республика, смело строящая свои реальные планы-2030 и теперь уже — 2050. Мы непременно будем жить красиво, богато, широко. Будем во многом жить богаче, чем жили наши предки. И нашу независимость, новую и красивую страну мы, сегодняшние, передадим в надежные руки наших потомков. Потомки точно будут благодарны нам, своим предкам, и, возможно, даже воздвигнут нам золотой памятник.

Письмо 10 МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Моя жена Раиса Ильинична уже как бы не целые полста лет — мой первый редактор, читатель и почитатель всей моей пробы пера. И на этот раз она с ходу набросилась на мое воскресное ночное творение. Привлек ее не иначе как необычный заголовок старого телефильма, по Чехову, который транслировал неделю-другую назад "Хабар". Смотрел эту ленту и я, и тоже проникся к ее героям необыкновенным душевным волнением.

В фильме сюжет и герои чуть ли не полуторавековой давности, а все равно, черт возьми, они чем-то увлекают и притягивают. На досуге задумывался: бывает ли такое в жизни сегодня? Вроде ничего подобного не встречал и не читал, хотя схожего много, по замечанию моей жены и ее товаров, таких же боевых и грамотных бабок с пионерской душой, собирающихся в теплые и ласковые дни на лавке, смастеренной каким-то дедом-доброхотом. В своих посиделках находят они отдохновение, а в праздники и вовсе распеваются такими задушевными песнями своей молодости, каких, по моему мне-

нию, белый свет не слыхивал и не представляет, что жизнь способна создавать такое душевное созвучие.

С песнями у пенсионерок разгорались и разговоры о своих прошлых прогрессиях. Раньше о них не стеснялись говорить громко и с почтением, теперь же этого нет и просто не слышно, чтоб кто-то похвалялся своей работой и своей профессией.

А ведь было же время, когда шахтер о своей работе говорил самозабвенно, металлург — с теплотой, хлебороб — с поклоном, железнодорожник — с восхищением, водитель-дальнобойщик — с неиссякаемым пафосом. Ему есть чем восхищаться, потому как за свою долгую шоферскую жизнь он повидал немало городов в своей стране, в соседних и даже в дальних.

С людьми этих профессий беседовать не приходилось, но об их отношении к работе рассказывали газеты. А вот с железнодорожниками я разговаривал часто и удовольствием, потому как сам лично два года отдал акмолинскому железнодорожному училищу и сорок лет — агадырскому локомотивному депо.

Ярой железнодорожницей оказалась и моя избранница, Слепцова Раиса Ильинична. Сразу после выпускного десятого, в 1959-м, она пришла в депо, где ее оформили ученицей токсировщика. Что это такое, теперь, наверно, и не понять, а тогда токсировщики имели вес. Перед нею положили сче-ты и арифмометр и сказали: "Дерзай!"

Жизнь шла своим чередом, ученица — своим, став полноправным статистом. А когда она окончила заочно алма-атинский железнодорожный техникум, начальство увидело в бывшей ученице перспективного работника и назначило начальником группы учета.

Ну, учитывать сотрудникам группы учета было чего, поскольку сюда, в Агадырь, сходились все поездные маршруты локомотивных бригад. А что такое маршрут? Так это же лицо поезда! Во-первых, это его номер, вес, всякие отцепки-прицепки от него и к нему, простой локомотива по собственной вине или по вине прочих железнодорожных служб — скажем, путейцев или связистов, непредвиденные препятствия на пути, из-за скота, снежных переметов или автотранспортных средств.

А еще — данные по дизтопливу. Сколько его в наличии, какова экономия и пережог. И как это скажется на зарплате бригады. Статисты литры превращали в килограммы, после чего отправляли все данные по маршруту в вычислительный центр Карагандинского отделения. В целом, группа учета депо выступала как бы не основным учетным звеном тонно-брутто-километровой работы за месяц, квартал, полугодие и весь текущий год. Эти данные отражались в отчетных сводках депо, Карагандинского отделения, самой республики и всего тогдашнего МПС. Так было до СНГ.

Ну, а 1996-м Раиса Ильинична ушла на свой заслуженный, отдав родной "железке" 37 лет жизни. Она никогда не помышляла покинуть родное депо и родной Агадырь. А предложения, заманчивые по многим мотивам, были от родного мужа, грозившего разводом за несогласие податься к нему в его апокалипсический городок, тихий и мирный. Раиса Ильинична устояла, муж одумался и вернулся в родное депо, где он и встретил свой дембель.

В семье Раисы Ильиничны все связано с железной дорогой. Сестра Светлана, ныне пенсионерка, техническому отделу депо отдала 37 лет. Самая меньшая — Антонина — всю жизнь трудилась в детском железнодорожном садике. И сегодня она интересуется, как поживают, кем стали в жизни ее бывшие воспитанники.

Отец Раисы Ильиничны на "железку" в Агадыре пришел как бы не в 1937-м. Был классным путейцем и путеобходчиком. Даже на пенсии ему поручали дежурство на железнодорожном переезде, где отменно и честно трудился, гоняя лихачей-шоферов, пытавшихся проскочить железнодорожные пути перед приближающимся поездом. Ушел Илья Матвеевич из жизни в 1971-м.

Матушка Раисы Ильиничны всю свою жизнь отдала железнодорожному клубу, где трудилась контролером. По совместительству ей приходилось мыть полы и протирать клубную утварь. Матушка пережила мужа на три года. Похоронены отец и мать на агадырском кладбище рядышком. Удивительно красивы и строги на фотографиях их лица, смотрящие на современный мир, на степные просторы, простирающиеся за большим агадырским кладбищем, и на посетителей их могилы своим особым взглядом, какой нашему поколению вроде бы даже не доступен.

Раиса Ильинична и не представляет, как сейчас работает группа учета. С корее всего, нет теперь того, что требовалось при хрущевско-брежневском коммунизме. Тогда жизнь ставила свои задачи, и от группы учета не раз требовали "масляных" данных. Раиса Ильинична не позволяла этого для верхов, отчего собственный начальник депо говорил ей: "Так держать!". Что она и делала до самого своего дембеля.

Какие процессы в группе учета сейчас — бог весть. Ясно, что поменялись люди, сменились условия работы и сам процесс учета. В возвышенных степенях он нынче, видимо, не нуждается, да, по сути, никому не нужен — ни депо, ни Карагандинскому отделению, ни "Казахстан темир жолы", да и в целом всей нашей стране. Теперь не нужна крикливость, высокопроцентность, большой ход впереди планеты всей. А нужен только результат, приносящий живые деньги. На этих деньгах, как приходится видеть повсеместно, построен сегодняшний мир и весь нынешний век.

Страсть к любимой работе на этой почве не приживается, как и особый патриотизм.

Век Раисы Ильиничны не был таким, он тихо рождает своих героев, какие просто любили свою работу, верой и правдой служили ей до конца. Как это было в незабываемую коммунистическую бытность и у Раисы Ильиничны Слепцовой.

Свою супружницу в дни наших воспоминаний о прошлом я называю "мой ласковый и нежный зверь". Ласки, любви и нежности ко мне, к нашим детям всегда было в ней с великую торбу. Это проявляются в ней и теперь, только, может, с большей силой. Ну, а на слово "зверь" обижаться глупо. Человек знает, что звери являются самыми любящими родителями на земле. Ради детей они готовы на любые жертвы.

Такие качества, по моим наблюдениям, у моей Раисы-Гульчатай-Акмарал и Кадииши-ханум и теперь в избытке, отчего я смело могу называть ее мой ласковый и нежный зверь". В прошлую свою рабочую жизнь она страстно боролась за деповской престиж, за авторитет своей группы учета в двенадцать человек. Раиса Ильинична-Гульчатай-Кадииша-ханум всегда стояла на высоте и во всем потакала повышению значимости их красивой и полноценной жизни. Сейчас этому приходится только радоваться, что оно было в душе и в сердце вечной железнодорожницы из родного агадырского депо.

Письмо 11 О ПРОШЛОМ И НЫНЕШНЕМ

В наш нынешний СНГэвский век в обычной нашей жизни мы начали встречать немало жизненных нестыковок и всяческих неурядиц, мешающих жить по-человечески. При хрущевско-брежневско-горбачевской эпохе виделся издали если не коммунизм, то вообще светлое будущее.

До СНГ мы понятия не имели о платном образовании и лечении, учи-

лись после десятилетки в институтах и техникумах, набирались ума и жизненного опыта и строили страну и свою жизнь, поднимали целину и престиж своей страны, летали в космос и мечтали даже о полете на Луну.

Был тогда единый и могучий Союз республик свободных, объединенных и единую семью, когда можно было войти в любой дом, будь он в любом уголке великого СССР. Границ между республиками не существовало, все люди считались братьями и сестрами, товарищами.

Конечно, великим Союзом республик свободных "рулила" Москва, назначавшая на высокие государственные должности и посты всех республик своих московских ставленников. Так, в Казахстан прислали некоего Колбина, который не знал страну, ее народ и его историю, не знал языка этого народа, его быта и традиций. Он признавал только русскую речь, извечные русские порядки — в духе Москвы.

Слава Богу, при Кунаеве Москва не давила на Алма-Ату, поскольку этот казахстанский руководитель видел в народе Казахстана силу, ощущал его величие и дух. После образования СНГ и рождения независимого Казахстана при первом Президенте республики Нурсултане Назарбаеве Казахстан в среднеазиатском регионе, да и в СНГэвском вообще стал заметным лидером, с каким начали считаться даже большие страны Запада.

Казахстан удостоился посещения великого деятеля католического религиозного мира Папы Римского. Потом Казахстан на какое-то время стал сердцем ОБСЕ; в Астану съехались руководители и правители стран большого мира...

И все же, при всем уважении к нынешним достижениям, не могу смириться с тем, что богатый, могучий Казахстан отказался от былых благ — от того же бесплатного образования и лечения, а еще от бесплатных общественных туалетов. Господи, да чье же это изобретение: на вокзалах, в разных кафе и ресторанах в общественных городских туалетах вход только за деньги, от 20 до 50 тенге за одно посещение! Невелика потеря, но где и когда это было: есть деньги — справляй нужду цивилично, а если нет, то за углом или в кустиках?! Да, черт возьми, со времен Рюриковичей, Ивана Калиты и Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины II, декабристов, Пушкина, российского последнего царя, времен Ленина-Сталина-Хрущева Брежнева-Горбачева свет белый не встречал такого вандализма и упадка человеческой нравственности, как в этот СНГэвский век, когда за все надо платить, даже за общественный туалет!

Знали бы наши предки о таком человеческом убожестве и потере чело- веком своего лица, они бы уж точно встали бы из своих гробов и уничтожили этот аморфный СНГ как негодную политическую формацию. Лично мне

СНГ не иначе как напоминает пустое место, рожденное в пустом пространстве пустым бездушием. У таких родителей не может родиться полноценный ребенок, какой сегодня имеет только имя, а не подлинную жизнь.

Подлинную жизнь, как бы то ни было, все-таки имеют все страны СНГ, но — чисто свою, национальную, со своим языком, характером и традициями, доставшимися от предков. Наверное, СНГ в плане объединения республик никогда не наберет обороты. Маленький Бруней — это Бруней, Танзания — это Танзания, Польша — это Польша... Независимые государства со своими границами, армиями и своей национальной свободой. Того же добились и республики СНГ, с чем их, видно, и надо поздравить, дать им полное право жить так, как хотят народы всех этих независимых государств, как требует планетарная жизнь и наш новый цивилизованный век.

Письмо 12

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

Не знаю, кому поклониться — слепым обстоятельствам или мудрой судьбе, занесшей меня, двадцатидвухлетнего, в Агадырь, что в трех часа езды на электричке от Караганды. Случилось это в 1959 году, в год окончания мною Акмолинского железнодорожного училища. В 1957 году в училище открылся новый факультет — "Тепловоз и тепловозное хозяйство". Он меня приманил, обучил и направил тепловозным слесарем в агадырское локомотивное депо.

Депо тогда только что избавилось от вечных "дымилок" — паровозов, которые трудились здесь с 1937-го. Слесарная работа меня и пятнадцать моих сокурсников по училищу увлекала и во многом облагородила. Всем нам впервые показали наши трудовые книжки, в каких черным по белому было написано, что по такому-то и такому-то Постановлению Совета министров СССР учащиеся, окончившие железнодорожные училища, обязаны отработать на железнодорожном транспорте четыре года.

Четыре года мы отработали и получили право "рвать когти" из провин-

циального трехтысячного Агадыря на все четыре стороны. Мои однокашники так и поступили, вернувшись в Акмолу и продолжив делать свою жизнь уже там. А я в Агадыре за эти четыре года окончил вечернюю школу рабочей молодежи, получил школьный аттестат и в 1952-ом поступил в КазГУ на заочное обучение. За эти же годы нашел в Агадыре свою любовь, родил сына и в 1968-ом получил диплом журналиста.

А в Агадырском депо словесники нужны были, как зайцу вытрезвитель. Слесари же ценились, потому я и красовался на доске почета не один год. А в 1960-ом на общедеповской планерке начальник депо Василий Семенович Ковика собственноручно перед большим рабочим коллективом вручил мне часы "Победа", которые служили мне как бы не тридцать лет.

Мое высшее гуманитарное образование руководство депо не колыhalo. Будь у меня техническое, я наверняка отирался бы в комнатке мастеров или в техотделе, но такового у меня не было и не предвиделось в будущем, потому я и оставался все тем же слесарем.

У слесарного верстака простоял я в агадырском депо пятнадцать лет. Сдвигов в моей судьбе и работе не намечалось ни в ближайшем, ни в отдаленном времени, потому я и ушел в новую агадырскую организацию ГОРЕМ-29, прибывшую в Агадырь для строительства второй ветки железнодорожного пути "Караганда — Чу" и дальнейшей ее электрификации.

Железнодорожная ветка до Чу была построена, а перед первым электровозом от Агадыря на Чу в 1982-ом перерезали ленточку. Последующие пять лет ГОРЕМ занимался гражданским строительством, построив двадцать 16-квартирных двухэтажек, пять трехэтажек по 24 квартиры в каждой и три пятиэтажки. В 1987-ом ГОРЕМ-29 треста "Целинтрансстрой" был расформирован, как и сам трест.

В ГОРЕМ-29 меня сразу определили в отдел снабжения, который я и нозглавлял также пятнадцать лет, до гибели ГОРЕМа. Оставшись без дела, обратился в свое родное депо, которое и взяло меня в такой же отдел снабжения, но на должность инженера по снабжению. Руководство депо меня помнило, ценило, и у нас были доверительные контакты до самого моего "дембеля" на притыке к 2000 году...

Теперь вот на своем заслуженном отдыхе с каждым летним рассветом я выхожу на свой балкон и по привычке любуюсь пассажирскими поездами, каких теперь через Агадырь пробегают аж целых восемнадцать пар. Мысленно провожая их, радуюсь моей агадырской заре, которая тихо и безмятежно оповещает о начале нового дня, и агадырской тишине, с какой я живу вот уже пятьдесят лет.

Зори в Агадыре тихие, и я не знаю, где еще можно встретить такие. А

выйдя за околицу и пройдя сотню-другую шагов от дороги, оказываешься в необъятном степном просторе, где уже бродят поселковые отары и коровьи гурты. Они тихо идут от поселка по своим тропкам в степь; пастух их не гонит и, бредя за стадом, наверняка обдумывает свое житье-бытье.

Иду своей тропинкой по степи и я, наверстывая свои старческие три-четыре километра, как доктора советуют. С моими километрами разгорается заря, и я любуюсь ее светом. Солнце поднимается все выше и даже начинает припекать. Степь расстилается за Агадырем на десятки верст во все стороны, где раздолье лишь ветру да палящему солнцу. Сам же поселок утопает истинно в алматинской зелени и радуется своей тишиной и неброской красотой.

Как бы то ни было, а железной дороге я буду поклоняться всегда, как поклонялся ей все сорок лет. ГОРЕМ-29 тоже являлся железнодорожной организацией с железнодорожными разовыми билетами и со всей рабочей железнодорожной спецификой. В двадцать два года судьба забросила меня в Агадырь, который приковал к себе на всю жизнь.

Не манили меня и не манят шумящие рощи и полноводные реки, городские благости с цивилизованным бытием. В Агадыре я нашел себя и свою любовь, с какой не расстанусь вот уже пятьдесят три года. Здесь родились наш сын и наши внуки; здесь все то же дорогое нам депо, которому мы с моей Гульчатай — Раисой Ильиничной — отдали по полному жизненному сокроовнику; здесь наши друзья, могилы родных и близких. Нет, не разлюбить мне мой агадырский край и мои агадырские зори, такие тихие...

Письмо 13

ДАВАЙТЕ СПРОСИМ СЕБЯ...

Мудрую и просто красивую газету "Новое поколение" за номером один я прочел с чувством, толком, расстановкой. Увлекало многое, но особенно "Главные события года в экономике".

Читал внимательно и даже что-то выписал: "Страна активно строит нефте- и газопроводы на запад и на восток. Событием года в нефтега-

зовом секторе стало также усиление "Роснефти" за счет ТНК-ВР". Что это такое — ведают знатоки, а я со своей примитивной начитанностью мудрствовать не стану.

Читаю дальше: "Газовые потоки в Европу ширятся". Ну, это меня и взволновало: почему нефтяные и газовые потоки бегут не к своему родному народу, а в дальние страны, к какому-то Альфреду, Стивенсону да Сун Ван Виню, и почему газеты пишут об этом с умилением и даже гордостью?

"Маршруты экспорта российского газа в Европу в этом году традиционно прирастали: в октябре была запущена вторая ветка газопровода "Северный поток" по дну Балтийского моря в Германию, в ноябре по ней начались коммерческие поставки. Длина газопровода — 1,2 тыс. километров, общая мощность вместе с первой веткой, запущенной в прошлом году, — 55 миллионов кубометров в год. Обсуждается строительство третьей и четвертой веток..."

Ну, с газом Россия щедра, как любящая мать, готовая даже в ущерб себе накормить своих деток, а детки эти разбросаны чуть ли не по всему белу свету. Германия, Польша, Чехословакия, Болгария их ведь тоже надо "подогреть", что уже есть или будет делаться в будущем.

"Нефтяной экспорт тоже развивается: в конце декабря состоялся торжественный пуск в эксплуатацию нефтепровода "Восточная Сибирь - Тихий океан-2" — ВСТО-2". Первая очередь ВСТО-2 по маршруту "Тайшет - Сковородино" была введена в декабре 2009-го. По этой трубопроводной системе РФ поставляет нефть в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а также на внутренний рынок. Пропускная способность ВСТО-2 составит тридцать миллионов тонн нефти в год с последующим увеличением до пятидесяти миллионов тонн".

Ах, наконец-то! Нефть по этому самому ВСТО-2 побежит в страны Тихоокеанского региона... Так там этих стран шапкой не сшибешь и российских лаптей не напасешься! Их всех обогреть надо да дать топливо для их техники, чтобы страны этого региона не пахали сохой.

Россия щедра, и ей ничего для друзей не жалко. А чего жалеть, коль она вступила в ВТО и активно продолжает строить газопроводы и нефтепроводы на Запад и на Восток! Коль все это так активно делается великой Россией, то крупнейшая российская компания "Роснефть" вскорости станет крупнейшей публичной компанией в мире по добыче углеводородов.

Да, "Роснефть" уж точно посадит американскую "Еххон" в галошу. А чего ее не сажать, коль она со своими кубометрами куврыкается для се-

бя и для своей страны с оглядкой на будущее? Где-то я читал, что какая-то из подобных американских компаний даже закупает на стороне сырую нефть и сливает ее в свои скважины.

Да, богата Россия своими углеводородами, потому как эта страна не имеет себе равных по площади. Чего только на этой площади нет — газ, нефть, руды, угли, торф, рыба, лес, хлеб... Тысячелетиями хранились эти богатства до наступления цивилизованного века. Последние сорок-пятьдесят лет добыча углеводородов в России достигла великого

апогея, чему конца просто не видно.

Дух захватывает... Но невольно возникает вопрос: а так ли бесконечны эти богатства в недрах России? Ведь когда-нибудь и им может прийти конец. Ладно, если бы все это шло для себя, так ведь Россия кормит и отопливает чуть ли не всю планету, безмерно оголяя свои запасы. Придет срок, когда кто-то из россиян задастся вопросом: "А что мы оставляем своему потомству? Чем будет жить следующее поколение

россиян?"

Надо бы, наверное, задать такой же вопрос и нам, казахстанцам. Мы гоним нашу нефть в полуторамиллиардный Китай, который вообще ни от чего не отказывается. А так ли бездонны просторы нашего Каспия, Тенгиза, Кашагана? Оставить пустыми наши шахты, рудники и скважины, безрыбными реки и озера, пустующими целинные города и села, бесхлебными целинные просторы мы не имеем права. Потомки нас не простят, а то и вовсе проклянут, из-за чего мы, как и россияне, не ина-

че как перевернемся в гробу.

Не хотелось бы, чтобы человечество познало такое небесное наказание. Пусть оно обойдет россиян и казахстанцев, а для этого всем нам надо учиться беречь богатства наших недр и вод, беречь их для себя и для потомков.

Письмо 14

ГДЕ ВЫ, ИНЖЕНЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ?

Нынешние телефильмы, целыми морями сходящие с мировых студий и бурными потоками с российских, при всем богатстве их красок часто имеют надуманную тематику и пустопорожнее содержание: "Маруся", "Ласточкино гнездо", "Чертово колесо", "Белая медведица", "Мент в законе", "Неравный брак", "Бигль", "Женский доктор", "Виктория", "Плюс бесконечность", "Закрытая школа", "Триумф любви" и прочие, и прочие.

Эти фильмы никак не схожи с фильмами другой эпохи, до СНГ. В тех были теплота, красота, значимость подлинной жизни. Недавно по телевизору показали фильм "Стряпуха". Сколько раз я его смотрел — и не надоедает! Как не надоедают и все герои этого фильма, сыгранные Владимиром Высоцким, Константином Сорокиным, Сергеем Филипповым, Георгием Юматовым, Валерием Носиком, Людмилой Марченко, Иваном Савиным, Инной Чуриковой, Людмилой Светличной, Людмилой Хитяевой. Хочется просто поклониться таким актерам!

К сожалению, наше телевидение — "Евразия", "Хабар" и "Ел арна" — не балуют нас показами старых фильмов, таких как "Трактористы" с Николаем Крючковым и Петром Олейником, "Поезд идет на восток", "Семеро смелых", "Свадьба с приданым", "Свинарка и пастух", "Солдат Иван Бровкин", "Максим Перепелица", "Богдан Хмельницкий" — всех не перечесать. Ах, как же они близки человеческой душе, как близка и понятна нам жизнь героев фильмов, так похожая на ту, какой и мы живем в свое время!

Авторов сценариев чудо-фильмов с их удивительной жизненностью и правдой можно назвать инженерами человеческих душ. Именно так называют талантливых писателей, которые изобретательно конструируют свои произведения. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Шедрин, Толстой, Шолохов, Ауэзов и множество других великих писателей и поэтов творили свои произведения и становились истинно инженерами человеческих душ.

К таковым я отношу и Никиту Высоцкого. Душу Владимира Высоцкого современники не сразу поняли, хотя она была на виду. Не поняли ее и власти брежневской поры, не поняла печать, литература. При жизни поэта не было напечатано ни единого его стиха, ни единой его стро-

ки. Однако его песни раздавались из всех окон малых и больших городов Союза, звучали на всех студенческих тусовках...

Много времени минуло с той поры, и только сегодня вдруг прозрели и начали отдавать должное великому Высоцкому. Спасибо, что хоть теперь вспомнили! Перво-наперво, конечно, спасибо создателям и организаторам фильма "Высоцкий. Спасибо, что живой", а больше — сценаристу Никите Высоцкому, который на правах сына об отце знал больше других.

Фильму "Высоцкий. Спасибо, что живой", приуроченному к 75-летию поэта и актера Владимира Семеновича Высоцкого, надо отдать должное. Россияне это уже сделали. Но ведь мог подобный фильм появиться и раньше — двадцать, десять или пять лет назад. Какие силы удерживали сценаристов? Сталинско-хрущевско-брежневские? Так время, господа дорогие, давно уж совсем другое! Чего было не прозреть в 1990-ом, в 2000-ом, в 2005-ом, в 2010-ом?

А насчет старых фильмов, заставляющих людей становиться лучше, хочется спросить наших казахстанских инженеров человеческих душ: разве мы не в силах родить нечто подобное? Уверен, что порох в пороховницах есть, поскольку еще рядом с нами Олжас Сулейменов, Нурлан Оразалин и другие признанные таланты.

Наша казахстанская мечта — видеть хорошие собственные фильмы, как, скажем, Девушка-джигит или Наш милый доктор". Чтобы у нас всегда были живы наша проза и поэзия, наш литературный и театральный мир и, конечно, наш великий мир кино, чтобы не было в нашей жизни успокоенности и черепашьего, совсем короткого шага, надо, чтобы в нас всегда горел огонь, и душа рвалась к действию, к движению, о чем писал и Нурлан Оразалин:

Моя заветная мечта — скакун, стреноженный петлею,
Храпит в степи и неспроста копытом бьет и жаждет бою!
Бой — это движение. Ну, а покой пусть только снится..."

Письмо 15 НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

*Разнообразие мира бесконечно,
И сказка жизни, хоть пуста, мала
И много раз рассказана была,
Но будет вновь рассказываться вечно.*
Байрон

В 2004-м отмечалась пятидесятилетняя годовщина освоения целинных и залежных земель Казахстана. Отмечалась не громко, но благодаря нашей вездесущей периодике колхозно-совхозная память и героическая эпоха целины пусть мимоходом, но была воскрешена. Тот целинный период, как помнится, поистине вздыбил большую страну, нацелив ее залповый, экономический и людской удар на созидательную победу.

Полвека — немалый срок в истории, но чего-либо фундаментального, с широкой палитрой яркого жизненного полотна той эпохи, наподобие шолоховской "Поднятой целины", о нашей казахстанской целине не создано, хотя попытки материализовать ее процессы делались. В этом плане не могут остаться незамеченными брежневская "Целина" и "Думы о целине неизвестного в свое время директора кокчетавского совхоза "Толбухинский" Федора Моргуна. Вещи не художественные, а крепко политизированные, однако правдивые и в чем-то поучительные для современников и потомков.

А современниками целины теперь являемся мы, ныне живущие. Мне лично пришлось столкнуться с целиной лицом к лицу в семнадцать лет и нахоть на ней до двадцатилетия, отдав ей три года молодости, темперамента и энтузиазма. Рождения мы были довоенного, в нас жил и кипел неподдельный патриотизм.

Как бы не с зимы 1954-го железнодорожный Жалтырь круглосуточно принимал поезда с многочисленной сельхозтехникой. Были это в основном трактора ДТ-54 и самоходные комбайны. Мы с приятелями — вто времядевятниклассники жалтырской десятилетки — в свободное от учебы время шли к железной дороге на выгрузочные площадки и предлагали молодым целинникам свои услуги. Парни нам не отказывали. Мы ломами срывали крепкие бруссы, специальными ножницами резали проволоку-растяжку, подносили ребятам выгрузочные крановые стропы. В нас кипела моло-

доть, мы не знали, куда деть свою энергию, и работали истинно по-стахановски.

Вагоны разгружались быстро, что радовало целинного "бугра", заботившегося о снижении простоев вагонов на выгрузке, за что взымались крепкие штрафы. Этот "бугор" без всякого уговора или обязательств платил нам какие-то денежки, на что мы вовсе не рассчитывали, а рассчитывали лишь на благодарность и перекус за одним столом. К тому же мы были заряжены героическими, патриотическими призывами о содействии молодым целинникам на местах.

Кроме денежек "бугор" в застольной трапезе после работы наливал и нам, школярам, по 150 граммов "Московской". Вкус водочки мы в свои шестнадцать уже знали. На школьных вечерах перед танцами складываться приходилось не раз: втихаря уединялись в одном из классов, доставали заранее припасенный стаканчик... На "хвост" нередко падали и девчонки, после чего, ободренные, красивые, танцевали в школьном зале, радовались жизни и чувствовали себя совсем не детьми.

Саму же целину, живую, без прикрас и вовсе не патриотическую, мне лично пришлось увидеть в первую целинную хлебоуборочную страду летом 1954-го. Ах, как густо люди жили, просто в нечеловеческих условиях! Условия кое-где были истинно губительными, однако люди как-то жили. И главное, неимоверные трудности первых месяцев целинного становления не смогли сломать или согнуть молодой целинный народ.

Работы было много всюду, но люди всегда с нею справлялись. Целинники умели отдаваться и отдохновению. Не в залах с паркетными полами и сверкающими софитами, а в больших палатках и вагонах-теплушках при керосиновых лампах. Развлекали людей гармонь с гитарой, но в них было столько души и жизненной силы! Целинники пели, могли пуститься и в пляс.

У молодых тех лет были сила и мечта, напор и безумство, вера в надежду и в любовь. Молодежь еще помнила литературного Павку Корчагина, строителей Комсомольска-на-Амуре и Турксиба.

У целины хрущевско-брежневской поры, нестиснутой насильственной сталинской коллективизацией, о чем писал Шолохов в "Поднятой целине", была великая и благородная цель — дать стране больше хлеба. "Хлеб — всему голова" — в целинную пору говорили всюду. Пустовавшие миллионы гектаров плодородных земель, требовавших только одного — рабочих рук, не могли не взволновать умные головы Кремля. Ведь хлеб — это сила и независимость страны, это к тому же богатство, а страна должна мобилизовать многие свои ресурсы. Что и было сделано, причем в удивительно короткие сроки.

Большого художественного отображения наша целина достойна не менее воспетой Шолоховым. Что, право, заставляет нас, современников, считать наших казахстанских инженеров человеческих душ должниками, ведь казахстанская целина рождала своих героев — бесстрашных, целеустремленных и самоотверженных, всецело отдававших земле и работе на ней все силы и даже жизни.

"Целина" Брежнева называет Ивана Ивановича Иванова, воевавшего у стен Ленинграда и потерявшего в бою обе ноги. Но и на протезах целинник искусно водил свой трактор, за что страна наградила его двумя орденами Ленина и Звездой Героя Труда. Подобная судьба выпала и на долю Леонида Михайловича Картаузова, ленинградца, фронтовика, также лишившегося обеих ног. Целина стала его второй родиной и его жизнью, и за самоотверженный труд страна также воздала ему должное, удостоив звания Героя Труда. Называется в книге Брежнева и имя Даниила Потаповича Нестеренко, тракториста, погибшего в ледяной воде ранней весной при переправе тракторной техники близ совхоза "Дальний" Целиноградской области. В совхозе мало кто знал о прежней жизни этого человека, получившего звание Героя за форсирование Днепра.

В книге Брежнева много имен знатных механизаторов. Отец и сын Жансултан и Мираш Демеевы, Михаил Довжик и Владимир Дитюк, Евдокия Зайчукова и Василий Рагузов, Владимир Чекалин и Амангельды Исаков,

молодые целинницы из совхоза "Мариновский" близ Атбасара, бросившие клич на всю страну к женщинам и девушкам податься на целинные земли Казахстана, создать семьи и остаться здесь навсегда.

Всех героев казахстанской целины перечислить невозможно, потому как встречались они всюду, на всех просторах большого мирного фронта. Вот о них бы поведать свету книгами, фильмами. Однако, как видим, за минувшие 50 лет не создано художественного памятника этому истинно героическому времени, о чем мечтал и непосредственный участник той целинной эпопеи Леонид Брежнев.

Как нельзя точно по тому же поводу замечено и Динмухамедом Кунаевым. "И чем дальше уходят годы, тем зримее для современников и потомков величие такого народного подвига, как целина. Годы идут, а земля остается в наследство нам и тем, кто придет после нас. Вот почему мы обязаны и впредь быть на этой земле заботливыми и рачительными хозяевами, умеющими жить и работать ради настоящего и будущего в полную меру сил".

В памяти людей легендарный Иван Бровкин. Но он — из Оренбургской целины. Наши сценаристы и кинематографисты до сих пор не рискнут отыскать своего Бровкина, джигита не менее эксцентричного, дерзновенного, трудолюбивого и верного своему долгу и своему слову, дружбе, времени и своему предназначению на родной казахстанской земле. Не иначе как о таких людях думал поэт Олжас Сулейменов, когда писал:

Для меня это край —

Просто поднятая целина,

Край стандартных домов и землянок,

Край простуженных песен

И рева моторов стальных,

Древний край молодых

Казахстанцев, волжан, киевлянок,

Край, как пишут в газетах,

Живущий без выходных.

Целина требовала небывалой самоотверженности, она проявлялась повсеместно. Брежнев не удержался от цитирования строк из газеты недружеского нам тогдашнего Запада: В диких условиях целины человек не может существовать. Вот почему можно с уверенностью успокоить себя: целина так и останется непереваренным куском в желудке России".

Что ж, минуло полвека с поры, когда, опять по Сулейменову, "плуг знакомого парня в тужурке" поднял первый целинный пласт, возродивший затем к жизни миллионы гектаров первородной пашни. Целина давала людям хлеб и песню, работу и веру в светлое будущее, богатое и красивое. Какие

были первые целинные урожаи, сегодня помнят разве старики. Элеваторы трещали от необъятного хлебного моря, на мощеных приэлеваторных территориях возвышались эверестовые горы зерна.

Целину в Казахстане поднимали тысячи людей. Первые ее годы были невероятно сложными, однако целинники вынесли все тяжести, заставив землю покориться их рукам, уму, терпению и мужеству. На целине многое было как на войне, человек нередко уподоблялся солдату, не сдавался, шел вперед и верил в победу. Такие люди достойны самых величественных памятников.

Бывший Союз республик свободных преуспел в создании каменных, мраморных, бронзовых, бетонных и железобетонных, литых и лепных монументальных творений. Перед Ростовом въезжающего гостя удивит величественная в своем порыве, воспетая поэтами тачанка-ростовчанка, "все четыре колеса" — с конями, пулеметом, пулеметчиком у лафета и красноармейцем в форме чапаевской поры. Это — память потомков о смутном и кровопролитном времени Гражданской войны, дань героическим землякам.

Последней мировой войне, самой разрушительной и многожертвенной, люди в разных странах ставили свои памятники и мемориалы. Мирное время тоже не обделило себя всякими стелами, бюстами, барельефами и прочими рукотворными творениями. Броско и грациозно выглядят рабочий и колхозница на ВДНХ в Москве, символизируя союз рабочего класса и крестьянства, и там же - грациозная и мощная стела с устремленной ввысь ракетой...

В нашей республике тоже немало рукотворных изваяний и памятников знатым людям, событиям, времени. В Караганде на главном проспекте высится величественная скульптурная группа шахтеров, вздымающих над головой массивную угольную глыбу. Казахская целина — тоже событие, эпохальный народный подвиг, достойный людской памяти и поклонения.

Олжас Сулейменов успел в свое время повидать целину и восхититься ею. "Эх, мальчики столицы и провинции! Хороших вам поэтов и провидцев!" — написал он. Однако подвиг целинников до сих пор достойно не воспет.

Политизированные вещи Брежнева и Моргуна не могут претендовать на художественную хронику целинной эпохи, где выступали бы живые люди целины со своими характерами, человеческими слабостями, со своей душой и героикой, как это мы видим в Поднятой целине. Наша казахстанская целина в художественном плане еще не поднята.

Инженеры человеческих душ могут сослаться на то, что время ушло, мол, дорога ложка к обеду. Мудрецы же вроде Низами говорят: "Слава мастеру слов! И умен, и упорен, и алмазы творит из чуть видимых зерен". Мас-

тера слов и впрямь способны из чуть видимых фактов творить алмазы большой человеческой жизни. В нашем казахстанском литературном мире такие мастера есть, только обращать внимание на историю целины они не хотят. То ли для них это уже изжеванное дело, неинтересное за давностью лет, то ли им больше приятен сегодняшний день. Но я уверен, что историю нашей целины все равно когда-то да поднимут. Казахская целина, как и память о ней, не могут кануть в Лету.

Школьники СНГ до сих пор изучают "Поднятую целину" Шолохова и наверняка берут для себя что-то от Давыдова, Нагульнова и Разметнова, берут характерное, человеческое. У нашей целины, несомненно, были свои Давыдовы да Разметновы. В Поднятой целине" их родила коллективизация, в казахстанской — интенсификация, индустриализация и гармонизация этой коллективизации. Наши мастера пера могли бы этот процесс раскрыть в художественной форме, с человеческими судьбами, как эти судьбы раскрыты в Войне и мире", "Тихом Доне", "Горькой линии". Как писал Шекспир:

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма.
Бегущие столетия не сотрут.

Свидетели нашей целины сейчас — в самом зрелом возрасте и, право, им есть что сказать о целине своим современникам и потомкам. Время, однако, безжалостно уносит память, потому мастера пера не следует откладывать свое орудие, надо нацеливать его на меркнущие целинные зори.

Хотелось бы, чтоб живые, реальные люди явились прототипами героев художественных произведений о казахстанской целине. Их бы наверняка узнали современники целины и дети Картаузовых, Нестеренко, Демеевых, Доренко, Дитюка, Зайчуковой, Рагузова, Чекалина, Исакова, секретарей райкомов Асадова и Кабурнеева из Павлодарской области, секретаря Кокчетавского обкома Рогинца, директора совхоза "Степняк", что на моей Кургалджинщине, Коваленко, таких больших партийных руководителей, как Журин и Макарин.

Как бы ни было, а о нашей целине, ей-богу, есть что сказать инженерам человеческих душ. Нынче у нее жалкая судьба, но ведь когда-то ей слагали оды. Целину делали люди, целина же делала и людей.

Они растили хлеб, сами росли вместе с ним, со своей страной и своим временем.

Брежневская книга является собой всего лишь хронику целинных событий в великом Казахстане. В брежневской "Целине" и "Думах о целине" Федора Моргуна поклонов в адрес родной коммунистической отечины немало, и

не всегда оставалось место для тружеников полей. Пофамильно кто-то из них и назывался, как историки называют личности без характеристики их души и человеческих наклонностей. Но речь о живом жизнеописании героев казахстанской целины, с правдой о жизни и добрым юмором, без чего молодая жизнь просто немыслима.

Различных положительных, героических, отрицательных и даже трагических фактов казахстанская целина имела немало, но их характер не всюду схвачен историками и вообще не освещен художественной литературой в большом литературном плане. Наши поэты и романисты уже теперь могли бы в художественных красках поднять целинный пласт, оставив современникам и потомкам живую эпоху казахстанской целины. Писать, по Лукиану, надо "правдиво, имея в виду то, чего можно ожидать от будущего, а не льстиво, ради удовольствия современников". Хотелось бы дожить до этих времен.

Известно, что осенью 1954 года состоялся съезд писателей Казахстана. Если это был сентябрь, то первый целинный урожай уже был в разгаре. Писательская когорта нашей страны не могла не знать об ошеломляющих итогах казахстанской целины с ее миллионами центнеров зерна, какие дал щедрый целинный колос. Однако это событие не подвигло инженеров человеческих душ на большое творчество, кроме отдельных поэтических всплесков. Кое-что сказали политик Брежнев и хозяйственник Моргун, а вот на художников слова целинная эпопея не ниспослала ни одну из девяти богинь, покровительниц искусств.

Большой политик Брежнев кроме хозяйственных забот о целине на писательском съезде думал и о том, как привлечь "к теме целины внимание художественной интеллигенции". Право, забота была благородной, но она не побудила эту самую интеллигенцию из большого целинного урожая испечь литературно-художественный каравай сродни шолоховской "Поднятой целине". Сам Генеральный секретарь об этом сказал так: "В эту пору я мечтал, чтобы целинная эпопея когда-нибудь была отображена в художественных произведениях с такой же силой и глубиной, как Гражданская война в Тихом Доне", а в "Поднятой целине" — коллективизация. Для деятелей литературы и искусства нет более интересной и вдохновляющей задачи, чем отображать подвиги народа, в том числе и на целине". Добавить к этому просто нечего.

Письмо 16

ДУМЫ О ПЕНСИОННЫХ НОВАЦИЯХ

Нам, бывшим труженикам, а нынче пенсионерам, читать о нынешних пенсионных неурядидах, о том, что пенсионные накопления вкладчиков требуют защиты, как-то неловко и в какой-то степени даже дико.

Отдав родному агадырскому локомотивному депо сорок лет, я понятия не имел о каких-то пенсионных фондах да пенсионных накоплениях. Ударно трудились всю жизнь, получали зарплату. Знали, что бухгалтерия делала какие-то отчисления из нашей зарплаты — то ли как налог государству, то ли для пенсионных накоплений. Выпроваживали на пенсию старших товарищей. Пенсионеры говорили спасибо своей стране и предприятию и на пенсию не жаловались. Слесарь получал свои слесарные, водитель поездов — свои ездовые...

Предпенсионнику тогда никуда не надо было ходить, ни к кому не надо было обращаться, тратить время и нервы, выбирая, как теперь, какой-то неполучный пенсионный фонд. Господи, а бухгалтерия своего предприятия для чего? Или сегодня у частных предпринимателей нет никаких бухгалтеров? В одном лице — работодатель, руководитель, воитель, водитель, бух и главный пастух? Так существует же еще государство, какое обязано взимать какие-то налоги и следить за всеми отчислениями в государственный пенсионный фонд? Наверно, все-таки существует — не все же отдано на откуп частнику и частному сектору...

В наше хрущевско-брежневское время работник о пенсионном фонде слыхом не слыхивал. Знал лишь, что таковой существует, поскольку откуп да же пенсионеру берутся деньги? Но он доверял родному государству, какое обязано видеть каждого работника на всем его жизненном и рабочем пути, от рождения до смерти.

Что же имеем сейчас? Как утверждает управляющий директор АО "Накопительный пенсионный фонд Народного Банка Казахстана" Арман Джакамбаев, работодатель "не имеет права влиять на выбор вкладчиком пенсионного фонда. Он не должен знать, в какой фонд отчисляются деньги сотрудников компании". Для чего, скажите, такая тайна и кому выгодны все эти секреты?

Человек трудится, бухгалтерия делает свое дело, отчисляя деньги в государственный пенсионный фонд. Подошло время — пенсионера выпроводили на его заслуженный, и получай, дорогой, что откладывал из зарплаты всю жизнь. За твоей спиной стоит государство, а значит, по миру ты не пойдешь. Если ты инвалид и никогда не работал — или работал, но не-

большой срок — все равно государство тебя в беде не оставит, и ты будешь получать что-то для жизни до своего последнего часа.

Как глаголят наши СМИ, у нас в стране существуют какие-то частные пенсионные фонды. Каковы их функции и чем они отличаются от государственных, нам, видно, никогда не разобраться. Только пещерным следует заметить: "основным критерием выбора пенсионного фонда являются как рациональные, так и эмоциональные факторы".

Ну, рациональный фактор означает разумно обоснованное и целесообразное творение, произведенное умом человека, его мыслью и натурой. А эмоциональный может означать восхищение этой рациональностью. Получается, выбрал работяга какой-то пенсионный фонд, скажем, устойчивый и многолюдный, и может от радости выбить чечетку? Арман Джакамбаев, наверно, именно это и имел в виду, когда спрашивал: "Вам 20 лет? 30? 40? Вы думаете, что до пенсии еще далеко? Вы правы и смело можете так считать, если ваши отчисления накапливаются в надежном пенсионном фонде и правильно инвестируются!"

Так вот что сегодня работнику еще необходимо знать! Надо выбрать время и шлюндрать по городу в поисках "надежного пенсионного фонда" с правильной инвестицией! Коль работник нашел таковой, значит, он смело может перечислять сюда в течение десятков лет свои деньги. А что? Кто предупрежден, тот вооружен!

Письмо 17

ВНОВЬ СКЛОНЯЯСЬ НАД "ПРОСТОРОМ"

Всякий раз, читая критические и литературные исследования современных Белинских, литераторов большого пошиба, прославленных и просто известных писателей, поэтов и журналистов, нередко замечаю свое несогласие с тем или иным исследованием, критиком или похвалой, разном или поклоном в адрес исследуемых авторов. Их критика или защита кого-

то или чего-то часто логически обоснованы и даже философски интерпретированы, отчего приобретают бесспорность, а то и вовсе догму.

Я же подчиняюсь лишь личному умозаключению. Верно ли оно — не представляю, только, думаю, истина может родиться не иначе как при коллективном заключении, сплыве мнений не одного человека, а многих или нескольких. Коллективное мнение по жизни не может быть ошибочным, потому как коллектив — это все-таки сила. "Один в поле не воин", — не нами сказано, а мудрецами, потому жизнь и делает ставку на массы.

Нынче у нас недостатка в пишущем народе нет, поэтому не всегда удается угнаться за написанным, хоть и стараешься не отстать от жизни и от нашего литературного движения. Литература, как и материя Вселенной, немислима без движения. Вообще, застой в природе и в обществе физически и генетически нелогичен, почему все в них находится в движении всегда.

В литературном процессе движение естественно, хотя истории известны случаи его топтания на месте и даже упадка. Причиной тому больше всего являлись политические катаклизмы, дезорганизовывавшие собственную государственную машину.

К пишущему народу я всегда отношусь коленопреклоненно. С журналом "Простор" дружу как бы не полжизни, вижу в нем бывалых авторов и вовсе новичков. В последнее время, например, увлекся Николаем Ивановым из Ушарала и поддерживаю все его высказывания. Борьба за души людей — задача нашей литературы как бы не большая, чем политиков и государства. Литература есть ничто иное, как общественное слово, какое всегда, в любом государстве и при любой политической формации формировало общественное мнение по тому или иному жизненному вопросу.

Литература давала, дает и впредь будет давать пищу театру, кино, телевидению, какие всегда приближены к зрителю, а значит, к народу. Они и в целом литература заостряют жизненную проблему человека или просто рассказывают о человеке, который всегда являлся и является главным героем хоть в книжном мире, хоть в кино, хоть на театральных подмостках. Сам персонаж это лишь субстрат, не более, а вот душа его, мысли, поступки важны для людей как бы не в первую очередь.

Если речь идет о просветительно-образовательной тематике на театральных подмостках, то тут уж точно нужны современные Фонвизины и Сумароковы, умеющие выставлять напоказ насущные проблемы своего времени. В то далекое время литература не была равнодушна к проблемам российского общества. Эх, нам бы такой смелости сегодня!

Наши уважаемые СМИ как бы не сплошь да рядом ударяются в гигантоманию. Казалось бы, гигантомания, порожденная коммунистическим про-

шлым, должна уж кануть в Лету, однако пишущий народ ее отыскивает и обнародывает, забывая утверждения великих: "Краткость — сестра таланта", "Словам тесно, а мыслям просторно", "Лучше меньше, да лучше". То же имели в виду и мужи далекой древности.

Солон так заметил однажды: "Забота об излишнем часто соединяется с потерей необходимого". Фалес: "Неумеренность — дело худое". У Демокрита насчет излишества и меры была своя категоричность: "Если перейдешь меру, то самое приятное станет неприятным". Демокриту надо бы отдать должное и за утверждение: "Умеренность умножает радости жизни и делает удовольствие еще большим". И даже Гете сказал свое слово о чувстве меры: "Лишь в чувстве меры мастерство приметно". Не стоит нам, пишущим, пренебрегать и мыслью Канта: "Человеку свойственно по природе своей соблюдать умеренность не только из-за заботы о своем здоровье и будущем, но также из-за хорошего самочувствия в настоящем".

Раньше гигантоманией мы занимались как бы не повсеместно, рапортуя о наших достижениях на всех участках нашей жизни. Практикуется это и теперь: тонны, проценты, миллионы да миллиарды мелькают на многих страницах, что, бывает, угнетает. Такие данные наверняка нужны, скажем, в деловой и государственной статистике, в массовых же СМИ важно подать материал умело, ненавязчиво.

Говорят, в западной прессе не встретишь сообщения и восхищения квадратными метрами возводимого жилья. Подобные достижения там — естество человеческой жизни. По природе человек не может уподобляться животному, потому он и пользуется жильем, водой, воздухом — всем, без чего жизнь человека невозможна. Красоту и долготу своей жизни человек научился делать сам, а вот крышу над головой и цивилизованное обитание в ней обеспечивает страна, правительство. В том и есть сила государства и нации, сила их конституции, регламентирующая жизнь отдельного гражданина своей страны и всего народа в целом.

Об этом мы часто и не думаем, сосредоточиваемся на том, что по природе должно быть естественно, распыляем чувства, знания и средства на несущественные вещи. Миллионы квадратных метров жилья в ближайшие годы спасут, осчастливят тысячи наших граждан, остальным же надлежит жить между небом и землей, в бараках, землянках, а то и вовсе в шалашах, отчего петь дифирамбы в адрес наших строительных и жилищных планов, думается, не следует. Они должны уже теперь быть естеством нашей жизни без всяких ипотек, ссуд и прочих денежных мешков, какими так богато нынче наше государство, в какие влезать простым безденежным гражданам просто опасно, поскольку эти денежные мешки будут

их просто раздевать всю их сознательную жизнь, оставляя на хлебе и воде, без жирового приварка.

Пусть у человека нет денег на приобретение жилья, однако государство должно позаботиться о нем и предоставить ему какую-то крышу над головой. На то оно и государство, что для него дорог любой его гражданин, тем более, тот, кто в этом государстве родился, учился, работает, делая свою страну богаче и краше. "Безденежный с нами не пьет", — нетотлозунгсейчас. "Все для человека", — тот, что нужен. Бесплатная учеба, медицина, работа по душе и таланту и, конечно, крыша над головой. Крыша — так в первую голову, поскольку без крыши не будет ни тех, кто должен учиться, ни тех, кто должен учить и лечить, ни тех, кто должен эти самые крыши построить.

Люди говорят: если в стране ошутимый голод нажиле, почему бы наего возведение не бросить все государственные ресурсы — людские, материальные, политические и экономические. Бросить — и за пять, скажем, лет построить столько жилья, чтобы оно даже ожидало нарождающиеся семьи. В том выиграет страна, нация, сделавшая в своем жилищном энтузиазме такой скачок, какой не снился ни одному СНГэвцу... Все это, правда, лишь мечты. но, как говаривал в старой России известный Константин Батюшков: Мечты, повсюду вы меня сопровождали и мрачной жизни путь цветами устилали". И наши мечты в этом плане имеют право жить.

После Николая Иванова из Ушарала в "Просторе" я и теперь ишу Сагин-Гирея Байменова и перечитываю его "Жалко леса на серые книги". Рынок завален малограмотной и малоумной книжной продукцией. Литературные источники говорят, что существуют прекрасные, жизненные книги наших доморожденных авторов, как Иван Щеголихин и Владимир Гундарев, Ольга Шиленко и Сергей Шуйской, Есенгали Раушанов и Андрей Ретивых, Николай Гор и Константин Гайворонский с десятью его книжками, Валерий Михайлов и Евгений Курдаков, Олжас Сулейменов и Нурлан Оразалин, Надежда Чернова и Любовь Шашкова. Поэтический мир нашей республики чрезвычайно широк, а это радует, потому как на поэзию нашу нам надо просто молиться, она выходит на двух языках с переводом. А это же сила, это величие, что заметила и Надежда Чернова:

"Неслись гнедые косяки

И наполнялись гулом дали.

Как материнских две руки,

Два языка меня качали".

А как не назвать еще и Владислава Владимирова, Александра Матвеева, Дарханбека Жандильдина и его "Страну счастья", Вадима Гордеева и его книгу Рассказы, Герольда Бельгера и Танымбая Нурмаганбетова, тоже с

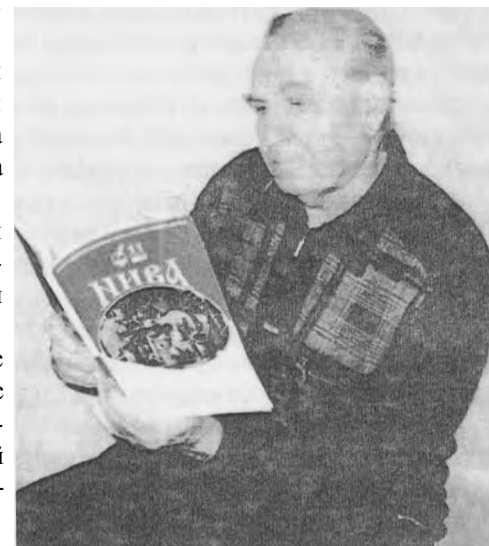
десятью книжками, Людмилу Коптелову и Сагин-Гирея Байменова, Орынбая Жанайдарова и Геннадия Круглякова, Омора Султанова и Евгения Курдакова, Юрия Грунина и Вячеслава Коктенко, Александра Загрибельного и Миру Альмерек!

Названных авторов в книжном варианте я не читал, а вот в "Просторе", дай ему Аллах процветания и многотиражности, приходилось. Мира так появилась в "Просторе" с рассказом, списанным с улицы, с подъезда, с нашего бытия; в ее героине — образ каждой встречной женщины, идущей со своими сумками и со своими мыслями.

Иду в журнал со своими мыслями и я. Только смогу ли я порадовать ими кого-либо, как порадовали меня "Ответственность перед словом" Нурлана Оразалина, "Пророчества сбываются" Ольги Шиленко, "Фонарь волшебной памяти" Людмилы Мананниковой? Критические вещи я вообще перечитываю по несколько раз, потому как преклоняюсь пред глубокими мыслями и исследованиями творчества того или иного автора, о каких я, агадырский питекантроп, до того не имел ни малейшего представления. И не я один... Ну, как не согласиться о Николаем Ивановым, приведшим слова А. С. Пушкина: "Скоро мы будем принуждены по недостатку слушателей читать свои стихи друг другу на ухо"!

Параллель с нашей нынешней действительностью, думается, разительная. Семнадцатимиллионный Казахстан на все свое население имеет всего лишь какую-то тысячу с небольшим экземпляров "Простора" да тысячу экземпляров "Нивы". Получается, один экземпляр журнала — на пятнадцать-семнадцать тысяч читателей? Чем вызвано такое унижительное положение, неизвестно, только свалить все на нашу равнодушную читательскую публику было бы оскорбительно для нее.

Пишущих у нас вообще не утрамбовать ни в какую торбу, а вот тысяча подписчиков на каждый журнал — непростительно всем нам вместе и каждому отдельно. Господи, сколько у нас в Казахстане библиотек? Уйма! Надо бы сделать предложение нашему министру культуры, чтобы он дал указание

каждой библиотеке города, села, поселка, аула, поселения ежегодно подписываться только на один экземпляр "Простора" и "Нивы". На них непременно найдется свой читатель, что выразится по стране в целую армию. Будут довольны журналы и, конечно, не останутся ущемленными и наши читатели. В журналах они найдут для себя, для своей души и интеллекта буквально все. Подобное предложение в свое время я лично направлял Ермухамету Ертысбаеву, но, видно, в высоких кругах предложение посчитали прожектерским и письмо бросили в корзину.

Рекламировать журналы тоже, наверное, необходимо. Как, каким способом — не представляю, но, наверное, есть какие-то литературные приемы, с долей броскости и фантазии. Строгость, политика, наша частая бытовая неустроенность и извечные коммунальные проблемы надоедают в ежедневных СМИ. Хочется раздолья фразы, простоты мысли, оздоравливающей мечты и фантазии...

Я солидарен с мнением и болью Николая Иванова о растлении наших душ и духовных ценностей. Книжные полки забиты криминальной "духовностью", и, что удивительно, такая литература востребована. Лично я не прочел ни единой книжки Марининой и Донцовой и не знаю, какую там подляну вытворяют их герои. И экран нынче опутан иностранными и нашими криминальными фильмами, просто нет спасения! Убийства, грабежи, насилие... Телевизор приходится просто выключать: не приемлет такого моя душа. Дети же криминальщину смотрят и читают запоем, обмениваются дисками и книгами. Я спрашивал у детворы, знают ли они, кто такие Чук и Гек, Тимур и его команда, Петька Маремуха из "Старой крепости", Павка Корчагин да Павел Власов? Отвечают — нет, потому как их нет в школьной программе...

Может, и впрямь в нынешних программах для школьников что-то другое? Однако мое поколение было заодно с красивыми и целеустремленными героями литературных произведений, которые были просто детьми, но нацеливали всегда на доброту. Господи, да где же нынче подобные произведения?! И почему наши нынешние авторы не ударяются в воспоминания о жизни и работе, как это сделали Семен Гершберг в книге "Завтра газета выходит" и "Работа у нас такая", Сергей Коненков в книге "Мой век", Илья Дубинский с очерками и документальной повестью "Портреты и силуэты", изданной в 1987 году издательством "Советский писатель", Александр Прокофьев в книге "Вспоминают друзья"? Думается, нам всем есть чему поучиться у мэтра журналистики Гершберга, у любителей слова Коненкова и Дубинского, у профессионального поэта Прокофьева...

Каждому автору, надумавшему нынче писать нечто подобное, наверняка есть что вспомнить и что рассказать людям. Уважаемому читателю уж точ-

но будет приятно столкнуться с подобной литературной пробой, потому как вспоминать будем время, в котором жили раньше и живем теперь, и людей этого времени.

Насчет нашего уважаемого Союза писателей, о котором как-то высказывались в "Просторе" Сагин-Гирей и Николай Иванов, лично ничего существенного сказать не могу, потому как ничего о нем не знаю, не ведаю, как и сам писательский союз ничего не знает обо мне и, думаю, никогда не узнает. Мечтать о творческом росте с его помощью вряд ли придется, потому как, говорят, у него нынче не те задачи, что были при твердом социализме и аморфном коммунизме.

Тогда начинающие вроде меня со своей пробой пера могли получить от этого Союза квалифицированную консультацию, данную известными писателями; нынче же сделать это просто невозможно или сложно. Сами члены Союза с советами, рекомендациями на страницах наших журналов не появляются, отчего авторский мир нашей страны не всегда знает, чем полнится жизнь нашего поколения, не представляет его задач на сегодня и на будущее.

Прав Николай Иванов насчет борьбы за души людей! Что с малолетства, со школьной скамьи формирует человеческий характер? Наша действительность, литература и телевидение, театр, культура. О генах, доставшихся нам от дедов и прадедов, бузотеривших во времена русско-японской войны, говорить не стоит. Мир человеческой души уподобляется раскаленному металлу, который поддается любой ковке, а потому государственная машина с ее сложным обустройством должна быть всегда исправна, от двигателя до всех приводных деталей. Кузница с горном и наковальней как раз и куют детали для этой машины; по жизни они взаимосвязаны, их прочность и слаженность друг от друга и зависят.

Чистота и богатство человеческой души, ее широта и возвышенность купятся лишь в исправном государстве. В исправном государстве должно быть исправно все — литература и культура, театр и кино, великая школа знаний. Литература — продукт культуры, который фиксирует и отражает жизнь, она по-своему изменчива и всегда разнообразна. Культура же более живуча и разнообразна, а то и вовсе бессмертна.

С помощью настоящей литературы, наших прозаических книг и поэтических сборников мы все вместе сможем обогащать души людей красотой и величием мира, чувством любви к родине, к родной земле, к человеку, к человеческим ценностям. Конечно, обогащать и свои души...

Книжный мир нашей страны нынче чрезвычайно разнообразен. Одни книги (например, "Ты помнишь" Калаубека Турсункулова и

"Всполохи" Абиша Кекильбаева) оставляют след, другие же забываются после первого их прочтения. К стихам же у меня всегда было отношение более трепетное — может, потому, что сам кропаю их в ночные часы и на утренней зорьке. Хочется поклониться моим старческим поклоном Надежде Черновой за ее удивительные строки:

"И век прошел, и целая весна,
Дряхлеет плоть, как в трещинах стена.
Какой тут слог и музыка какая?
Но я гляжу, ликуя, из окна —
Все поле в одуванчиках без края!
И прозы нет — поэзия одна..."

Господи, поэзия одна, а поэзия — это же жизнь! Ну как не видеть жизнь в близких моему сердцу строках Валерия Михайлова, какие просто столкнули меня с моим детством? Мы, пацанва, во время войны в моем ауле Кенбидаик Кургальджинского района летом просто пропадали на картофельных огородах, где от паслена было черным-черно. Наедались и умудрялись приносить ягоды матушке, которая умудрялась печь пирожки с пасленом и начинать им вареники. "Паслен" Михайлова истинно перевернул мне душу, воскрешая в памяти наши военные голодные годы, когда трое детей, из которых я был средним, наседали на матушку с единой просьбой: хлеба, кушать, чего-либо дохлебать...

"Мы услады растительной все дети
И радуги и неги испокон,
Но первой нашей ягодой на свете
Был незаметный, словно жизнь, паслен..."

О паслене, удивительной ягоде моего детства, написал и я несколько своих строк. Не знаю, захватил ли Валерий Михайлов военные годы и всегда ли он был в те годы одет, обут и сыт, только я, пятилеток в то время, помню, как в 42-ом отца и других кенбидаикцев увозили на машинах в Акмолу, а оттуда уже, как говорили, на фронт.

В 44-ом пошел я в первый класс, а уже во втором классе встретил День Победы. День был необыкновенно радостным, только матушка, обняв детей, рыдала, держа в руках похоронку на отца, погибшего где-то на Днепре в 43-ем. "Паслен" Михайлова всколыхнул воспоминания о войне и том же паслене из голодного прошлого.

"Ах, где то наше время, кто его услышит?
Надо бы у жизни попросить ответ.
И она для меня наверняка запишет:
"Без твоего паслена и родины-то нет".

До поэтики Черновой и Михайлова мне, агадырскому питекантропу, что гоголевской Коробочке до Майи Плисецкой. Но я согласен с Калаубеком Туреункуловым: "Все на свете живет и звучит, как песня. Человек — песня. Сидит — поет. Идет — поет. Работает — тоже поет. На войну идет — и тоже поет! Песня всегда рядом, от рождения до смерти. Камень, и тот поет. Пески поют, звон металла — песня. А цветок? Это же песня! Зверь красив, как песня. Птица реет, словно песня. Трава — песня. Жизнь — это главная песня".

Преклонение мое перед стихами непреодолимо всю сознательную жизнь, хотя мои собственные отродясь не видели света. Рифмованные строки навещают меня и сегодня в мои годы, от них я отмахиваюсь, но они просто достают меня. Приходится подчиняться, как подчинился и этим вот строчкам:

"Для омоложения советую попить
Из ручья водицы родниковой,
С нею сможешь и до ста лет прожить
В этот век безбожный и суровый".

Насчет моей пробы пера и попыток вторжения в "Простор" у меня всегда возникает боязнь услышать вердикт редакторов: "Стихи ровные и гладкие, как картинки, как доски после топора. Не годятся..." Насчет стихов — их у меня не иначе как маленькая тележка. Перекалдываю да перелистываю, а податься с ними в "Простор" не решаюсь. Вдруг скажут мне: "Дед, найди себе другое хобби! Марки коллекционируй или значки, а работа со словом — это же божественный дар, что ясно сказал в свое время Гумилев: "Слово — это Бог".

Ну разве не божественны слова, какими написаны вот эти строки:

"И снится мне — пишу стихи
Под шелест листьев дуба,
И надо мной пчелой летит
Поэт Шашкова Люба.
Пчелою надо мной кружит,
Роняет мед стихийно,
И под пером полынным
Подслащены чернила".

Тут для меня открытие: стихи под шелест дуба, полынное перо и подслащенные чернила. У меня на такое тям не будет, тем более теперь, в мои хоттабычевские годы. Говорю "коп рахмет" автору за доставленную радость!

"Коп рахмет" и Ювеналию Числову за его прозаические воспоминания "О ком печаль с годами не проходит". Читаешь и думаешь: а ведь каких людей рождает земля! Преданных своему краю, своему народу, своему долгу...

Одним из таких людей и был Дмитрий Федорович Шекеро. Вряд ли знала что-либо об этом человеке казахстанская общественность — может, только на Кокчетавщине. Человек знал и любил свою работу до самозабвения, не любил выделяться, любил лес, которому и посвятил свою жизнь.

Не будь воспоминаний Числова, мы до сих пор не знали бы о большом казахстанском человеке и гражданине Дмитрие Шекеро, о судьбах друзей и земляков, участников войны Актеле Тюлеубаеве и Аманжоле Калиеве. Первый командовал артиллерийской "Катюшей", второй — дивизионом, а вместе они ковали большую Победу, затем оба вели мирную жизнь, преданно служили своему народу и своему Отечеству. Остается поклониться памяти (из тех же воспоминаний Числова) минометчика Асылбека Альмагамбетова, Якова Бухаленка — тоже участника войны, прожившего нелегкую жизнь в Семипалатинском регионе, где испытывались атомные бомбы. Светлая им всем память!

Лесной работник Ювеналий Числов открыл в себе писательское дарование, чему хочется просто позавидовать. Я со своим пятнадцатилетним слесарным и двадцатипятилетним снабженческим стажем в депо Агадыря вряд ли что могу сказать о добрых и трудолюбивых людях, окружавших меня. И не поведаю свету о тех, кто помогал мне вторгаться в жизнь, учил понимать людей, их природу, характер, сравнивать прошлое с настоящим, — о людях, которым предначертано было в новом историческом исчислении сделать свою ЭПОХУ.

Письмо 18

ПАМЯТЬ

Недавно в теплое сентябрьское утро оказался я в Караганде, где между делом искал видеокассеты с Надеждой Кадышевой и Геннадием Заволокиным, вообще любые кассеты с "Играй, гармонь", народными частушками, припевками под баян или народным инструментарием. Баян и гармонь я люблю и сам до сих пор "шарю" на своем пятирядном баяне, отчего и не мо-

гу отказать себе в удовольствии послушать Маланина, Тихонова, Гридина и других виртуозных гармонистов.

Все бы ничего, только такая большая и культурная Караганда понятия не имела о нужных мне кассетах, какие я настойчиво спрашивал чуть ли не у самого отдела культуры. В невеселых чувствах бродил я у привокзальной площади, намереваясь возвратиться в свой Агадырь несолоно хлебавши.

На площади неугомонные таксисты и шустрые "газельщики" зазывали пассажиров в Павлодар, Молодежное, Астану. Я подумал: чего теряю? Взгляну на нынешнюю столицу, которую знал как Акмолу и Целиноград... Причем в нынешнем 2013-ом исполнилось 56 лет, как я поступил в Акмолинское железнодорожное училище, и 54 как закончил его.

Годы учебы в ЖУ из моей памяти не сотрутся никогда. Учеба была на полном гособеспечении, как служба в армии, где поят, кормят и одевают. Требовалась только одна плата — учиться. Такого ЖУ теперь нет. Вообще, железная дорога потеряла учебные заведения, готовившие для себя рабочие кадры. Через два года учебы в ЖУ на железнодорожное производство приходил готовый слесарь, помощник машиниста локомотива, квалифицированный путеец, связист. Что железная дорога нашла новое, потеряв старое в лице железнодорожных училищ, я не представляю, только училища эти в мое время не были для государства обузой; напротив, они делали большое государственное дело, пополняя артерию жизни страны — железную дорогу — свежей рабочей кровью. Сегодня эта свежая кровь готовится в учебных заведениях страны платно, за собственные денежки студентов. А если денег нет? Ну, на нет и суда нет...

Из задумчивости меня вывел один из "газельщиков". Он обратился ко мне:

— Дед, не желаешь в Астану? Как раз одно-единственное место осталось, притом классное!

— Сколько?

— Стандарт — пять сотен.

Ну, пятьсот — не такое уж завихрение, дешевле даже, чем на поезде. Поэтому — поехали! Мое место и впрямь оказалось супер, рядом с шофером и приветливым пассажиром, годившимся мне в сыновья. В "Газели" кабина трехместная, для провинциального пассажира вроде меня и впрямь истинная благодать...

Оставив Караганду, вырвались на простор. Дорога — загляденье, движение — несусветное, скорости — адские. Нашу колымагу обгоняли едва не со скоростью звука всякие "Хонды", "Вольво", "Тойоты". Мне, впервые едущему по автодороге с таким комфортом и на такое длинное расстояние, нравилось обозревать поселки, бесконечную равнину и степное приволье.

Раньше, говорил мой сосед, здесь все засевалось хлебом, теперь же целина умерла, совхозы исчезли, жилье брошено и развалилось, а люди подались кто куда.

А я так хорошо помню первоцелинные дороги, какие уж точно роднились с военной песней "Эх, дороги, пыль да туман..." Теперь, слава Богу, они асфальтовые, ухоженные, так что пассажир может даже писать без каракулей, что и делал мой сосед в толстой тетради, разложенной на закрытом дипломате. Уже в Астане, у автовокзала, он доверительно обратился ко мне:

— Ну, дед, как вам смотрится наша Астана? Побывать бы вам еще на левобережье, и вовсе восхитились бы там всем виденным! Посмотреть там действительно есть на что. Что удивительно, все это за какие-то полтора десятка лет построено! Я вечный астанчанин, все делается на моих глазах, да как делается! Стороннему человеку не понять, что тут было до этого... А на память, дед, о нашей поездке подарю вам вот эти строчки — почитаете на досуге и вспомните старую Акмолу и теперешнюю. Вспомните и сравните, наверняка удивитесь, где-то погордитесь и даже кому-то, возможно, поклонитесь...

Дома я полистал поэтику моего попутчика и удивился молодому таланту. Парень точно не дурак, умеет видеть красоту в своем городе во всем — в домах и улицах, в его жителях. Такие люди уж точно патриоты своего города и своей страны, их уж точно никакая манна небесная не сманит за бугор!

Вспоминаю по этому поводу своего начальника депо 92-93-их годов: молодой, но опытный, искренний железнодорожник. Начинал слесарем, затем учеба, поездная работа, машинист-инструктор, замначальника и начальник депо. И это до его сорока! А там кто-то просто сманил его в Германию. Как доходили слухи, наш начальник депо подметал дворы и подстригал газоны, поливал и пропалывал цветочные грядки. Нынче вроде работает на каком-то заводе, имеет машину, но не имеет друзей, кроме агадырских однокашников, помнящих свой Агадырь, мечтающих вернуться в его серые дома и на пыльные улицы. Что ими движет — Бог весть, только агадырская сила притяжения пересиливает германскую. Говорят, ностальгия, потому как только на чужбине понимаешь, что не хлебом единым жив человек. В Агадыре и рассвет другой, и птичье щебетанье более радостное...

Насчет ностальгии можно поверить. В Агадырь уже вернулись некоторые знакомые, обживают, обустраиваются, и родные стены им явно помогают. А друзья и государство не оставляют их в одиночестве, вместе делят радости и невзгоды, справляют праздники, приглашают в гости и сами ходят на какие-то торжества. В Германии, говорят, такое не принято, как и многое другое против привычного нашего...

Распрошавшись со своим попутчиком, подарившим мне свое помятое эссе, я для себя сделал вывод: Астану наскоком не обозреть, потому все любования отложу до лучших времен. Эту же поездку я в душе поблагодарил — встретил интересного человека, даже поэта. Нынче, говорят, добрые люди перевелись, только молве этой не стоит верить, все-таки мы богачи на необыкновенных людей. Без них жизнь зачахла бы, а с ними у нее и цвет другой, и больше полноты. Они умеют радоваться жизни и передавать свою радость другим.

Как-никак, а я рад той дороге-дороженьке, познакомившей меня с поэтом, умеющим видеть красоту во всем, в себе и в каждом. А Астана — это все-таки и мой город: здесь я учился, когда она еще была Акмолы, и отсюда наведывался домой в мой зеленоокий Жалтырь к матушке, сестре и братьям. Наведываюсь и теперь, когда приезжаю на побывку, чтобы поклониться могилам и памяти матушки и старшего брата, покинувшего этот свет в мае 2012-го, в возрасте 82 лет. Кланяюсь моим улицам и старым домишкам, какие состарились, как и я; кланяюсь и своей жалтырской школе, где я учился с четвертого класса до выпускного.

В Жалтыре в юности я вместе с несколькими друзьями в летние каникулы подрабатывал на местном элеваторе. Мы рубероидом заклеивали крыши зерновых амбаров, сушили и лопатили зерно, начисто подметали зерновые склады; у нас за работу появлялись денежки на мелкие расходы и на первые цветы для первых любимых девушек. А при учебе в Акмоле в железнодорожном училище местные парни с окраинной Слободки не прощали нам, железнодорожникам, наше увлечение городскими девчонками, каких мы также одаривали цветами, ухаживаниями и первыми поцелуями. Девушки увлекались училищной братвой в красивой железнодорожной форманке, отвечали на цветы и поцелуи, что раздражало слободскую братву, устраивавшую даже с нами потасовки. Училищной же братвы всегда было больше, отчего конфликты улаживались путем обычных переговоров, и жизнь шла своим чередом — до следующих танцев на большой танцплощадке в городском саду. Но это уже память...

Письмо 19

НА ЗАКАТЕ ХОДИТ ПАРЕНЬ...

В нашем железнодорожном поселке городского типа на двенадцать тысяч жителей остался всего лишь один клуб — на двести пятьдесят посадочных мест. При коммунизме, как говорят местные жители, то есть, до СНГэвского периода, таких смотрительных заведений было три. Каждый клуб гнал свои фильмы, так что выбор у населения поселка был.

С рождением СНГ два клуба были выкуплены, и в них сварганили торговые центры. Третий остался в неприкосновенности, скорее, по чьему-то указанию. Правда, фильмов в нем не крутят, используя лишь для общественных мероприятий к знаменательным датам. Поселковые руководители делают свои доклады к 8 Марта или Дню Конституции, а народ после довольствуется концертами участников художественной самодеятельности поселка.

У художественных коллективов самодеятельных артистов есть свой дом и своя улица: у школьников это школа, у деповчан — свое депо, у станционников — станция, у энергетиков — энергетическая фирма. Слава Богу, что в наше истинно прагматичное время художественная жизнь в этих коллективах живет и радует всех, кто приходит на их смотри. Руководители самодеятельных коллективов умудряются перед концертами напомнить, что нам "песня строить и жить помогает, она скучать не дает никогда, ну, а тот, кто петь и слушать не умеет, не будет счастлив никогда".

В прошлом году наш железнодорожный поселок отмечал свое 75-летие, совмещенное управой поселка с Днем железнодорожника, выпавшим на первое воскресенье жаркого и благодного августа. Железнодорожный парк никогда прежде не видел и не принимал столько гостей, как в этот раз: все-таки большая академическая дата! Да и показать есть что. Как-никак, а тут сосредоточен большой тяговый узел, дающий электроэнергию в 110, 220 и 500 тысяч вольт. Говорят, что отсюда питаются Каражал, Жезказган, Балхаш и чуйское направление...

Моя жена прочла где-то, что с недавних пор появилась какая-то музыкальная терапия: мол, музыкой лечат человека. Она стабилизирует давление и работу сердца, благотворно влияет на настроение, да и в целом на здоровье человека. Прослышав о таком качестве музыки и ее лечебных свойствах, моя жена утатила меня в этот праздник пятого августа на праздничное торжество в железнодорожном парке, где, по ее прикидкам, музыки будет сверх головы, и можно будет на практике проверить ее действенность лично на себе.

Парковая открытая сцена, как никогда прежде, на этот раз жила необыкновенной песенной жизнью и талантами исполнителей всех мастей — от деток-школяров до убеленных сединой. Здесь показывали свое искусство хоровые коллективы и отдельные вокалисты, пели дуэты и трио, звучали домбра и гитара, гармонь и многоголосый баян, который я люблю больше всего — может, потому как сам на нем "шарю" чуть ли не с детства.

Летнюю эстраду к юбилейномудню обнесли высокой металлической оградой с замысловатыми рисунками и поставили, наконец, длинные деревянные лавки, как бы не на двести посадочных мест. На этот раз на сидячие места попали самые ретивые да пронырливые; прочий народ, желающий обозреть концертное мастерство, довольствовался территорией за оградой.

Ах, как же богат наш поселок талантами! Многих мы с женой знали по-фамильно и лично, о других же только имели представление. Молодых мы не знали вообще, а их-то и было больше всего: наверно, тут постарались школы, да и сам поселковый клуб. Пели и ветеранские коллективы, выступал даже хор бабушек и дедушек с песнями давних лет, такими душевными и мелодичными.

А у молодых звучали гитара, ионика и прочий электроинструментарий, заглушавший всяческие разговоры и даже наши с женой, когда мы что-то не говорили, а кричали друг другу в ухо. Молодежь же была в восторге и в

экстазе, ну, а те, кого такое искусство давило, просто отходили от оградки подальше и наблюдали за концертом издали.

В целом, как мы видели с женой, сцена жила одухотворенной жизнью, жила и умела привлечь в свою орбиту большую зрительскую аудиторию. Видеть подобное приходится теперь нечасто. Мы с женой вспомнили, что в 70-ые годы, когда наш поселок стал "столицей" только что организованного района, в такой же новой Жезказганской области, в центральном железнодорожном клубе того времени выступали даже такие московские светила, как Леонид Серебренников и Валерий Ободзинский со своей популярной песней "Эти глаза напротив", наша Роза Багланова и другие знаменитости. Поселок трепетал, его граждане не покладая рук украшали свой ПГТ, стараясь придать ему истинный статус поселка городского типа.

Как бы то ни было, а женушка моя на этот раз домой меня не утаскивала, что прежде с нею бывало не раз. Вообще-то, моя дражайшая половина на общественные мероприятия не падка, предпочитая им свой цветной "ящик" японского производства: там талантливые ведущие и не такая громоподобная музыкальная какофония, далекая, судя по всему, от музыкальной терапии.

По поводу всего происходящего на сцене я спросил у своей благоверной:

— Слушай, матушка Сямбюль, ты вроде даже увлеклась клавиатурным сопрано и готова слушать все это электричество?

— Атебе, Темирбай-ага, не нравится сегодняшнее искусство?

— Почему же, Зейнеб-ханум? Нравится, и даже более! Я все-таки какой-никакой, а музыкант и все музыкальное принимаю как возбуждающую терапию.

— Все бы ничего, господин Зарад, только уж слишком у них электрического шума. Да, черт возьми, почему бы его не поубавить? Есть же у них какие-то регуляторы, способные поуспокоить звук?

— Наверное, есть, тетушка Фатима, только молодых электрический музыкальный шум не раздражает. В городах, наверное, такое не позволят, а в нашей тмутаракани все сходит за первый сорт!

— Я понимаю тебя, Мехмет-оглы, только данная музыка никак не сможет стать музыкальной терапией. Вот послушать тихую и музыкальную домбру — удовольствие, гитару Высоцкого — раздумья, гармонь — отключение от грусти, баян с его многоголосостью — умиление и восхищение загадочностью наших старых песен на музыку Щекотова, Радыгина, Захарова, Пономаренко. Ах, сколько в них красоты и человеческого чувствования! А какие слова в их песнях — простые, незатейливые, душевные! Раньше, ей-богу, как-то больше смотрели в душу человека. Взять хотя бы песню Владимира

Захарова на слова Исаковского "Дайте в руки мне гармонь" — помнишь такую? Ну, там, где золотые планки и пареньдевушку домой провожал с гулянки... А потом шли они в руке рука весело и дружно, только стезжка коротка — расставаться нужно... Припоминаешь? Так вот, такие песни не забываются, хотя прошло лет семьдесят после их появления. А "Загудели-заиграли провода, мы такого не видали никогда"? Тоже 30-ых годов песня, когда у людей впервые появилось радио, и они слышали из репродукторов, напоминающих черные тарелки, эти самые "Провожанье" и "Загудели провода".

— Да уж, наверно, помню, матушка Зарипе, все-таки я, как-никак, а на баяне "шарю"! Конечно, не как в хоре Пятницкого, в Волжском или Уральском, только себя я как-то да успокаиваю. И слушателям в каком-нибудь застолье могу налить бальзама на душу. Говаривали, прорезается у меня даже что-то маланинское... Заливают, конечно, но слышать приятно!

— Правильно, Кемал-оглы, их и я поддерживаю. Только в молодости ты после всяческих вечеринок приходил домой на великом веселе, после какого ночью маялся то икотой, то похмельем. А водочка никогда до добра не доводила. Ты сам понял, что в молодости отхлебал этой водочки как бы не железнодорожную цистерну, а на "дембеле" надо бы и поберечь себя. Два года твоей трезвости и на твоём здоровье сказались, у тебя даже другим стал цвет лица — добрым, сияющим, чистым. И, кажется, тебя покинули морщины.

— Все это правильно, матушка Бахар, только мир нынче ужасно пьющий, и противопоставить ему себя очень непросто. Не раз приходилось, да и приходится слышать, что многие полезные дела решаются за "пузырем". Раньше было не то, потому как и время было другое: лечение и обучение было бесплатным, все на себя брало государство. Нынче же мы что видим? Тебе двадцать лет — время, когда так хочется модно одеться и обуться, потусоваться на дискотеке, угостить девушку цветами, а то и вовсе отдохнуть на море обычным дикарем, без всякой путевки. Раньше на все это хватало даже небольших денег, нынче же все твои гроши уходят на обучение да на лечение. Ладно, ты молод и здоров, как бык, так все равно учеба разделяет тебя истинно догола... На мой взгляд, нашему Казахстану надо бы перестроиться. Ну, пусть весь СНГ перевернется вверх ногами, а мы сделаем у себя лечение и обучение бесплатными. Пусть у нас в Казахстане произойдет своя культурная революция! От нее уж точно никто не пострадает, не будет жертв и пострадавших, будет только благоденствие.

— Правильно ты обо всем судишь, Хайдар-оглы. Нынешний СНГ истинно выскребывает из нас нашу старую внутренность с Горьким, Фадеевым, Шолоховым, Маяковским, Есениным, Блоком, Абаем, Ауэзовым, Жансугуровым. Они рождали в нас настоящий человеческий характер, учи-

ли быть большими людьми, с верой и правдой, со всем, что делает человека Человеком с большой буквы.

— Да, матушка Деджле, мельчать стал человек. Его нынче обуревают другие страсти, вовсе не такие, что были во времена Павки Корчагина и Алексея Маресьева, а также Марата Барманкулова и Горислава Колосова, какими я восхищался, когда они учили меня в КазГУ. Ах, какими они все были большими людьми и большими учителями жизни!

— Все так, Салих Тамыр. Давай теперь послушаем вот этих двух баянистов и молодую певичку. Перед баянистами я всегда трепетала, потому, наверно, за тебя и замуж пошла. Ты так классно играл, когда жил в деповском общежитии! Играл на нашей летней танцплощадке, и за тобой столько девок увивалось, но ты почему-то выбрал меня. То время теперь кануло в Лету, а мы остались мужем и женой на все пятьдесят лет. Баян тебя не избаловал, не развратил, ему предан ты и теперь, как предан и своей семье. Твои же друзья-сверстники, смотри, как исковеркали свои судьбы: одни развелись, другие посиротили детей, третьи уехали из поселка, а несколько человек так отбросили копыта от бестолковой пьянки да наркотиков. Мы с тобой, слава Аллаху, пока благоденствуем и даже вот восхищаемся песнями наших земляков. Под два баяна — это что-то для меня новое, во всяком случае, такого в поселке у нас еще не было. Может, ты, Абдулла-бей, встречал их? И певичка такая молодая...

— Да нет, не встречал я их. Видно, наши работники клуба отыскиали их где-то на промежуточных станциях или разъездах. А живут там, как говорят, и отменные спортсмены, и футболисты, и баянисты, и заядлые фигуристы. Кто-то, говорят, даже в Москву пробился со своими художественными поделками и рисунками... Смотри, какое необыкновенное русское платье у певицы, столько в нем красок — целое полевое соцветье!

А ведущий тем временем объявил:

— Выступает дебютант нашего коллектива Марина Иванова в сопровождении баянистов Максима Петрова и Алексея Чеботарева. Марина на концертной сцене вообще в первый раз, а все потому, что проживает не в шумном железнодорожном поселении. Спойет наша певица песню прошлых лет "На закате ходит парень"...

Авторов песни ведущий не назвал — скорее всего, боялся напугать зрителей такими чуть ли не древними фамилиями, как Владимир Захаров и Михаил Исаковский. А баянисты, сделав красивое вступление с широким разливом и непревзойденной альтерацией, повели песню в какую-то даль, в поднебесье. Лет двадцать я не слышал этой песни ни по радио, ни в телевизионной трансляции, только однажды она как-то пробежалась в концерте Надежды Бабкиной.

Песня уводила от жизненной суетности в маленький и тихий уголок отдохновения, человеческих встреч и любовного томления...

"На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Чего он моргает,
Чего он моргает,
И кто его знает..."

Баяны проигрывали наигрыш, а певица, приложив палец к щеке и имитируя задумчивость, волнение и участие, продолжала петь:

"Я спросила: "Что не весел?
Иль не радует житье?"
"Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое".
И кто его знает,
Зачем он теряет,
Зачем он теряет,
И кто его знает..."

Баянисты знали свое дело, и я готов был их просто обнять, паразитов, дававших баянам живую жизнь. Не представляю лучшего музыкального сопровождения, чем баян! Конечно, приходилось слышать скрипичные концерты, фортепьянные, домбровые, но когда в игру вступали баяны, я все бросал и упивался их звучанием до самозабвения. Спасибо телевидению, какое редко, но транслирует подлинную игру Маланина, Тихонова, Виктора Гридина из ансамбля "Россия", сопровождавшего в свое время все песни Людмилы Зыкиной.

Девушка тем временем делилась впечатлениями о своей встрече с парнем, потерявшим сердце бедное свое:

"А вчера прислал по почте
Два загадочных письма.
В каждой строчке
Только точки —
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает,
На что намекает,
И кто его знает..."

Пока певица, вопросительно глядя в синеву неба, ставила напевную точку, баяны подхватывали темпераментный и многоходовой проигрыш. А с ним пела и моя душа, пело сердце, радуясь красоте жизни, вмещавшей блажь и торжество, любовь и нежность. Нет, мир наш не был жестоким, он пел, он благословлял небо и мечтал только о счастье, как мечтала о счастье в последнем куплете и наша певица:

"Я разгадывать не стала —

Не надейся и не жди,

Только сердце почему-то

Сладко таяло в груди.

И кто его знает,

Чего оно тает,

Чего оно тает,

И кто его знает..."

Баяны и певица в протяжной концовке набрали высокую ноту, какая тут же оборвалась, создавая мечтательную тишину. Зрители же не дали этой тишине погрузиться в грустное ожидание просто взорвали эту тишину аплодисментами. Звучали крики: "Ура! Бис!" Те, кто был на лавках, в каком-то порыве встали с мест и стоя аплодировали исполнителям. Такого в поселке давно не случалось. Зрители не жалели ни своих рук, ни себя, а певица, кланяясь и не отходя от микрофона, спросила:

— Это правда?

И как-то по-детски зарыдала и убежала за сценическую перегородку. Зрители по-прежнему стояли и хлопали, ведущий же, выставив руку вперед, приглашал певицу на сцену. Она вскорости появилась с платочком у глаз и, зардевшись румянцем, выдохнула:

— Я люблю вас всех и благодарю за такое теплое отношение к старой русской песне! Ей столько лет, сколько нашему поселку. В благодарность я вам спою песню этих же авторов, какая по-книжному называется "Провожанье", а по-нашенски — "Дайте в руки мне гармонию, чтоб сыграть страдания". Вы ее наверняка помните, но не будет, думаю, лишним соприкоснуться с непревзойденной музыкой Захарова, красотой и напевностью стиха большого поэта Исаковского. Сейчас это такая редкость!

"Провожанье" певица спела с такой же душевностью; зрители и на этот раз не жалели своей экспансивности. После концерта моя правдивая сказала:

— Я просто восхищена! Мы с тобой, Оразбай, сегодня и всегда имена героев турецкого фильма перебираем. Между прочим, бабки в моем кругу говорят, что это хорошо, когда у человека два имени. Свое кровное — это не-

прикосновенное, родное, а второе, произвольное, как у нас, вроде Гюльчатай, Бекир да Оразбай, впитывает в себя все посторонние напасти — сглаз, зависть, приворот. Бабкам я почему-то верю, ценю их мудрость.

— А я думаю, Залиха-ханум, твоей компании просто делать нечего, вот вы и тешите себя байками, чешете свои языки, потому как они без костей. Когда бабки расппеваются старыми песнями, тут я с ними быть готов. Насчет двух имен сказать определенного ничего не могу, потому как их версия насчет сглаза никак не вклинивается в жизненную догматику. По-моему, сглаз и прочие напасти не имеют объективной закономерности, потому как в жизни их просто нет.

— Не скажи, бабки многое знают! Жизнь нынче, Эрмин-бей, штука сложная, а бабки знают, кого приворожить, кого развести, а по лечению всяких болячек, так они истинные медицинские энциклопедии. — Хорошо, Дилира-ханум, я согласен с тобой. Давай теперь пойдем за кулисы, пожмем баянистам руки, а певичке так преподнесем коробку конфет — вон какие они большие и красочные в парковом киоске!

— Я согласна, Сулейман-бей. Они достойны и большей благодарности...

Письмо 20 НА АГАДЫРСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

В газете "Индустриальная Караганда" за 9 декабря 2006 года была опубликована статья Оксаны Мягких "Большие проблемы маленького поселка": "Когда-то в Молодежном, считавшемся поселком городского типа и по совместительству центром одноименного района, проживали почти тринадцать тысяч человек. 1997 год разделил жизнь поселка на "до" и "после", и оказалось, что самое хорошее осталось в прошлом..."

Первая и, наверное, самая хлопотная проблема, свалившаяся на голову молодежи после ликвидации района, — транспортная. Теперь всем нуждающимся в решении каких-толичных вопросов, скажем, пенсионных,

надо ехать до райцентра, в Осакаровку, как бы не все двести верст, трясясь по несносным дорогам.

После ликвидации района на молодеженцев нагрянули и новые напасти: подорожала вода, напомнили о себе тепловые и канализационные сети. На декабрь 2006-го из Молодежного уехала почти половина населения. Может, после укрупнения областей по стране пострадали и другие районы, только об этом я мало чего знаю. Сердцу же моему больно и близко то, что рядом...

Жезказганская область и Агадырский район в ее составе были организованы в 1973-ем. Следом начался невиданный строительный и благоустроительный бум: в Агадыре монтируются плиточные и каменные тротуары, асфальтируются центральные улицы, чего не делалось тут с рождения Агадыря в 1937-ом.

Со времени организации района в Агадыре по титулу вторых путей "Караганда — Чу" и их электрификации силами железной дороги идет и небывалое жилищное строительство. Возводятся красивые высотные дома в два и пять этажей, технические и культурно-бытовые объекты. Центральный проспект поселка украсился тремя 40-квартирными пятиэтажками; на окраине же выросли просторные, ухоженные и хорошо спланированные микрорайоны с двадцатью 18-квартирными домами и десятью трехэтажками.

Агадырь с людской суетностью, легковушками и учащенным железнодорожным пульсом и сегодня выглядит эффектно и привлекательно. В бытность же его "столицей" эффект привлекательности и очарования многожды усиливался, что так радовало агадырцев и приезжий народ. Гости говорили: "Молодцы!"; хозяйева же еще более тщательно вылизывали не только улицы, но и подворья.

Да, было время, когда агадырцы и округа гордились таким поселком и по-своему молились железной дороге и всем властям, организовавшим Жезказганскую область и в ее составе Агадырский район со "столицей" в Агадыре. Он и теперь выглядит свежо и молодо, наперекор все тому же нечетному 1997-ому, которому агадырцы (как, наверно, и молодеженцы) желают ни дна, ни покрывки, и чтобы история просто вычеркнула бы этот год из жизни.

В 1997-ом Агадырский район, просуществовавший целых двадцать пять лет, был ликвидирован; райцентр перевели в заштатный аульный трехтысячный Аксу-Аюлы, отстоящий от железной дороги на сотню верст. Добираться жителям отдаленных поселений — нам, теперь уже жителям Шетского района — в случае личной нужды приходится на чем придется.

По мнению своего начальства и в целом агадырцев, Агадырю, поселку с

двенадцатитысячным населением, стоящему на большой дороге и пропускающему через себя обширный грузовой и пассажирский поток с Урала, Костаная, Астаны, Аркалыка, Жезказгана, Караганды, Павлодара до южной столицы и даже самого Китая, связанному асфальтированными дорогами со многими населенными пунктами, быть райцентром не только Бог велел, но и сама жизнь.

Индустриальные поселки близ Агадыря — Акжал, Акштатау, Кайракты, Жамбыл — с их рудниками, шахтами, обогащательными фабриками мечтают и сегодня, чтобы именно близкий к ним Агадырь был "столицей" района. Ведь до нынешнего райцентра Аксу-Аюлы по пенсионным и другим вопросам агадырцам и жителям округа приходится добираться на перекладных, а частники заламывают цены, несовместимые со здравым смыслом!

И бывшие целинные поселения Коктенкуль, Ортау, Кызылтау, Босага и ряд других, сохранивших еще свое лицо, хотели бы вновь видеть Агадырь своей "столицей". От этого люди только выиграют, а сам поселок отвесил бы не один поклон тем, от кого зависит такое жизненное решение...

С исчезновением с лица земли Агадырского района и потерей статуса райцентра поселок начинает потихоньку пустеть и рушиться. Откуда-то появились современные "крестоносцы", набросившиеся на кирпичные здания коммунистической поры, а потому небывало прочные: пустующие здания безжалостно рушились от крыши до фундамента, кирпич куда-то увозился, оставляя на месте разгрома сотни тонн мусора, обломков кирпича и плит перекрытия.

Так поступили со школой-двухэтажкой за одно красное лето. Участь школы разделило и красивое двухэтажное здание детского сада из белого силикатного кирпича. Буквально в пятидесяти шагах от акимата почил большой комплекс райбыткомбината в два этажа, с очень высокими и широкими окнами: сейчас на этом месте откуролесили одноэтажную баню, выкрашенную в цвет нелюбви — желтый. Агадырцы смотрят на все это архитектурное убожество, как на одинокий степной мазар, вспоминая красоту, возвышающуюся на этом месте прежде.

Чего никто не ожидал, мучительной смертью пала вечная кормилица агадырцев — пекарня со всем ее хитрым оборудованием, функции которой теперь наперебой разрываются многими частниками. Пекарня в бытность свою подчинялась железной дороге и ее ОПСу — отделу рабочего снабжения, ставшему ненужным "железке", как и все коммунальные услуги.

Знаток уверяют, что на территории Карагандинской области может разместиться вся Франция. Протяженность якобы затрудняла связь и руководство таким обширным регионом, что и подвигло правительственные

власти в 1973 году разгрузить индустриальную Караганду, отдав от ее областных границ земли для Жезказганской области. Новый административный регион с Байконуром, "Казахмысом", Жайремом, Каражалом, Балхашом, военизированным Приозерском, хлебоводческой Жана-Аркой, рудниками Саяк и Бертыс, другими близ самого Жезказгана, с крупными животноводческими хозяйствами не стал для страны нахлебником — напротив, он богател и делился своим богатством со всей страной.

То же самое и с Агадырем. Новая "столица" Аксу-Аюлы крайне неудобна для прежней агадырской округи. Люди испытывают истинные мучения и просто проклинают чиновников, передвинувших новый райцентр от Агадыря и железной дороги на целую сотню верст, в бескрайние степные просторы. По поводу своего ликвидированного района агадырское население и округа много раз обращались в высокие инстанции, которые только разводят руками. Агадырский район канул в Лету; собес, военкомат и районо с прочими организациями переехали в новую "столицу" или самоликвидировались, заставив жителей отдаленных селений перестраивать свой жизненный цикл и психологию на новый лад.

С 1997-го русскоязычное население теперь уже Шетского района и самого Агадыря вот уже в течение пятнадцати лет ничего не может прочесть о себе и своем районе, так как районные газеты "Агадырская новь" и "Агадырь таны" погибли, как и их район. Теперь газета выходит лишь на государственном языке, каким русскоязычное население не всегда владеет.

Агадырцы говорят о себе, что боги, наверное, и впрямь устали от людей, оттого и позволили такое. Они уже примирились и не ожидают ничего лучшего. В Агадыре в основном железнодорожный народ, а он не привык гнуться и качаться — у людей, наверное, и впрямь железные нервы и железный характер. Они по-железному же и спрашивают себя и свою страну: много ли она выиграла после ликвидации Жезказганской области и Агадырского района, намного ли она разбогатела?

А ведь об Агадыре, что удивительно, нынче знают даже в США, о чем поведал в свое время журнал "Книголюб" (№4 от 2008 г.). Гражданка США Диана Виньковецкая, рожденная в Кронштадте и в свое время учившаяся в Ленинградском университете, в Агадыре проходила студенческую производственную практику в геологической экспедиции под номером 21, которая базировалась здесь как бы не с первых лет после войны. В одной из глав своей книги "Налинии горизонта" Диана Виньковецкая пишет: "И я опять в Агадыре, но уже как настоящий геолог с правами. Я оказалась в центре поисков редких ископаемых в самом передовом научном отряде, да еще холостячком".

Писательница не указывает год, когда была ее студенческая практика и когда она оказалась в Агадыре "как настоящий геолог с правами". По моим прикидкам, Диана проходила студенческую практику где-то в 1960-65-ые годы, когда мы, 96 парней агадырского общежития ОХРА, знали всех приезжих и командировочных в поселке. Это и неудивительно, потому как трехтысячное население поселка знало о каждом агадырце почти все: приезжий народ сразу же бросался в глаза и вызывал неприменный интерес, особенно если это были женщины.

ОХРА расшифровывалась как общежитие холостых рабочих Агадыря. 96 молодцев этой самой общаги шастали в свободное время по всем клубам поселка, бывали на различных танцульках, тусовках, игрищах, молодежных вечерах. Студенческую молодежь, в том числе женщин, приезжающих на производственную практику в агадырскую геологическую экспедицию, ОХРовцы узнавали в первую очередь.

Геологическая экспедиция, многолюдная и многоштатная, всегда гремела в поселке своими производственными показателями. На торжественных собраниях в докладах не говорилось, что ищут и что найдено, но о шахтах, дающих какую-то ценную и нужную государству руду, сообщалось, и назывались передовики производства.

Геологоразведочную экспедицию Агадыря летом посещало особенно много практикантов. ОХРовцы были начеку, заводили знакомства с "принцессами" и старались выглядеть по-городскому. Как помнится, несколько наших парней были крепко пленены и увезены из Агадыря на веки вечные. Мечтал о том и я, но моя бедная, как я считал, агадырская семантика не давала мне возможности находить понятный для обеих сторон язык, каким можно было бы привлечь внимание "принцесс". Мне, не имевшему тогда даже среднего образования, этой взаимности хотелось ну прямо до умопомрачения!

С девушкой с необычным именем Диана я не раз танцевал в клубе геологов. Была ли это именно Диана Виньковецкая, не представляю, поскольку при знакомстве я назвался просто Николаем из общежития ОХРА, а она — практиканткой Дианой из Питера.

Диана безо всякого стеснения выдвигала какие-то претензии ко всем ОХРовцам, о которых ходили слухи, что все они "сперматозавры". И по этой причине от провожаний она отказывалась. С Дианой мы встречались и после, когда я уже был женат, но фамилии ее в те 60-ые годы так и не узнал.

Девушку с необычным именем Диана из геологической экспедиции мы, ОХРовцы, знали как красавицу, умницу и даже ученую. Девушек с подоб-

ным именем в Агадыре и округе никогда не встречалось, и теперь верится, что это была именно Диана Виньковецкая. Из "Книголюбца" я узнал, что Диана Виньковецкая в 1969-ом защитила диссертацию, работала в ЛГУ. В 1975-ом уехала в Америку, преподавала в Бостонском университете. Автор пяти книг. В одной из них и упоминается Агадырь, близкий Виньковецкой как память; мне же он дорог как родина.

Фото пожилой женщины в "Книголюбце" никак не сравнивается с красавицей 60-ых годов, однако верится, что это была именно та Диана, с которой я не раз танцевал, держа ее за руку и за талию. Коль это так, то пусть благостным останется то далекое время, воскрешающее в памяти нашу молодость, когда в каждом одногодке видели друга и товарища, верили в лучшее. ...

"Книголюбом" приводятся отзывы на книги Дианы Виньковецкой людей, хорошо известных современному миру: "Ай да Диана, Ваша хевра удостоилась шедевра!" (Иосиф Бродский, нобелевский лауреат); "...яркая и трогательная книга" (Сергей Довлатов); "Редко кто пишет так живо, выразительно и объективно!" (Александр Мень).

Эх, повидаться бы теперь с этой самой Дианой да вспомнить прошлое и тогдашний Агадырь, какой каждому из нас дал свою дорогу! Но, по Батюшкову, сии мечты, повсюду вы меня сопровождали и мрачной жизни путь цветами устилали. Путь Дианы Виньковецкой действительно был усыпан цветами; моя же жизненная дорога никогда не блистала, и ни один цветок за всю мою долгую жизнь не упал к моим ногам. А хотелось бы...

Поверьте, не хочется умереть безвестным. Конечно, мертвому слава до лампочки, а вот живому... Поддержать бы в руках хоть одну свою живую книгу роман или стихотворный сборник! Годы моей жизни уж точно продлились бы еще на какой-то период. Но это всего лишь мои старческие мечты, а они редко сбываются, о чем не раз говорила и говорит вся моя жизнь.

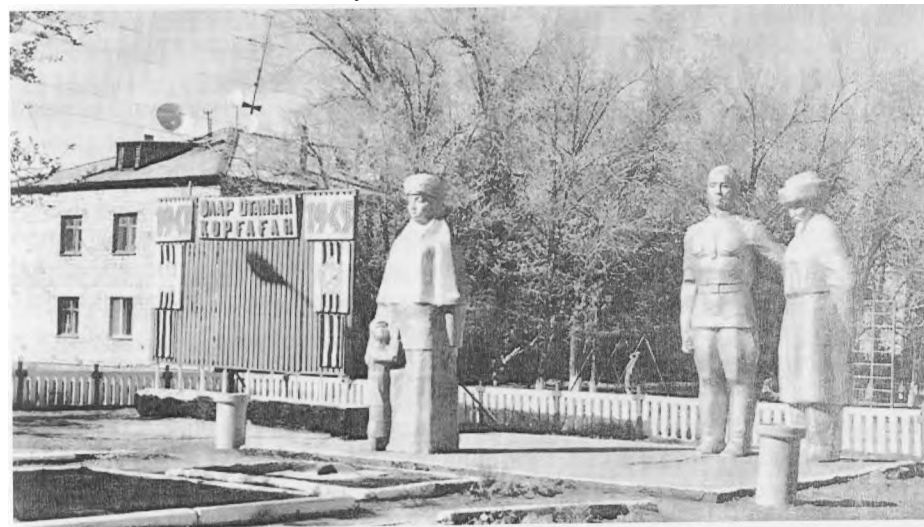
Письмо 21

КАК ОН БЫЛ ОТ НАС ДАЛЕК...

Празднование Дня Победы всегда отмечается с особым торжеством: и при Хрущеве, и при Брежневе, и при последующих руководителях страны Красная площадь принимала парады, демонстрируя миру свою техническую мощь и сплоченность советского народа. СНГэвский период также не умалил этой даты ни в одной стране, потому как каждая из них поставляла в Красную Армию своих сынов. Кто-то из них стали героями, многие же сложили свои головы...

Предстоящий День Победы, несомненно, будет отмечаться с неменьшей торжественностью, чем прежде, благо увидеть это можно по телевидению. Этот праздник еще больше укрепит гордость за свою страну, гражданственность и патриотизм, какие, по замечанию некоторых политиков, в последнее время несколько притупились.

Современные историки и политологи, анализируя Великую Отечественную и небывалые потери в ней, невольно задаются вопросом: как Сталин мог допустить нападение Германии на СССР? И как можно было допустить врага до своей столицы и до самой Волги, дать ему пройти от западных границ чуть ли пол-России? Ведь Гитлер, придя к власти в 1933-ем, всего лишь за восемь лет сколотил неимоверно мощную военную машину: тысячами строились самолеты и танки, отливались пушки, в небывалом количестве ковались авто-

маты и другое оружие. Разве советская разведка этого не видела и не представляла, против кого это оружие будет направлено?

История уже имела прецедент с Наполеоном в 1812-ом, потому ее не следовало бы забывать и теперь. Коммунистический большевистский лагерь России явно не радовал Гитлера, и разведчики сталинского ополчения обязаны были видеть это и предлагать вождю самому готовиться к обороне СССР, создавая достойное вооружение. Ведь не секрет, что в СССР на вооружении еще стояли некоторые марки деревянных самолетов, тихоходные и малоубойные танки. Известно, что только в ходе войны были созданы знаменитые "Катюши" и тот же легендарный Т-34, которого фашисты неизменно боялись и который, громя их позиции, дошел до самого Рейхстага.

Как-никак, а в начале войны не было в достатке автоматов и даже простых винтовок. Автоматы в Красной Армии и вовсе ценились безмерно. В частях даже создавались роты автоматчиков, которым поручались самые ответственные операции: автомат с 72 патронами мог сделать больше, нежели простая винтовка. У гитлеровцев же автомат был у каждого солдата. В ходе войны положение с автоматами у нас наладилось, и его тоже стал иметь каждый солдат.

Отсталое вооружение и уничтожение видных армейских командиров Красной Армии, предпринятое Сталиным в 1937-38-ые годы, несомненно, отрицательно сказались на первых годах войны. Гитлеровское командование и военные политологи не могли не видеть всех действий Сталина против больших военачальников, что и давало им некоторый козырь. Недаром же в современном телефильме о маршале Тухачевском перед расстрелом он произнес: "Вы не меня расстреливаете, а Красную Армию!" Теперь это надо понимать как знаменательные слова, что по сути и имело место.

Судьбу маршала Тухачевского разделили и другие военачальники, чем в принципе и были ослаблены руководство и наступательность нашей армии в первые дни войны. Сталинская политика, направленная против "врагов народа", нанесла СССР небывалый урон. Такого вандализма мир не знал: были уничтожены лучшие военачальники, писатели, артисты, журналисты, директора заводов и фабрик, председатели колхозов, руководители предприятий; с ними же страдали и их жены с детьми, также считавшиеся "врагами народа". Их ссылали на поселения из родных городов.

Что совершенно непростительно для Сталина и всего советского правительства, так это репрессии против участников войны, попавших в плен. Они страдали в фашистских концлагерях и, освобожденные нашими солдатами или союзниками, после возвращения на родину, в Союз, тут же ссылались на каторгу на десятки лет — только за то, что побывали в плену. Во внимание не

принималось даже то, что солдат был ранен и не мог защищаться; не учитывались и прошлые награды. Участь была одна — каторга, тюрьма, лагерь...

С лесоповала и рудников немногие вернулись живыми, и только смерть Сталина спасла им жизнь, позволила пожить мирной жизнью у себя дома. История не знала такого вандализма против солдат, побывавших в плену и вернувшихся живыми домой. Перед солдатом всегда преклонялись как перед защитником своего Отечества. Пленение же случается во всех войнах: война есть война, ей свойственны смерть, ранения и взятие в плен — так было всегда, так, наверное, будет и впредь.

Как бы то ни было, а миллионные жертвы в первые годы войны в большинстве своем на совести Сталина. Его приказу "Ни шагу назад!" при взятии или освобождении городов, поселений, высот нет оправдания. При защите городов или каких-то территориальных объектов, когда шел бой с превосходящими силами противника, этот приказ часто был ошибочной командой, неоправданно уносившей тысячи и тысячи солдатских жизней.

Сталину следовало бы знать, что отступление зачастую есть только маневр, позволяющий сохранить силы, сгруппироваться и затем нанести удар в удобное время и в удобном месте. Кутузов сдал Москву Наполеону, а каков был конец войны? Сталину следовало бы понимать, что на поле сражения виднее, когда надо отступать, а когда идти в наступление. Но его приказ "Ни шагу назад!" обезоруживал генералов и командиров: они видели, что гибели солдат можно было бы избежать, но не могли пойти против воли вождя.

На совести Сталина много зла против советских людей. Сталин никогда не знал логики и психологии; не знал он и истории России и вряд ли понимал тактику Суворова и Кутузова. Мыслить аналитически он тоже вряд ли мог, поскольку аналитика дается людям образованным и мудрым. Потому, наверное, и были им уничтожены все, кто был умнее и образованнее. Смерти Кирова и Фрунзе неслучайны, самоубийство Орджоникидзе — тоже: эти люди разглядели в лице Сталина завуалированного тирана, не терпящего возражений. Все, кто в чем-то возражали ему логически и по справедливости, были удалены от него, а то и уничтожены.

В День Победы обо всем этом говорить не будет, как не говорилось все эти годы. О культе личности много шумели и много писали, но как бы между прочим: детали репрессий против пленных содчат никогда подробно не рассматривались и в вину Сталину не ставились. Спасибо Александру Солженицыну, что хотя бы он сделал это правдиво и с убийственной силой! Как мы знаем, в ГУЛАГе отбывал не только великий писатель нашей страны, но и стратег космонавтики Сергей Павлович Королев...

А Победу одержала Красная Армия с ее великими полководцами и командирами Жуковым, Рокоссовским, Малиновским, Коневым, Ватутиным, Панфиловым, Мерецковым, Рыбалко, Ротмистровым, Баграмяном, Кохановым, Павловым и десятками, сотнями других. Победу одержал Советский Союз и его народ, его доблестный советский солдат.

В этот День Победы над памятью великих полководцев, командиров и миллионов погибших солдат вновь склонятся все знамена. Родина и люди их помнят, проклиная войну, развязанную фашизмом, и вообще все войны на земле. На войне с фашистами погиб и мой батька, прошедший Курскую дугу и погибший уже после нее. Погибли и многие соседи из Кенбидаика и Кургальджино, которых я помнил: они приходили к отцу в мирное время, еще до войны, на свои мужские посиделки.

На минувшей войне гибли люди и во Франции, и в Англии, и в Польше с Чехословакией, и на всех Балканах с Болгарией, Венгрией, Румынией, Югославией. Гибли люди и в Греции, и в Испании, и в Италии... Антифашизм зародился во всей Европе, докатился и до Англии с Америкой. Народы этих стран, да и всего мира ненавидят войну в любом ее качестве, как ненавидят и тех своих политиков, у которых по войне просто чешутся руки.

У Гитлера руки уж точно чесались, и Европа это почувствовала на себе. Мог бы это почувствовать и Советский Союз и прежде всего Сталин. Не могла же до начала вторжения на территорию СССР армада танков, пехоты, самолетов, машин и мотоциклов с солдатами пройти незамеченной через Польшу, чтобы, перейдя Буг, оказаться у стен Бреста? А на ту же Украину как было незаметно попасть десяткам вражеских дивизий танками, самолетами, пушками и прочим вооружением? Этого движения наша разведка не видела?

История, скорее всего, и взыщет со Сталина и его клики: мол, куда они смотрели? Мне же остается лишь сказать свое слово о войне, как я ее понимаю:

Ах, война, только зло ты в мире вытворяешь,
Сеешь смерть на красивой земле,
Все живое со свету сживаешь...
Ах, война, все проклятья тебе!"

Письмо 22

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ХРАНИМ

В феврале 2008 года пенсионное безделье занесло меня в мой заснеженный Жалтырь, где я застопорился почти на месяц. Летом посёлок всегда встречал меня пышной зеленью у домов и в привокзальном сквере. Бывало, выйдя из вагона, я сразу же присаживался на пенёк под тенистыми кронами деревьев и вспоминал жалтырские годы: шестьдесят лет назад пошёл здесь в четвёртый класс и дотянул до выпускного десятого в 1955 году. Дальше жизнь крутила на целине до 1957-го, а потом и вовсе сорвала из Жалтыря, уже навсегда. Теперь навещаю сюда гостем...

В этот приезд кругом лежал снег, и деревья выглядели уныло. Прежде, как я помнил, на станции было много железнодорожных организаций с мудрёными наименованиями: ПЧ, ШЧ, ЭЧ, НГЧ, ДС и т. д. Что ныне осталось из них — не представляю, только Жалтырь уже не так громко гремит на длинном участке магистрали между Астаной и Атбасаром. Нынче, сетуют ветераны-путейцы, железная дорога стала "деревянной", потерявшей белое величие, престиж, независимость и такую магнетическую притягательность. Солдаты после "дембеля", как помнится, шли не иначе как на железную дорогу, хотя в посёлке были и другие солидные предприятия, вроде того же элеватора, нефтебазы, тяговой подстанции, автоколонны с целой сотней разных "ЗиЛов", "МАЗов" да "КамАЗов". Теперь же и простого безработного на станцию силком не затянешь, потому как бесплатные разовые билеты, являвшиеся в прежние времена весьма притягательной льготой и выдававшиеся раз в году каждому железнодорожнику, ныне отменены. А по билету этому можно было ехать хоть на край великого СССР, лишь бы туда доходили стальные рельсы. Теперь железнодорожнику-казахстанцу приходится ездить в поездах за свои кровные, чего, говорят, в соседней России нет: там бесплатные разовые билеты для железнодорожников сохранились, и профессии, связанные с "чугункой", по-прежнему считаются престижными. Может, знатоки кое-что в чём тут перебарщивают, но насчёт разовых билетов сведения у них точные.

Спросил у земляков: почто "железка"-то стала "деревянной"?

— А не следует тебе, дорогой, углубляться в нынешнее железнодорожное помутнение, — ответил мой давний знакомый и завсегдатай наших посиделок Николай Ильич Карпенко, — дабы и на самой глубине не столкнуться со многими железнодорожными буреломами и мрачными тенями. Как бы то ни было, а товарищи-железнодорожники, облюбовавшие в своё время станцию Жалтырь, именно на железной дороге делали своё дело, свою биографию и се-

бя. Заманивали они, как помнится, и тебя, но ты оказался рыбкой, что ищет воду и свою глубину. Такую глубину ты нашёл в Агадыре, мы же — в своём Жалтыре, который остаётся-таки твоей родиной...

Поблагодарил я Николая Ильича за добрые слова и суждения и, поскольку было как раз 23 февраля, предложил тост за нас, мужиков, которые своё отслужили, и за тех, кто сейчас на границе и на своём посту. В прежнюю бытность 23 февраля было красной датой, просто обязывавшей мужиков плеснуть за неё. Встречать её насухо было не принято и считалось даже грехом, чего мы с моим брательником и нашим товарищем Николаем и теперь допустить не могли.

Оставшиеся февральские дни мы с братом Иваном коротали больше утелевизора, а в перерывах просто бродили по Жалтырю. Как-никак, а бываю я здесь больше наскоком вот уже пятьдесят лет, и этот регламент, судя по всему, не подлежит изменению и в будущем — тянет меня в родные края!

В центре посёлка бывать нам приходится по несколько раз на дню, потому обход мы начали с окраин. В районе элеватора постояли у трёх пустующих двухэтажек и одной трёхэтажки. Здания прочные, крупнопанельные, с балконами, но без окон, дверей, полов и всяких коммуникаций. Раньше, по словам ората, картина здесь быша иная, дома были заселены, а последние лет пятнадцать люди сами начали всё рушить, гробить и оставлять дома голыми. Жильцы из этих домов, видимо, подались на ловлю своего нового счастья; квартиры продать, наверное, было трудно, а вот в разобранном состоянии окна, двери и полы, видно, кому-тогодились. Или же сами прежние хозяева стали всё курочить, или падкие на чужое и бесхозное добро другие людишки приложили к этому свою руку — как знать?

Помнится, период приватизации позволил людям стать полноправными хозяевами полученного от государства жилья. И государству нашему за такое благодеение можно поклониться. Став собственником, обладатель квартиры волен был поступать с нею, как с дарёным конём: что хочу, то с ним и делаю. В годы затяжного экономического кризиса особенно пострадали сёла, посёлки и небольшие города, жители которых, не видя для себя перспективы, в массовом порядке стали уезжать в близкие крупные города и далёкие края. А кто мог в пору всеобщего безденежья купить освобождающиеся квартиры? Кому-то удалось продать жильё за бесценок, кто-то сумел сплавить те же окна-двери, а то и вовсе, махнув рукой, бросил всё, как есть, и уехал. Ну, а желающих пожить в брошенном у нас всегда хватало. Вот и разрушаются добротные постройки...

А всё потому, что нету нас в Казахстане закона о сохранности приватизированного коммунального жилья. Будь такой закон, определяющий права местных органов власти и дающий им возможность принимать на свой баланс брошенное по разным причинам жильё, то ныне, когда жизнь понемногу налажи-

вается, в депрессивных населённых пунктах такие освободившиеся квартиры можно было бы предоставлять нуждающимся — разумеется, не по ипотечным, а по приемлемым ценам. Нужно только дать этим домам, тем же пустующим двух- и трёхэтажкам, жизнь. Сделать это не так уж и сложно, потому как у дома есть стены и крыша, а это готовое жильё, только приложи к нему руки. К ремонту же можно привлечь и те бездомные семьи, которые станут обладателями или арендаторами этих квартир. Таких пустующих и, увы, полуразрушенных домов в регионах многие сотни. И тысячи безквартирных семей. Предлагаемое — один из вариантов решения жилищной проблемы, которая начинает обостряться.

В Жалтыре коммунальное жильё не строится уже лет двадцать, отчего урбанизировавшийся со времён целины посёлок не только перестал расти, но даже начал терять население. Сегодня высотный башенный кран или простой автомобильный увидеть можно лишь в Астане да в крупных городах. А строительные краны — это же расправленные плечи народа, символ здоровья и богатства державы, её устремлённости в будущее! Ныне же на периферии радоваться просто нечему, потому как идёт не строительство нового, а разрушение старого, честно служившего людям в своё время жилья. Поневоле задумываешься: рождаемся мы или вымираем?

Как заметили мой брательник и старый жалтырец Николай Карпенко, свадьбы в Жалтыре играют чуть ли не еженедельно. Ах, каким подарком судьбы стали бы для новых семей ключи от всех этих пустующих квартир, будь всё тот же закон о сохранности жилья!

Письмо 23 МОИ ЗЕМЛЯКИ

Как бы там ни было, а в Жалтыре я бываю ежегодно пару раз, что, по словам моего старшего, семидесятивосьмилетнего брата Ивана Андреевича, маловато. Как-никак, а в Жалтыре прошли мои детство и юность.

Приехав в Жалтырь, перво-наперво я навешаю местное кладбище, где

кланяюсь своим учителям Ивану Павловичу Бурьянову, Павлу Фёдоровичу Расторгуеву, Дмитрию Яковлевичу Собченко и Саруару Кадырбаевичу Кадырбаеву, учившим меня в школе более пятидесяти лет назад и упокоенным на жалтырском погосте. В каждое посещение как раз и удаётся прокрутить в памяти далёкие школьные годы, всяческие ученические перипетии, учительские назидания и свои мысли и действия...

Всё это тронуло мою душу и в нынешнее посещение жалтырского кладбища. Я почему-то сравниваю его с Ваганьковским, где похоронены вовсе чужие мне люди, далёкие во времени и пространстве. Их забрало время, но они отчего-то оказывались (ах, человеческая натура!) близкими мне по духу, по мысли, по человеческой сущности. В коммунистические времена, попадая в Москву, прежде всего я ехал на Ваганьковку, навещал могилы Сергея Есенина и Владимира Высоцкого, актёров Бориса Андреева и незабвенного Андрея Миронова. Ни с каким другим московским кладбищем — Новодевичьим, Волковским, Троекуровским — Ваганьковское спутать я не мог.

На Новодевичьем похоронен Василий Шукшин с калиной красной на его могиле. И Никита Хрущёв с двухцветным лицом на могильном памятнике, сработанном, по словам знатоков, самим Эрнстом Неизвестным по просьбе сына Хрущёва Сергея Никитича: двухцветность лица наверняка символизировала человеческую натуру покойного и соответствующее отношение к нему современников. Похоронены здесь герои Великой Отечественной войны Александр и Зоя Космодемьянские (брат и сестра), Антон Павлович Чехов и Книппер-Чехова, известные миру и стране Антон Макаренко — автор "Педагогической поэмы", космонавт Беляев, жена И. Сталина Н. Аллилуева, якобы покончившая жизнь самоубийством.

На Ваганьковском я видел своих кумиров, мысленно беседовал с ними; на жалтырском же чаще сидел у могил тех, кого знал. Дольше всего находился у могилы четы Бурьяновых — Ивана Павловича и Марии Никитичны, истинно по-песенному "пил вино с печалью пополам", думал о своей прошлой жизни и нынешней, о минувшем времени и дне сегодняшнем, о моём поколении довоенного рождения. Иван Павлович — учитель старшеклассников, то есть, мой непосредственный в ту пору; Мария Никитична же воспитывала малышей и подрастающую ребятню. Немногие ученики Бурьяновых удостоились педагогической дороги, но те, кому она выпала, долго будут помнить жалтырскую школу и учителей Ивана Павловича и Марию Никитичну Бурьяновых. Красивый, эффектный и, наверное, недешёвый памятник поставили родителям дети Бурьяновых. Три дочери, две из которых россиянки, проживающие в Ростове, и жалтырская — Нина Ивановна, впрямь отдали родителям должное, установив такой памятник.

На старой пирамидальной сварной конструкции была фотография Ивана Павловича; на новом памятнике фотоснимка уже не оказалось, и мы не смогли посмотреть друг другу в глаза, а я не всё мог сказать своему учителю, поведать о своей жизни, соприкоснуться памятью с прошлым, о ком-то поговорить, о чём-то пожалеть. Фотография была такой живой и проникновенной, что Иван Павлович видел меня перед собой всегда, в какую бы сторону я ни пошёл. Могли мы с ним и говорить обо всём откровенно — о том, что поседели его ученики и разъехались по белу свету все до единого, не оставив на жалтырской земле никаких корней.

Осталась в Жалтыре стойкая и преданная своему посёлку и своей стране Нина Ивановна. Когда я учился в первые целинные годы в старших классах, Нина Ивановна ещё даже под стол пешком не ходила; ныне она Панкова, жалтырцы знают её как старожилу Жалтыря и неизменного аптекаря. Ни разу за минувшие три десятилетия Нина Ивановна и не помыслила о том, чтобы изменить фармацевтике и выбрать более денежную работу. Для неё важнее почёт и уважение земляков, достигнутые умением и опытом, любовью и преданностью своему делу.

Такой же стойкий поклонник Жалтыря и муж Нины Ивановны Юрий Владимирович, электромеханик местной подстанции. Нина Ивановна и Юрий Владимирович наверняка придерживаются мудрого вывода; на месте и камень обрастает. Конечно, были приглашения сестёр из Ростова на жительство к ним. Звал к себе в Одессу и дядя — брат Ивана Павловича Бурьянова Владимир Павлович, отметивший в этом году своё семидесятилетие. Заманчивыми оказывались настояния родни, только Жалтырь, не обласканный временем, судьбой и цивилизацией, по-прежнему остаётся для Панковых родным пристанищем.

...После майских праздников я вновь побывал в Жалтыре. На кладбище мы с братом покрасили оградку его жены, вновь постояли у могилы Бурьяновых. Мысленно бы поговорить с Иваном Павловичем, только на памятнике по-прежнему не было фотографии. Мы, учитель и ученик, не видели глаза друг друга и потому не могли отдать друг другу свою энергетику — мысленную, небесную, воображаемую, но живительную, всё равно как-то согревающую, в чём-то возвышающую, к чему-то обязывающую живых.

Несколько раз я заходил в аптеку к Нине Ивановне Панковой. Толковали о прошлом, об её отце-матери, о семье. По педагогической линии пошла лишь Людмила Ивановна, остальных же судьба наделила тем, о чём мечталось с детства. Я высказал своё пожелание и о фото на памятнике. Нина Ивановна согласилась с моими доводами...

Ради интереса заглядывали мы с брательником в магазины и, конеч-

но, не могли пройти мимо местной толкучки-базара, где всегда немало народу. Несколько обособленно, как я заметил, кучкуются наши с Иваном Андреевичем ровесники, а это дедуганы, как и мы, подёрнутые временем и сединой. Подходим, здороваемся за руку, а брат даже обнимается с каждым. Понятно — земляки, с кем Иван Слепцов за пятьдесят лет жизни в Жалтыре вместе протопал не по одной улице и, что называется, не одну с ними съел собаку по жизни и работе. Теперь же, на "дембеле", как любят говорить пенсионеры, только и остаётся вспоминать старое доброе время, в своём старческом кругу чему-то порадоваться, на что-то и посетовать.

Ну как не порадоваться, к примеру, пенсионной прибавке, равной аж целым десяти тысячам! Правда, кое для кого эта прибавка оказалась не такой щедрой, а порой просто обидной. Но, думается, соответствующие ведомства разберутся в этой ситуации, и справедливость будет восстановлена.

Сетуют же мои земляки больше по одному поводу — на отсутствие в Жалтыре детского садика. Подошедшая к нашему кругу пенсионерка Нина Васильевна Косякова напомнила, что раньше в посёлке было аж три детсада, размещавшихся в прочных красивых зданиях, однако в годы экономического спада разобранных по кирпичику от крыши до фундамента. Детсад теперь остаётся для жалтырцев голубой мечтой; многие матери из-за его отсутствия не могут работать. Спросил у Нины Васильевны: а нужно ли Жалтырю это детское учреждение?

А как же! Посёлок с девятитысячным населением не имеет своего детского сада... Парадокс, ей-богу!

О том же самом говорили Николай, Антонина, Леонид и Марина Карпенко, Анатолий и Людмила Эске...

Возвращаясь с дорогим моим братом с прогулки домой, по пути завернули к школе, в которой я учился до выпускного 1955 года. Подходя к зданию, я ощутил в себе какое-то щемящее чувство. Окинув взглядом пришкольные лесонасаждения, стройных берёзок не обнаружил. Вместо них теперь шумели клёны и тополя; их, как помнится, высаживали мы ещё в дни прощания со школой. Сейчас такого ритуала, наверное, нет, а жаль! Деревья живут долго и ненавязчиво напоминают о прошлом...

Восторженно шумевшая ребятня у школы заставила нас подойти к ним и выяснить причину такого оживления. Оказывается, был последний оwoнок, это событие было и у меня в этой же школе ровно пятьдесят три года назад. Смотрю я на нынешних выпускников — ах, сколько же в них пышности и форса, раскрепощённости и лоска! Почти у каждого,

даже у малышей, мобильники. А какие костюмы, галстуки, платья... Нет, что бы ни говорили, а живём мы нынче просто кучеряво, что бросается в глаза не только в городе, но и на селе. Во что были одеты мы в свой последний звонок, вспоминать не стоит: я так был в солдатской гимнастёрке, подаренной мне брательником, который демобилизовался весной того же 1955-го, после четырёх с половиной лет службы в авиачастях Приморского края. Девчонки тоже не блистали, а им так этого хотелось!

Кстати, о них и о всём моём выпускном классе вспомнилось особенно остро. Где вы, дорогие мои, как сложились ваши судьбы? Смотрю на фотографии тех лет — какие же мы все были красивые! Девушки — истинные принцессы, парни — орлы, но с задумчивыми взглядами. Где вы, Василий Сердюков, Любовь Филатова, Дмитрий Нерода, Надежда Ясных, Ирина Акулова, Дулат Кенжебулатов, Лина Юлдашева, Эмма Шестакова, Екатерина Молчанова, Пётр Калиновский, Тамара Тюковина, Валентина Гаврилина, Николай Райков, Олег Кишеев, Лида Калашникова, Александр Холло, Нина Мотылевская, Михаил Буримов, Анна Кайдашова, Любовь Мамонова, Таблехан и Мухаммед Сампиевы, Абуязит Аспиев, Олег Сенчугов, Зинаида Садовская, Владимир Савинцев?

Боюсь, что при встрече сегодня кто-то да спросит меня: почему тогда не пришёл на выпускной вечер? А потому что был ишак бухарский! Целина со своей умопомрачительной агитацией и романтическими призывами сорвала меня с выпускного десятого и усадила на матушкин комбайн, где почти три года я работал штурвальным: матушка комбайнер, я — её помощник, этот самый штурвальный. Так и трудился до самого 1957-го, пока друзья и объявления областной "Акмолинской правды" не сманили меня в Акмолинское железнодорожное училище. После его окончания "сваты" из агадырского локомотивного депо увезли группу тепловозных слесарей в неизвестный для нас Агадырь, где я и бросил якорь на целых полвека.

Теперь эти пятьдесят лет выливаются в воспоминания о времени, о себе и о людях, с которыми я жил и дружил, у кого набирался мудрости...

Письмо 24

ИГРАЙ, МОЙ БАЯН!

В мои жалтырские будни, чтобы мне не скучать в течение целого месяца, брат мой затевал всевозможные посещения родни и его давних друзей, таких же седых дедуганов. В прежние времена проблемы времяпрепровождения не существовало, потому как брательник мой любил держать рогатую скотинку и хрюкающее общество. Домашняя живность была мне знакома ещё с военной поры: за нею, будучи еще мальчишкой, я ухаживал, чистил, поил и кормил, наполняя ясли сеном и соломой, за что оно давала матушке и нам, троим её детям, возможность выжить.

Как бы то ни было, а время моего гостевания в Жалтыре, заставлявшее Ивана Андреевича искать для меня какие-то занятия, неумолимо сокращалось. Однако до паковки чемодана ещё не доходило, что брата моего несказанно радовало. Он по-прежнему искал, чем меня занять, но кроме телевизионных сериалов ничего путного предложить не мог. Молодёжь, тусовавшаяся на летней танцплощадке, была не для нас, фильмов со времён перестройки не крутили, концерты художественной самодеятельности давались только к республиканским праздникам. У Ивана Андреевича от всего этого просто опускались руки, но он не успокаивался и искал, где бы нам побывать с пользой для души.

Я принял с удовольствием его предложение навестить наших бывших соседей полувековой давности, когда окна нашего домика глядели на их голубые ставни и невысокую крашеную дверь. Теперь на этом месте стоял элегантный, красивый, высокий и утопающий в зелени особняк чуть ли не в десять окон, чего в те давние годы ни у нас, ни у соседей не имелось. Тогда были бедность, целинная эпоха и её заваруха, дававшая целинникам какое-то послабление. Жалтырцы тоже относили себя к целинникам, потому как крупная железнодорожная станция в 54-55-ых годах ежедневно принимала для близлежащих совхозов и колхозов составы с прославленными ДТ-54, плугами, самоходными комбайнами, сеялками, боронами и прочей сельхозтехникой. На выгрузке её трудился жалтырский народ, знающий железную дорогу, её законы, вагонные простои и очумелые штрафы за них.

Свою усадьбу, где стояла наша низенькая мазанка, мы с братом обозрели моментально, увидев на её месте красоту и роскошь. Нашей мазанки не было и в помине, о которой мы с братом мало чего могли вспомнить. На её месте высился истинный дворец; его окна глядели на соседний дом, тоже

выглядевший дворцом. Сюда нас и пригласил хозяин этого шикарного владения, вечный жалтырец Анатолий Иванович Эске.

Меня Анатолий Иванович помнил мало, потому как я покинул Жалтырь, когда ему было около семи. Мне в ту пору стукнуло двадцать, а Анатолий только собирался сесть за парту первоклассника. С коренным жалтырцем Иваном Слепцовым Анатолий Иванович встречается частенько, а вот приبلудных, вроде меня, хотя и коренного жалтырца в прошлом, он видит раз или два в году.

На этот раз, увидевшись по договорённости, мы решили посидеть без натяга за дружеским чаем и неизменными ста граммами, простительными при таких редких встречах. Вспоминали многое. Я — сестёр Анатолия Ивановича: Нину, проживающую ныне в Экибастузе, Валентину в Иркутске, Нелю в Польше. Связь с ними регулярная, по телефону. Голоса их он слышит частенько, в курсе их житейских дел и просто рад, что всё у его сестёр хорошо. Нина и Валя — почти мои ровесницы, мы учились в одной школе, только они классом-двумя ниже.

Вспомнили родителей Анатолия Ивановича — матушку Людмилу Ивановну, батюшку Ивана Ивановича. Старые жалтырцы их хорошо помнят. Людмила Ивановна всю жизнь проработала в роддоме, Иван Иванович — завхозом в школе. В 70-ых их не стало с разницей в четыре года, а прожили они всего по шестьдесят с небольшим.

О жизни можно говорить бесконечно, тем более, когда воспоминания натекали чередой. Было среди них немало хорошего и интересного, оттого и незабываемого. Мы вспоминали друзей и ровесников, тех, кто покинул Жалтырь и вообще эту землю, и тех, кто, оставшись в Жалтыре, делает судьбу и себя. К таким я бы отнёс и Анатолия Ивановича Эске — пожизненно, как он выразился, преподавателя музыкальной школы. Из его 56-ти 33 года отданы музыкальной школе, классу баяна. В позапрошлом апреле проходил смотр художественной самодеятельности под девизом "Расцветай, Астана, расцветай, Казахстан!", к которому Эске написал стихи и музыку.

Анатолий Иванович виртуозно сыграл на баяне эту красивую песню, прокрутив её и по видеку, где эту песню исполнял уже детский хор. На меня это произвело сильнейшее впечатление, чего я и не скрывал.

Песен у Анатолия Ивановича множество, все они на его же слова и музыку. Нам с братом он продемонстрировал "Последний звонок", "Песенку про нас", "Родную школу", "Юбилей", "Праздник весны", "Крошку"; в последней из них воспевалась радость рождения дочери. Ныне эта дочь, Оля, проживает в Самаре, у неё уже своя собственная дочка посещает музыкальную школу и в будущем намеревается даже дать фору своему деду.

Незаурядные музыкальные способности Анатолий Иванович Эске развил в Карагандинском музыкальном училище имени Таттимбета. Ах, какие там были в 1977-82-ых годах преподаватели! Своё баянное мастерство, изумительную пальцовку и виртуозность Анатолий Иванович передаёт и своим ученикам. Вундеркиндов, по правде, не слишком много, но те, что посещают школу, истинные поклонники и приверженцы неувядающего народного инструмента баяна. Катя Савченко, к примеру, по баяну в третьем классе, у неё к инструменту особая тяга и любовь. Её не могут отвратить от заветных кнопок баяна никакие компьютерные игры и весь притягательный ныне электронно-мобильный интерес.

У Анатолия Ивановича музыкальная семья. Жена Людмила Александровна красиво подпевает мужу вторым голосом, отчего квартира наполняется какой-то благостью и душевностью. Сольно, как я понял, Людмила Александровна точно симитировала бы Марию Мордасову, а дуэтом Люсьену Овчинникову и её друга с песней "Старый клён" из немеркнувшего фильма "Девчата".

Я поинтересовался у Анатолия Ивановича: известны ли хотя бы в области его песни? Куда там! Если только в местной художественной самодеятельности Жалтыря что-то прозвучит... А ведь вещи классные, думал я, потому как сам немножко занимаюсь стихами и играю на баяне, но не своё. Понял: не умеет Анатолий Иванович стучаться в какие-либо филармонии да профессиональные ансамбли, пишет стихи и музыку для себя, для души, когда спокойно в стране и на сердце, когда звучит последний школьный звонок. Они с Людмилой Александровной, выпускающей одиннадцатиклассников в новую жизнь, скоро уйдут на свои каникулы и станут ожидать новое пополнение со своими талантами: Анатолий Иванович — баянными, Людмила Александровна — стихотворцев и любителей поэтического слова.

Вот и подумалось: как много мы теряем, не замечая в глубинке истинные таланты, доморощенных Геннадиев Заволокиных, для кого баян был песней и жизнью! Для Анатолия Ивановича баян — тоже жизнь. В музыкальной школе он не только преподаёт, но и руководит хором, аккомпанирует, передаёт свой опыт. Правда, всё это только у себя, в маленьком посёлке, откуда красивые и звонкие звуки аккордов не слышать в профессиональных коллективах, которые могли бы познакомиться с живительным творчеством жалтырского самородка и как незаурядному дипломированному баянисту попробовать дать ему на больших столичных сценах открытый занавес. Гут уж точно Анатолий Иванович смог бы зычно приказать: "Играй, мой баян!"

Пока же этого нет, и Анатолий Иванович не верит ни в какую везучесть.

Нынешнее положение преподавателя музыкальной школы по классу баяна его вполне устраивает уже целых тридцать три года. Городские эстрадные подмостки, а тем более столичные, видно, доступны мастерам не его класса, что и следует принимать как должное. Свои жалтырские стены как-то ближе его душе, а местный зритель и слушатель ему более понятен: он трепетно воспринимает мелодии почти семидесятилетней давности, неувядающие до сих пор песни композитора Захарова на стихи Исаковского, живущие в репертуаре некоторых исполнителей и в наши дни и по-прежнему любимые народом.

Классическую интерпретацию сложных произведений, воспроизводимых Анатолием Ивановичем на баяне, его жалтырские почитатели также принимают восторженно. Баянное исполнение имеет свою неповторимую природу, тонкость, красоту и звучание. У баяна своя душа, постичь которую может только настоящий баянист. Музыкальный мир помнит великих баянистов Маланина, Тихонова, Гридина, приветствует талантливых продолжателей их традиций. К таким самобытным музыкантам относится и Анатолий Иванович Эске.

Письмо 25 ЗАПАХ ВЕСНЫ

В Жалтырь пришла весна. Первыми, как манну небесную, приняли её огородники, каковые, как я заметил, трудились у каждого дома. Благо Жалтырь не уставлен городскими многоэтажками, жильё здесь почти сплошь саманное и шлаколитое, отчего у каждого дома и наличествует собственный огород вовсе не в одну-две или даже пять соток. Летом я видел у каждого жалтырца на огороде капусту и картопан, а они уж точно не дадут скопиться, принесут в каждую семью достаток.

Этот достаток замечен даже теперь, когда огородной зелени ещё нет, но есть первые кленовые и тополиные листья. Я заметил: почти всюду рядом с зеленеющими кронами деревьев соседствуют телевизионные тарелки.

Ей-богу, мне радостно — люди здесь живут крепко. Радует, что почти у каждого дома во дворах внушительные хозяйственные постройки с сеновалами, сараями и неизменными гаражами. Один из знакомых согласился свозить нас с братом в районную Астраханку, что от Жалтыря в двенадцати верстах. В обычное время она нам и даром бы не нужна, но здесь похоронена наша матушка, Анна Васильевна. И каждый раз, когда я приезжаю в Жалтырь, Астраханку мы навещаем непременно, кланяемся памяти нашей мамы упокоенной на местном кладбище с месяца цветения белой сирени в далёком 1979 году. Астраханка знала эту женщину как неугомонную труженицу, владевшую истинно мужской профессией комбайнера. На прицепной комбайн "Коммунар" она села ещё в Кенбидаике в 1942-м, когда проводила мужа на фронт. До самого 1947-го косила хлеб, а по весне пахала на колёсном тракторе кургальджинские поля. Переехав в Жалтырь в 1947-м, наша матушка устроилась в Астраханскую МТС, где и трудилась до пенсионного 1967-го. Общий комбайнерский стаж уложился у неё в целую четверть века, что для женщины совсем не мало. Труд комбайнера Анны Слепцовой был отмечен орденом "Знак Почёта", который, как мне помнится, остался на её груди даже в гробу. Наверно, так распорядились организаторы похорон...

А Жалтыре и в Астане гуляет майская весна. Сколько же ей посвящено песен и стихов! Такое, наверно, будет всегда, потому как весна — это поэзия, всегда что-то возвышенное, роднящее с именами Пушкина, Лермонтова, Есенина, Абая, Сулейменова.

Письмо 26

АХ, ЭТА БЕЛАЯ СИРЕНЬ...

Наш край не избалован щедрым летом, теплыми зимами и ранними веснами, ведь в марте-апреле не сбрасываются шубы, полушубки, шапки да малахаи, даже в мае-июне о первой белой сирени молодым влюбленным приходится только мечтать, тогда как в поездах, идущих из Алматы и Чу, ку-

стики сирени виднеются в окнах пассажирских вагонов, это значит, что сирень на юге уже зацвела, а с нею расцвела и чья-то жизнь...

Любовь к временам года у людей разная. Одни с нетерпением ожидают весну, перелистывают календари и, поглядывая на небо, готовятся встретить первый весенний паводок. Он спадет, а там жди потепления. С теплом же начнутся работы на застоявшейся земле, и она уже в майские дни ублажит первым зеленым лучком. А осень и вовсе порадует собственной морковкой, капустой и картошкой, огурчиками да помидорчиками, что сделает жизнь дачника сытной и экономной, не заставит заглядывать на магазинные прилавки, умеющие разорять покупателя. И сердце полнится поэтическим настроем.

А лето оно и в Африке лето, это время отпусков, путевок, курортов, турбаз, прославленного Черного моря. Господи, где то время, когда все это было доступно простой уборщице, доярке, чабану, трактористу, скотнику, тому же пенсионеру? Вырваться им сегодня за собственный порог — сказка, а пенсионерам и вовсе приходится рассчитывать на последнюю в их жизни путевку, только не на курорт. А англичане говорят, что на пенсии у них только и начинается настоящая жизнь. Они путешествуют по миру, едут к чужим пляжам, потому как свои не радуют, не согревают и не оздоравливают. На пенсии времени — бери не хочу, потому можно мир посмотреть и себя показать.

Ну а к зиме, думается, у людей не должно быть пристрастия. Чему зимой радоваться: дубарина такая, что деревья, бывает, трещат от мороза... Однако ее все равно кто-то с нетерпением ждет, ищет склоны и пригорки, где на лыжных прогулках нарабатывается здоровье, куются характер и глазомер, тем более если лыжные склоны пролегают у лесных опушек, а с деревьями шутить не приходится — мало ли куда может завести на скорости лыжня.

Радует снежная зима и фермеров-хлеборобов. Много хлеба на полях — много хлеба в закромах. В колхозно-совхозную старину на пашнях делали снегозадержание. Сейчас, говорят, такое не делается, а урожай и впрямь зависит от Всевышнего. Пошлет дожди — хорошо, ну а коли солнце свалит степь и пашню — придется просто смириться и настраиваться на выживание.

Не радует зима тех, кто, проживая на этажах, вынужден отапливаться углем и дровами. Прошло уже одиннадцать лет, как котельной КЕ-25-14 своротили шею. А в Агадырь не прибыл ни один высокопоставленный чиновник, чтоб убедиться, что централизованное отопление в 12-тысячном населенном пункте нерентабельно...

Как бы ни было, в Агадырь пришла тринадцатая весна нового века. С на-

ступлением весны, наконец, отпали подвозка и подноска угля, дров и ежедневная борьба с отходами печного горения.

Душа радуется первым почкам и такой удивительной первой зелени! Скоро зацветет и белая сирень, и первые ее букеты появятся у бабушек на агадырском перроне и в любом шумном месте — у клуба, у большого магазина "Серик", у многолюдных и шумных кафе. Будь моя воля, я поставил бы бабушкам с букетиками сирени памятник...

Весна — это поэзия, она теплит и наши души. Душа весной теплится у всех живых существ. Птицы с какой-то особой радостью щебечут под стрехами, и бродячие собаки поумерили свою агрессивность. Мой Шарик тоже стал более внимательным, послушным и покладистым. Нынче я даже посвятил ему отдельные строки, какие записал в блокноте, приموщенном на Шариковой голове:

Ты сегодня, мой Шарик, — собака
С умным взглядом в раскосых глазах,
Ты с весной глядишь забиякой,
Держишь "смирно" на задних ногах.

Ну, весеннее настроение нынче, наверно, у каждого, даже у тех, кто торопится на электричку. Насчет же электрички агадырцы говорят, что она — истинный подарок судьбы, а больше — депутата Мажилиса Парламента РК Ерлана Зайруллаевича Нигматулина, который смог пройти небывало забужбенную волокиту, добиваясь этого блага для агадырцев. Десять лет провинциальный и линейный народ Агадырского региона до своего областного центра добирался поездом Балхаш-Караганда, какой пробегает через Агадырь в два часа ночи! Теперь электричка позволяет агадырцам без напряжения добираться до областного центра, за что люди не устают благодарить своего депутата, сумевшего пробить стену бюрократии.

Агадырцы всегда провожают ее с поклоном. А пассажиры весной увозят с собой с агадырского перрона белые букеты сирени. Может, покупают для любимых, а может, просто, чтобы радоваться жизни.

Письмо 27

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

Писать о себе, говорят, нескромно. Однако в две тысячи четырнадцатое новогодие так и тянет оглянуться, что-то сравнить да проанализировать в себе и в своей жизни и, как в арифметическом примере на классной доске, подвести черту.

Отчего-то вспоминаются продуктово-карточные годы, когда хлеб в магазинах отпускался по карточкам — не буханками, а кусками. Хлеб резали, взвешивали на весах и стряхивали в твою тряпицу даже крошки от нарезки. За хлебом я ходил мальцом в военные 1944-45-ые и в первые послевоенные годы. Матушка делать этого не могла, потому как была трактористом и комбайнером и с весны до поздней осени пропадала на полях и пашнях кургальджинщины. Наша семья жила в ауле Кенбидаик. Как все наши соседи, жили голодно. Но иногда едали мясную лапшу. Это случалось на Первое мая, 7 Ноября, День Конституции и день рождения товарища Сталина — в эти праздники по продуктовым карточкам что-то прибавлялось. Нас же с малолетней сестренкой больше мяса радовала краюха хлеба на столе.

Расскажи нынче об этом молодым — не поверят, а поверят — не поймут. Понятие о вечном недоедании, а то и вовсе голоде, им просто неизвестно, даже дико.

Что еще вспоминается в предстоящее новогодье? Все тот же мой аул, хлебные карточки, похоронка на отца, слезы матушки. А потом радость Победы, возвращение с войны некоторых кенбидаикцев и весть из какого-то непонятного мне Жалтыря о возвращении с войны живыми маминых братьев — Карпенко Ильи Васильевича и Карпенко Василия Васильевича.

Сразу после войны оба мои дяди навестили Кенбидаик, и уже в 1947-м мама и я с сестренкой покинули свой Кенбидаик навсегда, разместив наш нехитрый скarb на одноконной повозке.

Возчиком был, как помнится, некто Крикунов, тоже фронтовик. До Жалтыря добирались с ночевками в каких-то аулах и селениях. Матушка отлично говорила на казахском, и потому ей предлагали ночевку почти в каждом доме. В самом Жалтыре, проезжая через железнодорожный переезд, я попросил возницу остановиться, чтобы собственными глазами узреть, какая она — железная дорога. Нагнулся к самым рельсам, хлопнул по ним ладонями, вот она какая! Блестящая и ровная, без всяких дырок, по какому, как я предполагал прежде, должны вращаться зубчатые колеса, как в колесном тракторе. Колеса поезда я представлял в виде тракторных, но

меньшего размера, железную же дорогу — сплошной железякой шириной в нашу степную накатку.

Вживание в цивилизованное бытие было сложным. "Пещерный пацан", — говорили обо мне сверстники за глаза. А в глаза спрашивали: "Из какой Сибири ты, браток, приехал? Кроме верблюдов, лошадей да баранов ты что-нибудь видел? Видел паровоз, железную дорогу, уголь?" Я не спорил и не обижался. И правда, я даже угля не видел. В родном ауле кизяк да камыш — классическое топливо.

Мне нравились жалтырская жизнь и жалтырская школа. Из Кенбидайка я уехал десятилетним. В 1953-м учился в восьмом классе. Когда умер великий вождь и учитель, я плакал вместе со всеми в длинном коридоре школы, куда нас вывели под круглый репродуктор в виде черной тарелки. Он вещал о смерти "отца народов товарища Сталина".

Умер отец, как не плакать? Учителя плакали тоже. Удержаться от слез мы, восьмиклассники, не могли, потому как радио вещало: "Это боль большой страны и большого народа по большому человеку, продолжателя дела Ленина".

Школа, уроки, домашняя зубрежка. Математику я готов был топтать, потому как тупой в ней был как валенок. Однако овладевать следовало и математикой, хотя бы на тройку, иначе аттестата мне не видать как своих ушей. И учил, даже временами на четвертку вытягивал, чем крайне удивлял математичку Сару Аманжоловну.

Как врывалась в нашу жизнь целина, нынче знают разве только старики. Газеты и радио захлебывались от дифирамбов в адрес родной коммунистической и товарища Хрущева, принявших историческое Постановление "Об освоении целинных и залежных земель". Осваивались эти земли всюду, но больше в Казахстане и в Алтайском крае. Железнодорожный Жалтырь уже с весны 54-го круглосуточно принимал составы с гусеничными ДТ-54, плугами, самоходными комбайнами, сеялками, но во многих МТС еще не списывали прицепные комбайны "Коммунар" и "Сталинец".

Жалтырь, Астраханка, Новочеркасское, Петровка, Журавлевка, Шишикты, Таволжанка, Кайнар всегда числились исконно хлебными регионами, где не водилось сопочников и озер заливаемых. Степь, ковыли, дремлющая целина тянулись до самой Акмолы с одной стороны и до Атбасара — с другой. Были тут до целины какие-то колхозы, но они едва справлялись со своими гектарами.

С целиной появились совхозы с тысячами гектаров новых пашен, веками дремавших, каких никогда не касался лемех плуга. Целина тянулась не только в акмолинских, кустанайских, петропавловских, кокчетавских, ка-

рагандинских и павлодарских степях, она простиралась в Казахстане бесконечно, о чем знала Москва и потому посылала в Казахстан мощную сельхозтехнику и первоцелинников со всего великого Союза.

На уборке первого целинного урожая поработал на комбайне "Сталинец" и я со своей матушкой — самостоятельным штурвальным. Прицепной комбайн знал я лет с девяти еще по Кенбидайку, когда приезжал к матушке на полевой стан и в уборочную страду. Помощницами у матушки были сплошь женщины, потому как мужчин в ауле почти не осталось.

Комбайновой работой увлекся я и на второй год целины, пожертвовав даже выпускным десятым классом. Матушка, конечно, гнала меня в школу, но я был непреклонен, потому как работой увлекался. Второй целинный урожай был даже богаче первого. Машины не успевали отвозить зерно от комбайнов, отчего по приказу бригадира приходилось расчищать стерню и сыпать зерно прямо на землю. Указание было одно: не стоять, косить, пока стоит погода и не задождало, ведь дожди — это первые вредители спелого колоса.

За вторую целинную вахту областное акмолинское начальство принарядно, прямо на полевом стане вручило матушке — единственной женщине-комбайнеру — орден "Знак Почета". А мне, как помощнику комбайнера, — новенький велосипед пензенского завода. Серьезные товарищи в галстуках жали нам руки и обещали поместить наши портреты на областной Доске Почета.

...Ну, вспомнилось и о войне. Память сохранила момент, когда я пятилетним сидел на коленях у отца и когда он прощался со мной при людях в погонах, увозивших знатного кенбидайкского тракториста на фронт. Дома оставались моя матушка и трое детей, из каких я был средним. Отцу было тридцать три, матушке — тридцать.

Отец до войны работал на колесном тракторе, на который потом села мама. В 1941 -м на отца наложили бронь, и только когда были убраны хлеба, распахана зябь и отремонтирована техника, что дотянулось до самого 1942-го года, его в лютую зиму "разбронировали" вместе с другими кенбидайкцами и увезли в Акмолу на сборный пункт, а оттуда уже на фронт.

По совету отца матушка с началом войны оставила свою работу уборщицы и истопника в больнице и пошла на курсы трактористов и комбайнеров. Профессия тракториста и комбайнера пригодилась ей на всю жизнь, она позволяла ей одной кормить и учить троих детей и выводить их в люди.

В 1947-м братья матушки увезли нас в Жалтырь, где она первые месяцы работала на железной дороге, а потом обосновалась в селе Астраханка и была в Астраханской МТС комбайнером до выхода на пенсию в 1967-м. Не стало

моей матушки в 1979-м, похоронена она в той же Астраханке. Кстати, в 2012-м матушке исполнилось бы круглая сотня, но Бог прибрал ее к себе в шестьдесят семь.

Из памяти не улетучиваются кенбидаикские военные трудности, потери, безлюдье, почти сплошное безмужичье. Все тяжести свалились на плечи женщин, но они выдюжили, выстояли, не сломались, потому как всегда тянулись к свету. И как работали! Самоотверженно, трудно, но умно и красиво, дерзко и опасно, не мирясь с выпавшей на их долю судьбой. А еще любили, рожали, рыдали, страдали и прощали. Видно, тогда и родилось поэтическое: Солдату трудно на войне, а женщине — вдвойне-втройне".

Да, такова жизнь... Третий целинный урожай был для меня последним. В первые дни 1957-го в руки случайно попала "Акмолинская правда", оповещавшая о приеме в Акмолинское железнодорожное училище с двухгодичным сроком обучения на полном государственном обеспечении. Среди традиционных факультетов: "Путевое хозяйство" "Связь", "Станция", "Вагонное хозяйство" появился и совсем новый: "Тепловоз и тепловозное хозяйство", какой и увлек меня своим названием и необычностью. Как выглядит этот тепловоз, я понятия не имел, но то, что он отличается от паровоза, уж знал точно.

После двух лет обучения появились, как тогда водилось, "сваты" из агадырского локомотивного депо, какие и увезли группу слесарей по ремонту тепловозов в неведомый для нас Агадырь. Так с марта 1959-го началась для меня настоящая "железка", приковавшая к себе на все сороклет.

Наверно, это все-таки дурная привычка — с каждым новым годом вспоминать о своей жизни. Ну, были военные годы, потом День великой Победы, когда я уже заканчивал второй класс, жизнь в условиях мира и целины, учеба в простой железнодорожной десятилетке, работа на целине, Акмолинское училище, выпуск, агадырское депо и предновогодний декабрь 1999-го, когда меня торжественно выпроводили на дембель.

Начальник отдела кадров говорил обо мне неплохие слова, в каких говорилось, что провожают они на заслуженный отдых слесаря высокого разряда, проработавшего у слесарного верстака пятнадцать лет и четверть века в отделе снабжения. Этот слесарь без отрыва от производства окончил школу рабочей молодежи, поступил в КазГУ и с дипломом журналиста работал инженером по снабжению. С этой должности мы и провожаем нашего уважаемого снабженца".

Вот уже четырнадцатый год я в большом семействе агадырских пенсионеров. Нынче в свои две семерки отчего-то вновь вспомнился наш университет имени Кирова, его преподаватели и "студики" журфака. Где нынче эти заме-

чательные преподаватели — доценты М.М.Куканов и Г.В.Колосов, С.С.Матвиенко, кандидат филологических наук М.М.Дмитровский, старший преподаватель И.К.Редкин? Где вы, дорогие "студики" журфака, с кем прошло к университетских аудиториях целых шесть лет, как сложились ваши журналистские судьбы?

Сейчас все мы, бывшие заочники КазГУ 1962-68-х, наверняка на заслуженном. Может, многих уже нет среди живого человечества, потому как на заочку все мы пришли уже бывалыми людьми, работающими на различных участках тогдашнего социалистического производства. Насколько я помню, почти все с нашего факультета работали в районных газетах, в областных, кто-то на радио, кто-то пробовал свои силы и на телевидении, какое в то время не было таким шустрым, как сегодня. Из всего факультета только я один был круглым слесарем, подобных мне не имелось ни по одному списку.

Из всех наших по журфаку КазГУ выпуска 1968 года недавно узрел в майском номере "Нивы" Виталия Дунаева с удивительной и талантливой "Занимательней астрологией" в восемь стихотворных страниц. Ах, ну какие же у нас в республике свои великие Пушкины! Жаль, что журнал не указал, где проживает этот Дунаев и что он создал за свою жизнь, какая, слава Богу, продолжается и теперь.

Знай его местожительство, возможно, я бы обратился к нему со своими стихами, каких у меня маленькая тележка, но ни один из них не видел белого света. Скорее это от моей тупости и неразвитости, какие могут лишь сказать: стихи, Абдрахман, не по тебе. С прозой у тебя еще что-то получается, даже в той же майской "Ниве" пробежался твой материал "Для поэта смерти нет", а от стихов твоих журналы отмахиваются как от надоедливой мухи.

Пенсионные мои тринадцать с половиной лет ничего в моей жизни не открыли нового, по-прежнему слово мое тянется к перу. За эти годы написал роман "Годы Орлиные" в шестьсот машинописных страниц да еще одну маленькую тележку стихов.

На своем пенсионном безделье часто перечитываю "Простор" с "Нивой" и диву даюсь — сколько же у нас в стране тапантов! В журналах этих столько жизни и живых людей! И ведь всюду наши современники, как, скажем, у Ивана Щеголихина и в "Дали светлой" у Ольги Шиленко.

Нынче добрую поэзию прочтешь лишь в "Просторе" да в "Ниве", что неслыханно радует. В "Просторе" я перечитываю стихи Юрия Грунина, Владимира Гундарева, Геннадия Круглякова, Вячеслава Киктенко, Есенгали Раушанова, Игоря Минакова, Фариды Байтeldинова, Сагин-Гирея Байменова, Евгения Курдакова, Ольгу Шиленко, в "Ниве" — Владимира Щукина, Свет-

лану Зеликову, Юрия Поминова, Сергея Будорагина, Рафхата Менсеитова, Любовь Феофанову, Владимира Дегтярева, Марата Исакова, Ларису Мартынову, Алексея Продайкова, Багилу Тлеуову. Перечитываю и, право, чем-то обогащаюсь, становясь требовательнее к себе, отчего вроде стал лучше понимать жизнь, людей в этой жизни, меньше видеть в ней негативного.

Поэт и редактор журнала "Нива" Владимир Гундарев, кроме "Простора" печатался и в своей "Ниве". Совсем недавно перелистал двенадцатый номер этого журнала за 2009-й год и вновь прочел прозаическую вещь Владимира Романовича "Видно сокола по полету". Увлёк этот очерк-исследование творчества большого казахстанского писателя Сабита Досанова, какому в то время был семидесятилетний юбилей. Сабита Досанова казахстанские читатели знают по его большому роману "Двадцатый век".

Свое исследование о творчестве Досанова Гундарев заканчивает словами: "Видно сокола по полету" — как говорят в народе о больших и видных людях, живущих больше для людей, чем для себя.

И сам Владимир Гундарев оставил о себе долгую память. Она — в его стихах, в его журналах и книгах.

В ноябрьском номере "Нивы", когда поэт уже ушел из жизни, Валерий Гук пишет: "В редакционном кабинете на рабочем его столе остались лежать страницы, исписанные бисерным почерком поэта: чистовики. И тут же, под ними, какие-то случайные бумажные обрывки — свидетели вдруг нечаянно посетившего вдохновения. Сейчас перед нами то последнее, что поэт успел сказать. Позывные Владимира Гундарева, его Космос. Он столько нам оставил!"

Автор поместил даже несколько поэтических строк Гундарева, датированных самим поэтом за пятнадцать и даже двенадцать дней до смерти.

Любовь и та уловками, игриво
Способна одурачивать подчас,
И только смерть поистине правдива —
Не лжет и не обманывает нас.

Есть старики, что копят до последнего,
Потомство умилился их поступку,
А я лишь бороду от деда унаследовал
Да треснувшую глиняную трубку.
Я тоже в деда. Потому в наследство
Не "Кадиллак", не особняк, не дачу,
Я оставляю внукам с легким сердцем
Лишь только трубку и бороду в придачу.

Всего лишь за три дня до смерти Владимир Романович Гундарев сделал запись на своей подарочной книге: "Ирине Матвеевой — с искренними, дружескими пожеланиями новых творческих радостей и всего самого доброго на жизненных дорогах 21 века. В.Гундарев, 22 августа 2012 г."

Ирина Матвеева — поэтесса из Петропавловска — мужественно написала:

"Значит, надо дальше жить. И писать, и помнить!"

Эти строки я беру себе на вооружение — на сегодня и навсегда.

Письмо 28

ГАЗЕТНЫЕ ПИСАТЕЛИ

Мое поколение довоенной поры любило хорошие книги, а многие и сами творили. Тогда на слуху были имена журналистов Бориса Панкина из "Комсомольской правды" и Анатолия Аграновского из "Известий". Среди газетных писателей были также широко известны Валентин Овечкин, Юхан Смуул, Ефим Дорош, Анатолий Аграновский, Василий Песков, Юрий Черниченко.

Да, много времени минуло с тех пор, когда талантливые журналисты назывались газетными писателями. Анализируя нынешний век и наших известных нынче журналистов своего края, своих республиканских и областных газет, приходится удивляться, почему мы боимся и им присвоить пусть на местном уровне звание газетных писателей.

Литературное мастерство для газетчика как бы не главный критерий оценки его труда. Просто написать статью, перечисляя фамилии, факты, действия, не слишком и сложно, а вот видеть и понимать каждое слово, знать ему значение и место удастся не всем пишущим в газету.

Как пристрастный читатель своей областной газеты "Индустриальная Караганда", которая, большой ей рахмет, в сентябре 2011-го не забыла пригласить на свой 30-летний юбилей и меня, агадырского рабкора, непременно присвоил бы звание "Газетный писатель" темиртауской журналистке

Елене Лахно. От пристального взгляда Елены не ускользает ни одно маломальски значимое событие ее города. Порадовала и удивила ее статья "Улицы имени Героев".

Не знаю, есть ли на земле СНГ город, в котором было бы сразу пятнадцать улиц с именами Героев Советского Союза, погибших на минувшей войне с гитлеровской Германией. Да вообще, многих ли героев Великой Отечественной помним?! А темиртаусцы помнят, потому как они ежедневно ходят по улицам с именами героев минувшей войны. Названия улиц напоминают о Василии Васильевиче Порике, командире партизанского отряда во Франции, руководителе партизанского отряда в Белоруссии Константине Заслонове, Федоре Полетаеве — участнике движения Сопротивления против фашизма в Италии, летчике Сергее Луганском, сбившем 13 фашистских самолетов, генерал-майоре Иване Панфилове...

Всего написанного Еленой Лахно только в "Индустриальной Караганде" не счесть. Не обойти хотя бы добрый очерк "Хранительница памяти" в номере за 2 июля. Речь о ветеране педагогики, старосте городского хора ветеранов Надежда Нике Николаевне Сысоевой. Она еще ребенком испытала все трудности и горечи блокадного Ленинграда. Выжила, стала педагогом, любителем песни и музыки.

Газетный писатель, по выражению журналиста "Комсомольской правды" Бориса Панкина, не всякий писатель, публикующий в газете свои произведения. Понятие это включает еще и совершенно особое видение темы, газетного текста, обостренную реакцию на события нашей сегодняшней жизни. Эти черты присущи и Екатерине Кузнецовой. Она уверена, что журналистика — лучшая в мире профессия, дающая возможность увидеть жизнь во всей ее широте и многообразии, открывающая счастье познания.

Полностью согласен с Екатериной Борисовной. Сам я учился журналистике в КазГУ в 60-е годы, но журналистом не стал. В эти шесть лет заочки я работал тепловозным слесарем в депо Агадырь. Уже с дипломом журналиста продолжал трудиться у слесарного верстака. Журналисты и внештатники нужны были депо как зайцу вытрезвитель, потому меня нигде не приглашали и не выдвигали, а на деповской Доске Почета я красовался не один год, отчего друзья говорили, что, будь у меня диплом железнодорожного института, я бы непременно стал начальником локомотивного депо.

А все же в том в 68-м, сразу после окончания КазГУ, меня пригласила к себе на работу "Индустриальная Караганда" в отдел промышленности и транспорта. Приглашением я был удивлен, поскольку в редакцию никогда не обращался, никогда не был в ней и даже понятия не имел, где находится

областная газета. Однако она меня знала по моим материалам о железнодорожном народе Агадыря. Писать-то я писал, но в журналисты себя не готовил, надеясь пригодиться в депо в должности инженера по технике безопасности или кем-то в отделе снабжения. Писанина давалась мне с трудом, писать статьи было труднее даже, чем стихи, чем я занимался как бы не с класса восьмого.

А в газету я все-таки пришел. Отделом промышленности тогда руководил Соломоний Хаимович Иоффе, приглашение от какого я и получил. Приглашение это было официальное, присланное руководству депо. В отделе работали двое — Иоффе и Никишин. Третьим оказался я, агадырский Ванька с пивзавода.

В других отделах, как помнится, работали мой сокурсник Виктор Нюркин, Екатерина Кузнецова и Николай Кузнецов, Евгений Ковалев и, кажется, Анатолий Старухин. Заместителем редактора был Николай Забирка. Николай Кузнецов спрашивал, не пишу ли я стихи. Стихов у меня уже была маленькая тележка, но я постеснялся сказать ему об этом.

Уже после ухода из газеты я увидел в "Индустриалке" песню о Караганде слова написал Николай Кузнецов, а музыку — Соловьев-Седой, который был в то время в гостях в Караганде и в самой "Индустриалке". Потом я узнал о смерти Николая Кузнецова — кажется, насильственной, случившейся якобы в городском парке культуры и отдыха. Как и что было, периферия не знала, а шахтерская столица не распространялась.

Ушел я из газеты через месяц, вновь возвратившись в Агадырь, в свое родное депо. Что удивительно, в "Индустриалке" после меня работали мои сокурсники по КазГУ Дмитрий Зинчук и Владимир Миносян. До 80-летнего юбилея "Индустриальной Караганды", состоявшегося в сентябре 2011-го, оба эти журналиста не дожили, что очень печально. С Дим Санычем — Дмитрием Александровичем — мы встречались в "Индустриалке" много раз и любое мое посещение Караганды. Я приходил к нему просто так, вспоминали своих преподавателей Барманкулова, Колосова, Матвиенко, Редкина и своих сокурсников. Куда каждого забросила судьба — не знали, кроме некоторых. Владимир Боргер обитал по тому времени уже в Германии. Наш извечный за все годы учебы староста Василий Харин проживал в Алматы и трудился офицером в пожарной охране. Виктор Нюркин облюбовал Жезказган и трудился в одной из городских газет. Владимир Миносян проживал и Караганде и был частым гостем "Индустриалки", в какой он тоже когда-то трудился.

Подписывая мое заявление на расчет, Николай Забирка заметил, что упустил он время, чтобы поставить надо мной какого-нибудь "проректора",

какой давал бы мне задания и контролировал их выполнение в литературном плане. У Иоффе такой задачи не было, он, видно, полагался на мой диплом. "А ты, друг мой, так и варился в собственном соку. Все-таки это наше упущение. КазГУ дает журналистскую теорию, а практику дают жизнь и газета", — сказал Забирка.

Мной же, и правда, никто не занимался, наклепанные мною за месяц материалы печатались, но не обсуждались, и никто не сказал мне, чего они стоили и стоили ли вообще чего-либо. А, наверно, следовало бы.

Любимой "Индустриалке" я остаюсь верен и теперь, но у нее нынче такой отличный пишущий народ, о каком я прямо сейчас и скажу: все вы — настоящие газетные писатели! Ну, а писатели, как мы знаем, видят дальше, ярче, яснее, полнее, чем мы, простые смертные.

Письмо 29

ЖИТЬ ХОЧЕТСЯ

Живем мы нынче очень даже кучеряво. Куда ни пойдешь, ни поедешь — в поселок ли цементников Актау, в соседнюю ли Дарью, в многолюдный ли Агадырь, да в любые другие места, — всюду встречаем печально глядящие на людей пустые многоэтажные дома.

В Актау из окна вагона я насчитал что-то около пятнадцати таких пятиэтажек! Прикинул: в каждом таком доме 90-100 квартир. Это сколько же можно заселить людей в эти пустующие дома? Без малого — две тыщи душ! Так это же целая армия нуждающихся в жилье людей. Ах, сколько бы в стране прибавилось счастливых, какие бы кланялись с благодарностью своему областному начальству и правительству республики!

Только дома эти стоят пустыми, безлюдными как бы уже не целых два десятилетия. Рядом с пустующими зданиями стоят такие же дома, но с окнами, живые, во дворах их кипит жизнь.

Почему пустуют эти пятнадцать пятиэтажек непонятно. Куда подевался народ? Ведь он тут когда-то обитал, обживался, у него были в доме вода.

свет, тепло и канализация, был солнца свет, были дети, была радость. И какое затмение нашло на прежних жителей этих домов, покинувших обжитые места? Вредность дымного цементного завода заставила людей искать другие края? Но не могли же уехать сразу две тыщи душ? Ладно — два-три десятка, ну, сотня отчаянных или решительных нашлась бы на две тыщи душ...

Хорошо — уехал народ, но кто дал другим право грабить эти дома, снимать окна, двери, полы?... Или те, кто уезжал, решили: квартира моя, что хочу, то с нею и делаю?..

Цивилизованное человечество со времен Ярослава Мудрого, Петра Первого, Екатерины Второй и последующих царей, вплоть до Николая Второго, жилье в городах строило красиво, прочно и навечно. Частная собственность культивировалась в России вплоть до Великого Октября, а уже при Советском Союзе все стало государственным — и вода, и леса, и недра, и земля, и ледники, и острова, и, конечно, дома в городах, в каких проживал простой трудовой народ и тот, кто ублажает его книгами, песнями, знаниями, спокойствием.

Государство строило высотные дома, жилье выдавалось по простой очереди на производстве. Да, тянулась эта очередь, бывало, десятилетиями, однако она когда-то подходила, человек въезжал, обустроивался и жил, не платя государству ни копейки. Конечно, платил он за коммунальные и символическую квартплату. Так все и шло как бы не все семьдесят лет, до изобретения этой самой приватизации-прихватизации.

Если человек уезжал куда-то, писал заявление в коммунальное хозяйство, и квартира оставалась на балансе государства, оно распоряжалось ею по своему усмотрению. В квартире после отъезда жильцов целыми оставались и полы, и двери, и окна — так было всегда, так должно быть и теперь. Должно, так ведь нет же этого...

К сегодняшнему дню в моем благословенном Агадыре восстановлены и заселены две трехэтажки, одна двухподъездная 40-квартирная пятиэтажка, и буквально 6 июля состоялась презентация 32-квартирной четырехэтажки. Ах, какие были у людей красивые и счастливые лица! Господи, думал я, как мало человеку нужно для счастья — всего лишь крышу над головой, всего лишь комнату-две, в какой будут рождаться дети, смеяться внуки, рождаться благостные строчки и стихи о нашем вовсе не бедном житье-бытье.

Ожидает ли счастье заселения пятнадцать актауских пятиэтажек, неизвестно, как неизвестно, что думают власти Карасука о своих девяти пустующих домах. До СН Г в них ведь жди люди? Жили. Куда они подевались? И,

главное, кто им позволил грабить, пусть и приватизированные квартиры — снимать рамы, двери, срывать полы?

А все это, друзья, потому, как мы стали совсем не советскими, а СНГэвскими, для каких нет ничего святого, кроме денег. Учеба и лечение — за башли, устроиться на хорошую работу — бей долларом или евро. Таков нынче век.

Приватизация являла собой чистую коммерческую символику, никак не идущую в сравнение со стоимостью нынешнего жилья. Наверно, надо нам в республике произвести революцию по уничтожению приватизации брошенных квартир. Надо отдать их в заботливые руки, которые не станут уничтожать жилье, уподобившись варварам. 12-тысячный Агадырь к будущему году наверняка порадует своих жителей восстановленной пятиэтажкой, и новоселы поделятся своим счастьем со всеми нами, и каждый скажет: "Жить хочется!"

Письмо 30 ВСТРЕЧА

— Разрешите?

— Входите... У вас что-то срочное или не очень?

— В общем, не очень. Просто я хотел с вами познакомиться еще при коммунизме, какой строили Хрущев и Брежнев. Вы, кажется, в то время и появились на шестнадцатой полосе "Литературки", приглянулись всероссийскому и даже зарубежному читателю.

— Надо же, лично мне о том ни при коммунизме, ни в перестроечную годину да и в нынешнее СНГ не сказал ни один читатель, и ни один редактор.

— Не сказали, потому как посчитали это естественным жизни, а оно принимается без шума, гама, треволнений.

— Так утверждаете, что Евгения Сазонова знает вся Россия?

— Россия действительно знает, а о прочем СНГ со своими одиннадцатью республиками не могу знать. Я есть Абдрахман улы Калкенович из Агадыря,

о "Литературной газете" при СНГ и мечтать не мог, только в год Змеи удалось подписаться и то лишь со второго полугодия. С будущего года подпишусь сразу на год, и пусть агадырские и московские почтовики хоть закувыркаются в своей системе, а "Литературку" доставят мне на тарелочке. Сегодня уже 30 июля, а я получил только второй номер, с 10 по 16 июля. Значит, следующие два получу в середине августа... Если даже так, то ничего страшного, надо учесть расстояние от Москвы до Караганды, местную раскачку. Слава богу, хоть два номера получил. Так вот, уважаемый господин Сазонов, прочел я оба номера "'Литературки", а вас нигде не нашел. Или вы забыли, где шестнадцатая страница и где сам "Клуб 12 стульев"? Или редакторы о вас забыли? А ведь читатель вас помнит еще с коммунистического времени, так что исчезать вам с полосы не следует, о чем и скажите своим.

— Ну, не знаю, Абдрахман улы Калкенович, литература — это такой непредсказуемый предмет! Вот вы назвались Абдрахман улы, а в недавней вашей корреспонденции вы называете себя уже Крузейро, Амросий, Абрам, Авраам, Акакий. На деле у человека должно быть только одно имя, это же и ежу понятно.

— А это, уважаемый Евгений, так называет меня моя жена, и у нее тоже много имен — Гульчатай, Винченция, Мария ду Сокору, Зульфийа, Айшелек ханум, Сюмебюль ханум, Мемин ханым, Бельгиз Сунда, Зейнеб и

Нермин, когда на деле она всего лишь Раиса Илинична. Все имена взяты из турецкого сериала "Горькая жизнь", на каком моя Раиса Ильнична

просто помешалась. Дома мы так привыкли к нашим новым именам, что считаем их безупречно собственными. А собственные даже стали забывать, и это нас никак не шокирует. Время сейчас какое? Всюду чудятся вредные люди, какие хотят тебя сглазить, проклясть, приворожить мужа или жену и вообще наслать на человека порчу. Скажем, делает это какая-то баба Яга-костяная нога, любители экстрима проникают к ней, платят хорошие денежки за тот же приворот или какую-то порчу и сглаз на человека. Так вот, никакая беда тебя не коснется, если у тебя несколько имен. Все негативы и сглаз как раз и падут на эти имена, а собственные останутся нетронутыми, поскольку они вообще не называются ни дома, ни во дворе. Так что, дорогое население страны, имейте несколько имен и будете во многом защищены от всяких заговоров, приворотов и сглаза.

— Ну, Юсуп Аккуш, Такыр Омарбей и Мехмет Касавалы, занятные вещи вы мне преподнесли. Не знаю, дадут ли мне мои родители и читатели какие-то новые имена или хотя бы одно из них, только я хочу остаться самим собой, т. е. прежним Евгением Сазоновым. Главное, чтобы "Клуб 12 стульев" не чурался меня и хоть временами протаскивал на страницы. Сейчас, в

СНГэвский век, наша периодика разучилась шутить и от души смеяться. Вечно у нее серьезные вещи, вечно коммунальные и квартирные неурядицы, убийства, коррупция, денежные аферы, как будто в стране нет государства, полиции, правоохранительных органов, высоких и малых властей, кому природой, законом и Конституцией предначертано следить за порядком и давать людям свободу их жизни. При коммунизме же не было такого! Сейчас-то чего не хватает стране?..

— Да, тему подняли нужную, а как к ней отнесется командный состав газеты неизвестно. Давайте, Женис ибн Сазонов, на этом и закончим наш разговор и будем ждать, что скажут ваша "Литгазета" и весь литературный свет. В целом же, хочу порадовать вас своей любовью к "Литгазете". Вот только два номера получил, а какая экспрессия, какой экстрим!

— По юморной прозе мы с трудом ловим Аркадия Инина да Михаила Жванецкого, а в поэзии мы просто тянем доходную. Литература еще не встречала вещей Евгения Сазонова, и вряд ли из меня может получиться широкий автор вроде Блока или Есенина. Но, может, до декабристских поэтов как-то да докарабкаюсь?

И правда, куда ни плюнь, гадалка на гадалке,

Куда ни сунься, колдун на колдуне.

И даже бабка Христя на каталке

И то печется о своей стране.

Ну, первое, чтоб были в ней бесплатны

Всякое лечение с обучением,

Нынче все за деньги. Непонятно

Отчего такое увлечение?

В туалет общественный — печалься, но плати!

Рвешься на рыбалку к озеру родному?

Зелень непременно надо принести!

Поскольку его выкупил чеченец и афганец,

Он и лесочек выкупил при нем,

На деле он с бумагами, а не самозванец,

Так что в СНГ мы по-новому живем.

Куда же зрит сегодня Россия молодая?

Ведь все, что на земле и под землей, ее!

Где же Конституция наша дорогая,

Должная беречь наше бытие?

Письмо 31

КОСМИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

С товарищем, приехавшим из Караганды-Сортировочной, где он теперь проживает на своем заслуженном, встретились по-домашнему, посидели за круглым столом. Говорили о многом, в том числе и о судьбе современного железнодорожного люда.

До 2002 года пенсионерам-железнодорожникам выдавали раз в год бесплатные билеты на любой поезд, и можно было ехать в любой уголок СНГ, лишь бы туда доходила железная дорога. Теперь этого нет. Раньше слесарный народ уходил на дембель в 60 лет, теперь, с 1997-го — в 63, а локомотивщики раньше уходили в 55, теперь — в 59. Мы им просто не завидуем.

Коснулись от нечего делать и совсем отвлеченной темы — космической. Мой друг завел речь о летающих тарелках, о каких телевидение говорит на самом полном серьезе.

— Я лично, дорогой мой, ко всем этим сообщениям отношусь весьма скептически и просто удивляюсь всем этим сообщениям, какие никак не комментируются спецками или какими-то учеными, — сказал я своему товарищу. — По моему мнению, во Вселенной не существует никаких зеленых человечков и тех же тарелок. На мой взгляд, если во Вселенной и есть обитаемые планеты и на них проживают разумные существа — люди, то выглядеть они должны не иначе как земляне, правда, ростом могут быть повыше, до двух с половиной и даже трех метров. Природа не может идти против себя, условиями жизни на любой планете должны быть не иначе как кислород, вода, солнце и тепло. Только они могут породить жизнь на любой планете. Возможно, где-то во Вселенной такое и есть на самом деле. Возможно, на некоторых из них тоже жили динозавры и летающие ящеры, в лесах - человекообразные обезьяны, какие в течение миллионов лет видоизменялись, дойдя до природы голого человекообразного существа — питекантропа, неандертальца, пещерного человека, ходившего уже на двух ногах и освободившего передние конечности для пользования какими-то орудиями для добывания пищи.

—Ну, а тарелки? Как говорят очевидцы, они в мгновение ока появляются и в такое же мгновение исчезают. Не может же это оказаться сказкой, видят которую в разных местах Земли.

— Это сказка, как сказка и про зеленых человечков. Придумать тарелку, летающую чуть ли не со скоростью света, может, и возможно, только делать это должен человек, обладающий недюжинной силой ума и колоссальными

знаниями. Зеленые карлики на это неспособны! Тарелка эта, по-всему, из металла, какой не горит и не плавится при колоссальном трении в слоях воздушного пространства. Эти космические люди, прилетающие к нам из каких-то глубин Вселенной, если верить телевизионным рассказам, не иначе как должны знать природу Вселенной и понять, что она вечна. Жизнь же всего живого на планетах скоротечна, но она может с помощью человеческого разума быть продлена на небывало большие сроки. Если космические люди, посещающие нас на своих тарелках, так умны, то они наверняка умеют продлять свою жизнь и жизнь окружающих вещей. И они должны быть похожими на нас: у них должны иметься сердце, кровь, желудок, прочие человеческие органы, а не металлические шарнирные детали, какие мы видим У героев французского телефильма с комическим Дюфенесом и его жандармской компанией. Космический пришелец, принявший облик парижского жандарма, погиб лишь из-за отсутствия машинного масла, какое нужно было ему только выпить. Ну, в кино это возможно, в действительности же человек должен быть человеком — с сердцем, кровью, мыслями. Цивилизованные космические люди поняли силу жизни солнца, воды и воздуха и используют их для своего существования. Человек Земли к этому только идет, и, наверно, через какое-то время он познает природу космического долголетия солнца, воздуха и воды и научится применять их. Жизнь Вселенной мало изучена, и не все ее законы поддаются познанию. Не зря она разумным человечеством приравнивалась к Богу, потому как только Бог может быть владыкой мира, и все, что от него исходит, не может быть познано.

— Так, по-твоему, разговоры свидетелей летающих тарелок, их фотографии и свидетельства о космических пришельцах, теперь уже мумии, найденной в США аж в 1947-м году и хранящейся нынче в какой-то американской научной лаборатории, — простые сказки землян, которым надоела проза жизни и они жаждут сверхъестественного? Несколько тысяч лет назад до новой эры египтяне строили свои непревзойденные пирамиды-усыпальницы для своих фараонов, уже умея их бальзамировать, чтобы оставить для потомков их тела. Ученых древнего мира даже за тысячелетия до нашей эры уже интересовали светила Вселенной, они видели в них божественное начало. Последующее людское поколение научилось изобретать увеличительные стекла и телескопы, с помощью каких наблюдалась поверхность Луны и других планет. Божеству создание Вселенной уже не отводилось, а научно доказывалось, что Вселенная вечна, что Солнце с планетами вокруг него появились из-за колоссального космического взрыва. Те, что оказались не слишком удалены от светила и где в наличии оказался живительный кислород и вообще воздух в различном его смешении, породили живые

клеточные образования, а те в процессе времени, своей мутации и генной наследственности поддействием тысячелетий и климатических изменений породили более сложные живые существа.

Думается, нечто подобное происходит во Вселенной и сейчас, потому как история любит повторяться. Вселенная ведь бесконечна, и где-то наверняка есть свои миры, но о них нам пока ничего не известно. И будет ли когда-то известно, мир не знает. Мифологические тарелки ничего существенного об умных людях во Вселенной не говорят.

На том мы и остановили наши раздумья на космические темы. Что там делается во Вселенной, никто не знает, ну а насчет тарелок мы с товарищем пришли к единому мнению: сказки. Если бы существовали во Вселенной планеты, населенные высокоразвитыми существами — людьми, то эти люди давно бы нашли способ общения с землянами.

Высокоразвитые человеческие существа, способные мыслить, летать в космическом пространстве и на другие планеты, непременно захотели бы пообщаться с землянами и найти какой-то консенсус общения. Правда, в стадном человеческом обществе нормального общения быть не может, как не могло его быть среди питекантропов и неандертальцев и в первых человеческих окультуренных сообществах, способных без машин, воды, пара и только силой мускулов и ума строить египетские пирамиды. Даже в век непомерного развития техники человеческие сообщества стремятся к подавлению себе подобных. Заряд агрессии способен в считанные часы и минуты угробить все живое на Земле и сделать прежде обитаемую планету с ее лесами, морями и океанами, живительными водой и воздухом, под вечным Солнцем безжизненной как Луна и другие холодные планеты. По расчетам земных ученых, нечто подобное якобы когда-то случилось во Вселенной. Мир и цивилизацию одних планет уничтожили столкновения с огромными небесными телами вроде астероидов, а то и блуждающих планет. Другие ученые ссылаются на возможность уничтожения всего живого живыми существами с других планет других солнечных систем и созвездий.

Ученые предполагают, что земляне научатся большие космические тела встречать невероятно мощными атомными бомбами и разрушать их еще в космосе до падения на землю. Мир не стоит на месте, наука движется вперед и совершает какие-то открытия. Хочется верить, что жизнь на Земле никогда не прекратится и что люди Земли научатся летать на другие планеты и обживут их и дадут великой Вселенной нового, необыкновенного человека, предка каковб все-таки породила наша красивая, единственная во Вселенной планета Земля, населенная людьми и живыми организмами, планета живая и бессмертная.

Письмо 32

ДЛЯ ПОЭТА СМЕРТИ НЕТ

С Владимиром Романовичем Гундаревым мне посчастливилось встречаться трижды. Дважды — непосредственно в редакции "Нивы", а последний раз, 16 сентября 2011 года, — в Караганде, на 80-летнем юбилее газеты "Индустриальная Караганда", в шикарном ресторанном комплексе "Олимпия".

В "Ниву" меня приводили попытки опубликовать в журнале пробу пера. До лета 2007 года я регулярно отсылал стихи и прозу в "Простор" — почтой, в больших конвертах. Не ожидая от журнала благосклонности, все-таки отсылал... В восьмом номере за 2007 год вдруг увидел свой рассказ, а в следующем, девятом — "Душевную повесть" в двадцать страниц.

Моей радости не было предела, даже обронил слезу со своих старческих ресниц. Какое-то время спустя, гостя у брата в Астане, я решил попытаться некоторые свои материалы оставить в "Ниве". Редактор "Нивы" принял мои рукописные вещи, сказав, что займётся ими при случае.

То был уже 2008-й год, от которого, по поверьям, ничего путёвого ожидать не следовало. Но в апрельской "Ниве" вышли мои "Дорожные истории" в восемь страниц, а во втором номере за 2009 год — "Жалтырские картинки" в десять страниц.

Я поблагодарил главного редактора по телефону и крепко пожал руку уже при личной встрече в Караганде на этом самом юбилее областной газеты. Когда у участников юбилея газеты выдавалось свободное время, мы беседовали с Владимиром Романовичем о стихотворной амплитуде известных и начинающих авторов в "Просторе" и "Ниве".

В "Ниве" публиковалась карагандинка Людмила Мельникова со стихами "Музыка души", "Прости", "Наедине", Светлана Денисова из Павлодара со стихами "Путь", "Зов", "Рай", "Мечта", "Судьба", астанчанка Мария Уварова с подборкой "Синий дом у прозрачной реки".

В разговоре Владимир Романович спросил, не плету ли я свои стихотворные сети? Я ответил, что из меня поэт, как из гоголевской Коробочки Майя Плисецкая, хотя моими стихами можно выстелить всю дорогу от Агадыря до Астаны. Владимир Романович удивился и сказал, что хотел бы взглянуть хотя бы на пару-тройку из них. Я обещал что-то специально выбрать для Нивы" и тут же прочёл первое, что хранилось в моей старческой памяти:

Деревенька моя тоже в Казахстане есть,
Гляжу на неё, рукой не прикрываясь,
В ней сызмальства росли мои дух и честь,
Какие синевой с росой умывались.
Нынче деревенька — вовсе не колхозница,
И её улыбка от людей сокрыта,
Может, моё сердце к ней оттого не просится,
Что она безлюдна и к ней пути изрыты.
Нынче деревенька целинная без песен,
Нет у ней покосов, пельменей и грибов,
Нет у ней веснушек, как нет и самих вёсен.
Нет, как прежде, улиц, нет и самих домов.

Владимир Романович был искренне удивлён и сказал, чтобы я приходил со своей стихотворной выкладкой. "Ничего не надо выбирать, неси всё — а там уж мы как-нибудь разберёмся".

Я, однако, дома что-то выбирал, переделывал и даже писал что-то новое, планируя приехать в Астану после сентябрьских дней — только двенадцатого года, когда отмечу свои семь и пять. После них навалились заботы по уходу за старшим, 82-летним братом в Жалтыре. Брата свалил инсульт, уха-

живать за ним было просто некому. Детей его жизнь разбросала по БАМу, Белоруссии и Краснодарскому краю, так что пришлось все заботы взвалить на себя. В мае брата схоронил, отметил девять и сорок дней, после которых, наконец, возвратился домой, в Агадырь, откуда и собирался ехать в Астану со своими стихами в "Ниву", как обещал Владимиру Романовичу.

Запланировал поехать после первых сентябрьских дней, как вдруг читаю в газете сообщение о кончине Владимира Романовича Гундарева, большого поэта страны, редактора, большого человека. Боль была невыносима.

Что я знал о поэте Гундареве? Решительно ничего. Единственно, что

он автор песни Деревенька моя, деревянная, дальняя...", которую пел большой Советский Союз в городах и селениях. Читал его стихотворения в "Ниве" и "Просторе". Ни единого его стихотворного сборника у меня нет до сих пор, потому как никогда их не встречал ни в одном книжном магазине столицы и областной Караганды.

О Владимире Гундареве писала "Казахстанская правда" от 17 июля 2004 года, удивительно как избежавшая у меня отопительного процесса. Статья в газете называлась "Три планеты Владимира Гундарева", автор Александр Тараков беседовал с Владимиром Романовичем накануне его 60-летия.

Из статьи я узнал о сибирской Кыштовке, где Владимир Романович учился и даже работал в колхозе прицепщиком. Наверное, на неё он и смотрел, прикрывшись рукой, и на Тару-реку, протекавшую рядом. Россия — его родина, но затем и Казахстан стал его вторым Отечеством, принявшим его в далёкие целинные годы в горячие объятья и проводившим в последний путь с великой горечью. Эта горечь заставила и меня сказать:

Не верится, что с нами Гундарева нет.

Он будет жить в сердцах, как живы его песни.

Для поэта жизни он большой Поэт,

Он будет жить в веснушках казахстанских вёсен.

Журналист Тараков и поэт Гундарев говорили о многом, о ритмике сегодняшней жизни, о целине, с которой поэт связан с самой молодости, которую всегда любил и которой посвятил немало тёплых слов и строк. Целина тоже являлась для Гундарева планетой Любви, которой отдана стихотворная душа и лирика его поэтической души. Шёл разговор и о "третьей планете — о журнале Нива", которому отданы двадцать лет непосильного труда и двадцать лет истинной борьбы за выживание журнала, о чём упоминал в своей "Хронике смутного времени" и павлодарский писатель Юрий Поминов.

Прошло после 60-летнего юбилея Владимира Гундарева всего лишь восемь лет, и вот не стало большого казахстанского поэта. Физически поэта с нами нет, но его стихи, свет его любви к жизни, к друзьям, к людям, к родному Казахстану, к родной сибирской Кыштовке и к Астане навсегда останутся в памяти казахстанцев и в памяти нашей немеркнувшей литературы.

Письмо 33 ПОД СТУК КОЛЕС

Газета "Литер" объявила конкурс под девизом "Дорожные истории". Победителя конкурса ожидала просто сумасшедшая премия — туристическая поездка в Египет. Вдруг мне, пещерному, явится на тарелочке чудо — Египет? Как-никак, у меня всё-таки журналистское образование, факультет журналистики, который я окончил 40 лет назад, пусть и заочно. Не боги горшки обжигают... Вот и мобилизовал себя на усидчивость и фиксацию всех дорожных историй, бывших со мною и моими друзьями.

К установленному сроку отправил свои истории в газету. На победу не очень надеялся, просто ожидал хоть что-то прочесть. Чего не случилось: через какое-то время СМИ сообщили о пожаре в "Литере". В огне, видимо, сгорели и мои записки.

Однако у меня сохранились черновики. "Дорожные истории" я отправил в журнал "Простор", а два рассказа предложил "Ниве". Как отреагируют редакции на вторжение неизвестного автора в её врата — не знал, однако хотелось верить мудрецам, которые утверждают: бывает, что и медведь летает, и кривая тоже может вывезти.

И мои истории увидели свет! В том числе эта.

...В последнее время взял себе за правило ездить только в купейных вагонах. Дороговато, конечно, по сравнению с плацкартным, но ради удобства на что не пойдёшь? Меньше суеты и толкотни, больше кислорода, притом в плацкартном тебя затуркают и затюкают неподъёмными баулами, которые, того и гляди, свалятся на голову, когда сильные руки стараются определить их на верхние полки. В купейном к тому же можешь по-человечески отдохнуть и помечтать, немножко даже понежиться, ну и встретить необычных пассажиров, что со мною и случилось в недавней поездке в поезде Караганда—Новокузнецк.

А в дорогу нас с женой позвало письмо внучки из Новоалтайска, в котором она откровенно спрашивала: бабуля и дедуля, не забыли ли вы, что у вашей внучки двадцатилетий юбилей? Не надо никаких подарков, вы будете для меня лучшим подарком. Пенсионеру долго ли собраться, когда в доме ни курчонка, ни поросёнка, ни собачки, ни котёнка?

В нашем купе уже разместились два пассажира парень лет двадцати пяти и пожилой дедуган с седой шевелюрой — ну точно мой брат. Про себя молился — и на этот раз пронесло: ни напояженных, постоянно тараторящих фифочек, ни любителей коротать дорогу за вожденными стаграммами.

Наверно, это извечная поездная традиция: вагон застучал на стыках — пассажиры приступают к трапезе. Так было и на этот раз. Наши сокупейники с аппетитом налетали на куртину и ароматный чай. Мы с женой делали то же самое — раздирали куриные спинки и так же сладостно чаевали.

Поезд мчал, стучали колёса, столик после ужина застелили газетой, и каждый углубился в свои дела и мысли. Жена что-то читала в своей любимой "Ниве", я просматривал "Новое поколение" с телепрограммой, из которой отчего-то исчез телеканал "Казахстан". Слава богу, что он не исчез из телевизора, передачи идут и чем-то радуют.

А попутчики наши вели между собою прерванный накануне разговор, прихлёбывая чай из собственного термоса. Вполуха я слушал разговор попутчиков.

Иван Павлович, вы хорошо пожили, много видели и многое пережили. Знаю, что по профессии вы журналист, но в газете никогда не работали, с самой юности впряглись в железнодорожное ярмо, какое доволокли до самой старости. На пенсии даже книгу написали. Она пока в рукописи, но что дальше? Кто-то из литературных спецов читал её, советовал что-нибудь?

Ах, друг Алёша! Книгу я и впрямь написал — пенсионеру чего делать? Времени у него уйма, вот он и ударяется, во что горазд. Одни налегают на кроссворды с мечтой на Поле чудес" попасть, другие экспериментируют, скрещивают да сращивают на своих дачных участках, фору самому Мичурину пытаются дать, у третьих, как у меня, и вовсе крыша едет — рожают мемуары, всякие воспоминания, а то и целые повести да романы выдают. К ним отношу и себя. Десять лет писал я свой роман и вот уже целую семилетку не знаю, куда с ним податься. В позапрошлом году пробился к редактору одного толстого журнала, который принял мою книгу, — может, просто из вежливости к дедугану. Месяца через три роман свой я забрал, редактор признался, что не читал его, потому как нет времени. На прощание посоветовал обратиться к своим региональным журналистам из областной газеты и даже назвал их фамилии. Посетил я этих газетчиков, но они мои семьсот страниц читать отказались, тоже сославшись на отсутствие времени. По правде, другого отношения к себе я и не ожидал. Кто я такой? Обычный старикан, простая пешка, пробивающаяся в дамки. Вообще-то, Алёша, в силу своего литературного скудоумия я толком не мог определить жанр своего произведения — мемуары это, повесть или роман? Вроде он похож и на то, и на другое, а на деле? Вот и маюсь который год со своей долбаной писаниной и не знаю, куда податься, в какую дверь войти, к кому лично обратиться.

Значит, вашу книгу так никто никогда и не читал, ничего не советовал, и мир представления не имеет о существовании вашей книги?

— Алёша, не надо так громко. Это же только рукопись, а не книга. По объёму она действительно книга, а по содержанию? Специалисты нужны, Алёша, — кто любит слово и знает ему цену. По сути, даже моя жена не знает, что у меня где-то в диване пылится роман в семьсот страниц, не нужный нашему обществу да и никому на свете. Насчёт жены, так я помнил Лермонтова, который говорил словами одного из своих героев: "Исповедь" Руссо уже имела тот недостаток, что он читал её своим друзьям". В этом деле я тоже заскорузлый консерватор, почему моего никто ничего не читает, кроме вещей, про скальзывающих в периодике. Бывает это редко, потому как нынешним газетам неинтересны ни рассказы, ни воспоминания, ни мысли читателя, ни его душа, ни его пристрастия. При советской власти субботние номера газет имели "Литературные страницы", где печатался самый простой народ, от доярок до домохозяек и пенсионеров, как я, у кого большой жизненный опыт, чем они и хотят поделиться с людьми, с молодёжью, с простыми читателями. Может, это кому-то и пригодится; кто-то возьмёт себе что-то в науку, в пример.

— Ну а как вы в журналистику попали и даже КазГУ закончили? Расскажите, Иван Павлович, честное слово, будет у меня отличный сюжет для моей газеты.

— Тут, Алёша, скорее всего, сказалось что-то генное, и "слово тянется к перу, перо — к бумаге". Да и Александр Македонский как-то сказал: "Отцу я обязан тем, что живу, а Аристотелю, — что живу достойно". Вот и мне хотелось жить достойно, знать всех Аристотелей, Плутархов. Своего я добился, но железная дорога осталась моей судьбой и путеводной звездой. В толстом журнале наверняка знали, кто я, потому и пнули с силой, что я летел чуть ли не до гор Алатау. В глаза мне не сказали, что я серость, но так, наверно, думали. Ну а серость — она и в Африке серость, потому с моим романом "Мои дороги" столько и мытарств. В нашей областной газете, Алёша, мой роман не заинтересовал даже простого "литраба", мнение которого я бы принял как должное и наверняка на всей своей писанине поставил бы жирный крест. Может, давно следовало бы это сделать, так нет же, ишак я бухарский, писать хочется! И написал же, питекантроп чёртов, неандерталец хренов. Писанина пылится уже который год и просто обязывает поступить с нею, как Николай Васильевич Гоголь — со своей. О напечатании "Моих дорог", Алёша, говорить не приходится, потому как нынче без тенгушек и шагу нельзя ступить. Сегодня ведь не человек делает деньги, а деньги — человека. Современные издатели предпочитают больше авантурные произведения Донцовой да Устиновой, а не жизненные, как у меня. Я вот, Алёша, признаюсь, хочу свой роман увидеть живым сегодня, сейчас, поосвятить его живым, пока живой сам, потому как мои семьдесят завтра и послезавтра для меня могут и не насту-

пить, а наступят — не застанут. Это же философия жизни, Алёша, и не нами это придумано. Пусть книга моя в чём-то биографична и годы в ней собраны не столь уж и отдалённые, только ценность её всё же в людях, с кем я жил, трудился, учился жизни. "Мои дороги" как-то могли бы воскресить былое, её прототипы уж точно узнали бы себя и, может, даже дали бы о себе знать. Книга-то ведь о них, потому как они и впрямь были героями своего времени.

— Ну, Иван Павлович, честное слово, вы дали мне гениальный сюжет. По приезду я раскручу его на всю катушку и добьюсь, чтобы вашу рукопись прочли литературные светила — конечно, без всякой оплаты. У пенсионера какие доходы? Правильно, ноль сносим, два в уме.

— Не утруждай себя, мой юный друг. Нынче даром и чирей не сядет. Вспомни Герцена: "Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей — просвещённых храбрых". И ещё: "Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами, одна природа делает великое даром". Так что, Алексей, не утруждай себя. Я вот что ещё скажу тебе, дружище, точно по Белинскому: "В этой статье много мемуарного интереса; читая её, переносишься в старое, доброе время и впадаешь в какое-то тихое раздумье". Сколько мне лет, ты знаешь, а значит, и в моей книге то самое старое, доброе время, какое нынешнему читателю, набрасывающемуся на криминальное чтиво, что зайцу стоп-сигнал. Нашему ветреному племени, как говаривал ещё Тургенев, до лампочки все наши миротворческие тенденции, красота души и добродетель. Ведь для развития в себе добродетели, опять же, по словам великих, необходим философский досуг. Где он у нас? Я вот и стихоплётством занимаюсь, так ведь и стихи мои тиснуть негде. То ли я крайне бездарен, то ли мне лучше найти себе другое занятие. "Литературных страниц" ныне в газетах нет. Газетчики экспериментировать не желают, оттого в расплодившихся изданиях столько сухости, преснятины, казённости, надоедливо-политиканства, и наоборот — пустопорожности, пошлости, всяческой белиберды, примитивных анекдотов, сплетен о похождениях "звёзд" кино и эстрады, когда на их месте можно поместить простой и душевный рассказ, стихотворение, что-то юмористическое, как бывало в "Литературной газете" времён Чаковского. Ведь больше будет пользы, чем от тех же анекдотов. Аристотель ведь не зря сказал однажды: Поэзия философичнее и серьёзнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном". Историк и поэт различаются лишь тем, что один говорит о том, что было, другой, — что могло быть. Я же писал о том, что было и что могло быть, только миру сие неизвестно, и я остаюсь со своей книгой, что старуха у разбитого корыта в пушкинской сказке. А в газетах нынче, Алёша, разве встретишь публикации просто-работяги, тяготеющего к перу? Я всю жизнь "рабкорил", и вот на старости

лет этот рабкоровский опыт, наверно, даёт о себе знать, он даже породил мою рукопись. Вот ты говоришь о деньгах дая издания книги. А когда Островский писал про своего Павку Корчагина или Шолохов "Тихий Дон" с Поднятой целиной" — у них что, денег было ворох? То-то. За советские годы много денег нам было не скопить, потому как накопительство осуждалось. Впрочем, жизнь тогда год от года улучшалась, простые люди стали неплохо зарабатывать, иметь солидные сбережения на счетах в сберкассах. Но главное — все мы с уверенностью смотрели в завтрашний день. Может быть, государство платило нам не так много, как хотелось бы, зато предоставляло значительные льготы. Это и бесплатное образование, и здравоохранение, и низкие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, и т. д. В отличие от сегодняшнего дня. Да, мы государству отдавали всё, что могли, взамен получая почётные грамоты и переходящие красные знамёна, флажки доблести и героизма, ордена и медали за самоотверженный труд и за освоение целинных земель. Мы это делали совершенно сознательно и на самом серьёзном политическом уровне.

Став невольным свидетелем разговора наших сокупейников, я думал о том, что, может, и впрямь Алёша сумеет чем-то помочь Ивану Павловичу.

Мне же ничего не оставалось, как по возвращении из Новоалтайска записать на всякий случай услышанное в той доброй поездке. Попутчики мои, которым я пожелал удачи, вышли в Павлодаре, хотя Ивану Павловичу следовало ехать до Щербактово. Сам он щербактинский, но Алексей уговорил его выйти в Павлодаре и навеститься в областную газету, где работал Алёша.

Проводив попутчиков, подумал: сколько же на нашей казахстанской земле талантливых людей! Вот Иван Павлович, дед-бородач, истинный Хоттабыч, а живой и деятельный, творчески одарённый. Алёша, наверно, это оценил и решил его поддержать. Не знаю, кем был Иван Павлович до пенсии и в каких кругах вращался, только, как я понимал, по знанию всех этих Аристотелей я ему и в подмётки не гожусь. Я по своей работе и по жизни галстуков не носил и особой интеллигентностью не отличался, отчего, видимо, не внушил доверия ни редактору толстого журнала, ни журналистам областной газеты, к которым, ей-богу, нарочно не придумаешь, обращался и я с теми же вопросами, что и Иван Павлович. Совпадение могло быть на самом деле, о чём я даже чуть не решился высказаться при их беседе в поезде. А что? Пишущих у нас множество, а значит, и проблем одинаковых у них — тоже. Нынче, говорят, легче что-либо написать, чем издать. В моей долбаной тьмутаракани пишущих людей не водилось никогда, потому мне и некому поплакаться в жилетку, посоветоваться и пожалиться на свою невезучесть. Областной да столичный пишущий народ мне недоступен, провинциальную простоту встречают, но не привечают, обещают, но не

исполняют. Может, и впрямь надо пошелестеть "зелененькими", только откуда их взять? У государства о том голова не болит, потому как всё отдано на откуп частникам. Ну а у частника нынче свои интересы в издательском деле.

Тот поезд и тот купейный вагон мне наверняка будут помниться долго. Иван Павлович — мой ровесник, а очень образован. Что отец Александра Македонского — Филипп, это от Ивана Павловича я только и узнал. Припомнил Герцена и слова Петра 1, чего я тоже отродясь не слыхивал. Нет, что ни говорите, а удивительными бывают дорожные истории, встречи и расставания, знакомства с неординарными людьми. Может, это потому, что всё-таки неожиданной, часто просто удивительной бывает жизнь?

Письмо 34

ЗАВТРА ГАЗЕТА ВЫХОДИТ

Как-то наткнулся на строки известного 50 лет назад писателя Валентина Овечкина, автора "Районных будней". "Надо лезть за темами для боевой публицистики в самую глубинку жизни. И надо нам, конечно, писать гораздо больше, чаще подавать свой голос на страницах газет и журналов. Надо, чтобы и читатели не молчали, — заявлял писатель и добавлял: — Пишем, пишем, а статьи наши уходят как вода в сухой песок".

Моя жена, наверно, имея в виду эту воду и сухой песок, на днях сказала мне:

Слушай, Франсуа-Мари Аруэ, ты, брат, вроде неплохие статейки пишешь, где-то и актуальные, а по газетам тебя, друг мой, я не вижу.

Что сказать моему личному редактору и дражайшей супругнице?

— Ну, дона Рижина, ты мне имя самого Вольтера присвоила, сравниться с каким могут только гении. Я же — простая пешка, пробивающаяся в дамки, агадырский писака, каких по Казахстану тыщи! Эти тыщи я и вижу по газетам и в журналах, а на меня просто поднимают ногу. То ли я крайне бездарен, отчего и впрямь надо завязывать с писаниной да найти себе другое хобби, толи мне вообще надо по-другому подходить к творчеству.

— Но ты же, Абдулла, что-то пишешь, что-то рожаешь — значит, в тебе есть писательская жилка. Как бы то ни было, Антуан, в твоей писанине я часто нахожу интересную фактуру, честное слово, на мой взгляд, достойную газетно-журнальных страниц, только тебя в большинстве отвергают. Или в твоих материалах слаба литературная огранка, или ты поднимаешь слишком узкие темы. При коммунизме, помнится, райкомы да обкомы всегда держали на прицеле ту или иную критическую статью-заметку, а газеты постоянно резюмировали: "Меры приняты", "Вопрос решен", "Ошибка устранена", "Вопрос на контроле", "Нет равнодушию" "Правда восторжествовала", "Критика принята", "Лицом к проблеме" и др. Нынче подобное встретишь редко. Как считаешь, Гумерсиндо, люди изменились, время, или сама печать стала иной?

— Думаю, Антуанетта, все вместе.

— А вот скажи, дон Ачеваль, почему нынче над газетами нет единого хозяина, как это было при коммунизме? Вспомни нашу старую достопочтенную "Союзпечать", киоски которой стояли чуть ли не на каждом углу не только в городах. В них всегда можно было выбрать любую газету — союзную, республиканскую, областную и даже районку. Ладно, то время ушло, покрылось мглой, и нынче речь о наших республиканских изданиях. Где они в наших киосках? Ты видел хоть раз, Бузумбай Калкемович, "Казахстанскую правду", "Новое поколение", "Литер", "Целину", журналы "Простор" и "Нива", областную "Индустриальную Караганду"? И не увидишь! В городах их, может, и найдешь, а на периферии? Продавцы предложат тебе "Спид-инфо", анекдоты, кроссворды, криминалистику. Хозяин киоска с печатной продукцией предложит игральные карты, китайские сумки, лезвия для бритья, надувные шары, мужские подтяжки, прочий шурум-бурум. Как считаешь, дон Педро, терпимо ли такое положение?

— В том-то и дело, матушка Алейда, что не терпимо, но что поделаешь? Ведь рыночная экономика на дворе, всюду главенствует частник. Ну а частнику, дона Химена, разве прикажешь чем торговать? Серьезную продукцию он и на выстрел к своему киоску не допускает, да ее ему никто и не предлагает. В городе он набирает ходовую продукцию и уже у себя дома реализует по своим ценам. Говорят, дело стоит того, никто еще не разорился и по миру не пошел, даже на машинах разъезжают. Всю эту печатную индустрию как "Казправда", "Новое поколение", "Литер", "Целина", "Простор", "Нива", "Индустриальная Караганда" — враз ведь не выпишешь, денег не хватит, а вот разово купить когда-нибудь — не разоришься, да и удовлетворишь свой читательский интерес. Помнишь, Чичерита, до развала Союза мы вы-

писывали с тобой сразу на год целых пятнадцать изданий всего-то в девяносто рубликов? Пенсионер на свои 120 рэ тоже налегал на штук пять-шесть своих любимых, "раздевавших" его всего на тридцатку. Вспомни, Винченция, что мы читали: "Литературную газету", "Неделю", "Труд", "Аргументы и факты", "Джезказганскую правду", "Агадырскую новь", "Советский экран", "Здоровье", "Работницу", "Простор", "Ленинскую смену", "Советскую женщину", "Эхо планеты", "Сибирские огни", "Человек и закон".

— Ты, Абдрахман, и сейчас разоряешься, если что хорошее подвернется. Не подворачиваются для тебя лишь "Простор" с "Нивой", каких ты даже в библиотеке достать не можешь — не поступают они нынче ни в библиотеки, ни тем более в киоски. В Караганде недавно вот достала для тебя, Касымбек, январский номер "Простора", да какая чудо-начинка в нем! Прочитай хотя бы истинный, на мой взгляд, шедевр Ивана Щеголихина "Не стану я искать побед". С первых же строчек речь о книге Ивана Павловича, какую он только что написал, и теперь забота, кто ее издаст. Посмотрела — ну, все просто с тебя списано! У тебя тоже книга уже столько лет как собака на сене — не лает, не кусает, не ластится и не гуляет. Ее даже погладить и прочесть некому, не только издать. Издатель нынче кто? Правильно, — частник. Иван Павлович — писатель с большой буквы, и то у него издательские заботы, тебе же, Калдыбек Саттарович, не видать своей книги как своих ушей. Ты же не унимаешься, удовлетворяешь свое хобби, строчишь ночами, сам не спишь и другим не даешь. Ладно бы — толк был, где-то тебя да поприветствовали бы в пишущем мире, так ведь смотрят на агадырца как на пустое место. А все потому, Мохаммед-оглы, что нынче в республике грамотных много. А что завелся в Адагыре свой писака — невелико событие — такого товару по стране хоть отбавляй.

Подумал, может, и права мой домашний редактор Гульчатай, Винченция, Химена, Алейда и бог знает кто еще из любимых сериалов моей супруги Раисы Ильиничны. Моя жизненная спутница просто влюблена в своих сериальных героинь, потому с удовольствием откликается на имя любой из них. Насчет моей пустой писанины моя Гульчатай, наверно, права, только сделать с собою я ничего не могу. Свое хобби я не ищу, скорее оно само меня находит, и хобби не иначе как продляет мне жизнь.

Письмо 35 ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Нынче, в семьдесят, почему-то вновь вспоминаются далекие кенбидаикские годы. Память высветила и фамилии моих кенбидаикских одноклассников: Николая и Виктора Квасовых, братьев Вити и Шуры Горбатенко, Володи Червякова и его сестры Лиды, Вали, Марии, Юрия и Раисы Анищенко, живших над нами, на втором этаже старенького деревянного сруба. Вспомнились и друзья моего старшего брата — Василий Шевченко, Василий Кармазин, Шавхат Рашидов, Иван, Василий, Мария и Фаина Лестевы, семьи Солдатовых, Кондратьевых, Шехеровых, Волошиных, братьев Едингоферов. Как сложились их судьбы — бог весть, только хочется, чтоб все у них было удачно. Были мы все рождения довоенного, роскошью нас не баловали, хлеб был нашей насущной потребностью, но и его часто не хватало, однако в военные годы выжили, последующие же просто обязывали жить дальше.

И жили. Моя семья — в Жалтыре, где остальные — не знаю. Провинциальный Кенбидаик мало чего мог дать молодой дерзкой поросли, потому их тоже сманили новые земли. Говорили, что Акмола для многих стала второй родиной, на деле же — кто его знает.

А в Кенбидаике, по слухам, сейчас типовая двухэтажная школа, красавица против нашей военной, красивый клуб вместо нашего прежнего приземленного барака, в каком, помнится, вместо стульев стояли длинные деревянные некрашеные скамейки. Детвора уступала их взрослым, а сама примащивалась на полу у сцены. В то время не было детских и взрослых фильмов, да и маленький бензиновый движок мог выдюжить лишь один сеанс.

Где они сейчас, эти дети, мои ровесники? И кто вообще вспомнит о нас? Как заметил Валентин Распутин, "сколько бы ни было на свете добрых людей, их всегда не хватает. И сколько бы ни являлось благоразумия, его недостает, чтобы удержать жизнь в равновесии и не дать ей склониться на опасные пути пиршества и транжирства, которые выбрала в наш век цивилизация".

Моему поколению вряд ли известны эти "пиршества и транжирства", потому как большую часть своей жизни оно боролось за выживание. Годы войны пали на детство, послевоенные — на юношество и отрочество, целинное становление — на выпускные десятилетки, когда в 17-18 лет выбирался путь, часто бедный, безденежный и безотцовский, вынуждавший много пахать, много гнуть спину. О своем поколении я бы сказал, что оно было героем своего времени.

Письмо 36

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Время от времени я посылал свои заметки в различные газеты. Более благоклонными ко мне были железнодорожные: коммунистической поры "Гудок" и наша отечественная "Целинная магистраль". В сентябре 1971-го "Гудок", куда я отправил пару своих статей, предложил работать в редакции штатно спецкором на Азербайджанской железной дороге с проживанием в Баку. Описывали задачи спецкора и хвалили за то, что я коммунист с большим стажем.

Показал письмо своей Кузембайке, но оно ее не обрадовало. И все же предложение было заманчивое. Мне было уже 34 года, и определяться по-настоящему требовала сама жизнь. Слесарная работа, правда, нежирно кормила, мало чего давала для души и сердца, однако меня всегда окружали свои люди, друзья, одноклассники и сподвижники, каких считал частью своей жизни. Оторви себя от них — в чем-то себя обеднишь, а то и вовсе погибнешь. На новом месте, в незнакомой стране, притом такой специфичной, могут учиться только сильные люди с городской душой и темпераментом, а не я с аульной неразвитостью и своей провинциальной кенбидаикской психологией.

В мыслях планировал ответить на предложение Рудермана именно в таком разрезе. Категоричного отказа тут не просматривалось, больше блуждало сомнение, какое уж точно Натан Борисович рассеял бы как сон, как утренний туман. Двойственности и тройственности у меня хватало на троих, колебания были во всем, только чувствовал: они легко восстановятся и станут на прямой путь, получи я второе подобное письмо с тем же предложением и с успокаивающей аргументацией.

Второго письма не получил, а вскоре в "Гудке" увидел портрет Натана Борисовича Рудермана в траурной рамке. Участник войны, журналист от Бога, волею судьбы связавший себя с железной дорогой и "Гудком", умер за своим рабочим столом.

Видно, так было угодно его судьбе и моей.

А "Гудок" по-прежнему меня печатал, иногда, правда, и отвергал с мотивацией: "Рассказываете Вы о человеке с интересной биографией, но очень шаблонно, совсем не показав вашего героя в труде. Он один из лучших машинистов, а как добился он такого успеха, из Вашего рассказа не ясно. Получился не очерк, а биография. Читатель ничего поучительного для себя в таком очерке не найдет".

Такое случилось, кажется, лишь однажды, совет "Гудка" помог мне правильно сориентироваться с очерковой плоскостью и зарисовочными округлениями, где должны выступать живые люди с живой душой, деятельные и характерные, верные долгу и профессии. Ореолом я их не окружал, а уделял внимание их работе и жизни. "Гудок" такие материалы приветствовал.

Мне же оставалось натаскивать себя тем, чему учили в КазГУ Марат Барманкулов и Горислав Колосов по теории и практике журналистского мастерства, а книга Горислава Валентиновича Колосова "Очерк и жизнь" стала для меня настольной.

Мысли о большой писательской вещи терзали меня давно, и только предпенсионный период и сам пенсионный, наконец, усадили за роман "Мои дороги". Дорог в жизни было и впрямь много.

Где-то в 2003-м в своем романе поставил последнюю точку и отдал на контроль своей Рабиге, а больше никому.

У меня получилось, как у Маяковского: нет чудес — и мечтать о них нечего, есть книга, Слепцов и домашнее вече, пишу я душой на народном наречье, а выйти на суд не могу человеческий. А что до издания... Иван Павлович Щеголихин говорил о каких-то 3-5 тысячах долларов за издание 500-страничной книги, а у меня-то их 700! Это надо ещё две-три тыщонки прибавить? С ума сойти!

Читаю "Мои дороги" — все вроде в них есть. Герои — мои друзья по училищу и по работе, их жизненные дороги и моя жизненная тропа, начавшаяся с акмолинского ЖУ. Завела тропа меня в Агадырь на целых 50 лет, наверно, в этом же Агадыре и поставит точку. В романе об этом — размышление, в чем не нахожу ничего предосудительного. А вот о художественности сказать ничего не имею. Я — не писатель, литературных институтов имени Горького не кончал, и, как надо писать книги, меня никто не натаскивал, жизнь делала свое дело, я — свое, жизнь учила — учился и я, мудрила — набирался мудрости и я, переполняла впечатлениями и жизненным опытом — старался выплеснуть их на бумагу.

Письмо 37

МЫСЛИ ВСЛУХ

В наш век и впрямь стало сложно определить, когда наступает старость, где ее продолжение и последняя точка. На Западе не зря почти повсеместно пенсионные сроки в сравнении с прежними нашими выше. В Англии, к примеру, для мужчин — 62 года, для женщин — 60, при средней продолжительности жизни 77,3 года. В США — 65, 62 при 76,8. В Швеции — 62,5, 60 при 78. В Чили — 65, 60 при 75. В России — 60, 55 при 65,9. Во Франции — 60, 55 при 78,2. В Японии — и вовсе для тех и других — 65 при их жизненной дороге в 80 лет. В нашей республике, если верить официальным данным, продолжительность жизни граждан укладывается где-то в шестидесятник с небольшим, что должно бы всех нас просто пугать. Россия и Франция в пенсионных сроках пока консервативны, но надолго ли их хватит, покажет время.

Наш новый казахстанский пенсионный "потолок" наверняка вызван самой жизнью. Однако жизнь многогранна, и в ней не обойтись без исключений. Такими исключениями в рассматриваемом вопросе должна бы стать дифференциация пенсионного возраста для людей некоторых профессий. Шахтеру, человеку у мартена, локомотивщику, водящему поезда, подобный рубеж — в 63 года, несомненно, высоковат, что подтверждает практика.

Железнодорожные поездники-локомотивщики негодуют из-за введенных для них пенсионных 63 лет, тогда как чуть ли не с самого Великого Октября они были неизменными: в 55 при поездной практике в двенадцать с половиной лет. Нашей казахстанской Думе, говорят они, надо бы хорошенько проанализировать условия их работы. При современной тепловозной и электровозной тяге работа, безусловно, полегче, но вовсе не стала менее вредной для локомотивных бригад, чем на угольном локомотиве. А медицине нашей хорошо известны профзаболевания локомотивщиков. Требования на профпригодность для поездной работы остались прежними, они жестки, но справедливы.

Восемь дополнительных для поездников предпенсионных лет уже приносят предприятию, где они трудятся, немало проблем. Дотягивая до 55, эти трудяги на здоровье вроде не жалуются, но строгая медицина, как и на Аэрофлоте, часто находит у них отклонения, несовместимые с их работой, и таких людей от поездок отстраняют. Руководители локомотивных депо становятся в тупик — куда определить человека, какому до его узаконенного нового пенсионного возраста надо пахать еще восемь лет? Отцов этого пенсионного вердикта, говорят возмущенные поездники, надо бы самих посадить на локомотив, чтобы они лет пятнадцать провели в грохоте солярочного тепловозного дизеля и столько же поездили на электровозе под напряжением в 27 тысяч вольт!

Смотреть на отчаявшихся людей, по 20-30 лет водивших поезда и достигших нынче своих 55 и даже 60, но списанных с поездной работы, и впрямь просто больно. Сами же локомотивщики говорят: уйди они на пенсию как прежде в 55 — рабочие места раньше освободятся для молодых, среди которых нынче безработного народа много.

Говорят, в последние годы для поездников сделано послабление и теперь они приказным уведомлением выдворяются с поездной работы в 59 лет на 40 тысяч тенге до исполнения им 63 лет, когда им уже на законном основании выдадут корочки казахстанского пенсионера с пенсионным хлебушком в 15 тысяч тенге или около того.

И последний "сор" из избы. Долгое время у нас было это самое, что мы так часто доставали из широких штанин. Теперь на смену серпасто-молоткастому в нашей республике пришло небольшое, небесной голубизны избрание с игральной карту, какое и нарекли удостоверением личности. Откуда брались параметры, цвет и "начинка" казахстанских заменителей советских паспортов, канувших в Лету по всему СНГ, — неизвестно, только

наши удостоверения — красивая и удобная глянцевая карточка или картонка с фотографией ее владельца, какие, говорят, существуют только в цивилизованном полушарии. Достал из кармана, показал кому надо, секунда — и известно, кто ты.

Какую информацию несут такие мини-паспорта о человеке на том крутом Западе — бог весть, только у нас она несколько скудновата. Возьмем первую такую карточку-удостоверение, выданную до 2000-го года. На лицевой стороне — фотография, фамилия, имя, отчество, год рождения — все как положено, чуть ниже — фамилия, имя, отчество в английской транскрипции, в самом же низу — море цифр с буквенными вкраплениями. На обороте — номер удостоверения и подстрочники — место рождения, национальность, место проживания, кем выдано удостоверение, дата выдачи — все коротко, конкретно, дешево и сердито. Опросник без вопросительных знаков сделан, остается прочесть лишь ответы, типографски набранные крупно и жирно с четким буквенным интервалом, как жить им, по МВДэвской отметке, как бы не целых тридцать лет. Дальше, в графе "место рождения и проживания" указана лишь область, без всякого района и населенного пункта, что означать может одно: между небом и землей.

То ли таково было указание по всей республике, то ли это новшество региональных спецорганов, только подобное удостоверение уже 2003-го года графу проживания высвечивает в более полном объеме, приплюсовав к области район и населенный пункт, которые должны бы оставаться важными во все времена. А место рождения так и осталось лишь в областном оповещении, какое в сравнении с привычными обширными данными по этой графе у серпастых теперь даже обижает человека своей скудностью.

Откуда все это и почему так? Можно бы сделать скидку на человеческую натуру, только обвинить предков в чрезмерном внимании к паспортным документам, наверное, было бы ошибкой, потому как их деяния проверены временем. Где гражданин проживает и конкретно прописан, должно бы бросаться в глаза в первую очередь, что ориентировало бы любого заинтересованного человека. Наши удостоверения личности ничего этого не дают, как и те же 32-страничные паспорта гражданина Республики Казахстан, какие в нашей державе тоже имеются. Без них, золотых, до недавнего времени к билетной кассе на выезд в СНГовское зарубежье не только на пушечный, на самый залповый выстрел не допускали. В этом личностном гербовом документе много места, где о человеке можно написать целую жизненную поэму, дав данные о месте его рождения, проживании на последний момент на конкретной улице и в конкретном доме, женат ли он и на ком, есть ли дети и вообще семья, что в прошлом всегда имело место. Разве не

нужны эти сведения и теперь? В удостоверении все это разместить невозможно, да, наверно, и не нужно, а в многостраничном нашем гербовом фотолианте — не мешало бы.

В нашей жизни чего только не случается. Идет-едет наш гражданин по своему городу или закордонно — СНГовскому, и с ним какое-то ЧП — тот же инфаркт или нередкое в наши дни ДТП. Кому сообщить о человеке из экстренной лечебки? Паспорт, сколько его ни листай, кроме фамилии, ничего о своем хозяине не сообщит. Все необходимые данные, уверяют знатоки, выдать могут те самые цифровые полчища, какие напичканы и в паспортах, но — лишь по компьютеру, находящемуся в соответствующих органах. Коль все это так, — для чего вся эта карусель, кто над нею работал, планировал, компьютеризировал?

Старая паспортная система и технология оправдывали себя целую человеческую жизнь, и потому изобретать велосипед на ее основе, думается, накладно и нерационально, и восторгаться взхлеб нашими удостоверениями личности и паспортами не стоит.

Письмо 38 ЖИЗНЬ, БУДЬ ДОБРА

Долгое время образование и лечение были у нас бесплатными, и только наш постперестроечный СНГовский век, погруженный в рыночную экономику, создал на альма-матерном и гиппократовом пути труднопреодолимые пороги.

И все же простые люди мечтают сделать нашу медицину и образование бесплатными, как в Арабских Эмиратах. Почему именно в Эмиратах?

В этой неимоверно богатой стране образование и медицина бесплатные. А теперь люди открыто возмущаются: были же бесплатные времена у нас до распада Союза!

Мы десятилетиями громко и торжественно подводили трудовые итоги и на весь мир намечали шаги на будущее. Эти шаги воплощались в "самых

крупных” в мире гидроэлектростанциях, в такой самой протяженной в мире железнодорожной магистрали, как БАМ, в самом крупном в мире экибастузском угольном разрезе “Богатырь”, в наших самых первых спутниках Земли и самом первом полете советского человека в космос. Мы всюду и во всем старались быть первыми, потому как наша социалистическая государственная система опережала и превосходила капиталистическую, значит, ей и суждено было через годы стать мировой системой.

Пенсионеры и вовсе категоричны — пусть не повышают пенсий, но лечение сделают бесплатным, как при социализме. Нынче, когда кладут в больницу, — неси с собою простыни, наволочки, домашние тапки, к тому же не забудь напомнить домочадцам трижды накормить тебя домашним. В городских больницах, говорят, накормит больничный буфет, но за твои собственные, на периферии же буфеты — непозволительная роскошь.

Нам надо кое-что брать из прошлого для силы и утверждения настоящего и будущего.

С образованием же, негодуют люди, у нас вообще полный швах. Уж где-где, а в этой части нашего бытия ошибки могут оказаться просто опасными. Учеба — это время, годы, наверстывать какие, коль они были упущены, не всегда удастся, потому как жизнь наша слишком скоротечна. Пусть нынче новое веяние, рыночная экономика, перестроечные процессы, образование у нас, как в тех же Эмиратах, должно быть бесплатным. Кому-кому, а эмиратовским гражданам наверняка есть чем платить за учебу и лечение, только государство освобождает их от этой зависимости. Зачем Казахстану худший пример богатого Запада и наших друзей в СНГ? Да пусть там и за воздух платят, каким дышат люди, а нам следовало бы воздержаться — ей-богу, не пообедем. Какой-то десяток-полтора лет назад нам было бы просто дико требование оплаты из своих кровных за разные альма-матер, бурсы и прочие ликбезы. Негаснущий лозунг “Знание — сила” наверняка останется мобилизующим и в наступившем столетии.

Без специальности нет работы, без учебы не приобрести специальности. Молодые люди в прострации и отчаянии, рушатся их планы выйти в люди, осуществить свою мечту — иметь работу, хорошую семью, свой угол и машину — в наш машинный век это норма.

Нынче деньги решают многое, делают карьеру и возносят на немыслимые вершины, делая известными на местах и в округе, вблизи и неведомом далеко. Что удивительно, добиваются успехов по жизни молодые люди часто без всякого ученичества и коридоров высшей школы. Как это им удается — бог весть, только подобное случается и вызывает особую зависть.

И все-таки я уверен, что платное образование не родит “собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов”, своих Ломоносовых и Менделеевых, Абаев и Львов Толстых, Ауэзовых и Сатпаевых.

Письмо 39 АХ, ЧАЙ!

Пивал я чай в разных местах нашей республики и, конечно, дома. И понял, что вкус чая повсюду разный.

Жена моя старается угодить мне, поскольку знает, какой я любитель нашего казахстанского чая. В магазинах она налегает на изысканные, по ее мнению, “Принцессу Нури”, “Ассам”, “Пиалу”, “Аламан”, “Шах”, “Жемчужину Нила”, “Рахмет”, “Индиру”, но угнаться ей за чаем, какой готовят соседки по площадке и по подъезду, не удастся. Не удастся добиться вкусоности чая, какой готовят подруги Кадиша, Акмарал, Дарига, Сауле.

Дома мы пьем чай со сгущенкой и сливками, но это все равно не тот вкус, что у этих милых женщин. Попробовала жена разориться еще на какие-то новые сорта чая, добиваясь необыкновенных вкусовых ощущений и неповторимого запаха, но опять не угналась за подругами.

Домашние чаи, приготовленные моею женою, я пью без претензии, получаю свое ощущение и свою бодрость, но у казахского чая, говорит жена, все равно своя привлекательность и свой неповторимый вкус. Пивал я чай и в Астане, и в Караганде, но такого, как готовят женщины-казашки, не встречал нигде. Убеждался в этом, гостя у друзей Абдрахмана, Бахыта, Сегизбая. Как с чаем справляются их жены — не представляю, и дома говорю жене: “Учись!”

В последнее время у моей жены и правда вроде что-то начало получаться — видно, уроки Кадиши, Акмарал, Сауле да Гульчатай начали давать свои плоды. И правда, что-то у чая есть секретное, недаром же показывают по телевидению методику приготовления японского, китайского и казахского чая! Методики разные, отчего, наверное, и вкусота его разная. От

чая что требуется? Бодрость, широта души, ее теплота. От чая, говорят, и душа молодеет. Раньше, при коммунизме, мы пользовались в основном грузинским чаем, и ничего, довольствовались и вкусом, и запахом того, что нам поставлял Кавказ. Теперь времена изменились, теперь в ходу чай индийские да цейлонские, со своим вкусом и ароматом. Они вкусны и ароматны, но именно секреты приготовления делают их особенными. Отчего и в песне поется: "Ах, чай, чай, чай, наш казахстанский чай..."

Письмо 40 УНТЕРША

Не знаю жизни... И как только язык поворачивается сказать такое? Да я уже пятнадцатый год как на заслуженном отдыхе! Не надо рано вставать, куда-то спешить, управляться со скотинкой, что было в далекой молодости. Если бы не война, может, так и осталась бы в своей Веселовке, но судьба и люди распорядились иначе: я попала в город, да так и осталась там на всю жисть, сама в люди вышла, да и детей вывела. Теперь-то что? Выходи во двор, садись на лавочку и наблюдай, как жизнь кипит вокруг тебя...

Ну чего, скажем, этот, что в очках, из третьего подъезда? Думаете, он путевое что-либо носит в своем портфеле, бумаги какие-то? Как бы не поперхнуться — бутылки у него там, и все больше из-под винища! Ну, вино, оно и не свалит сразу, даст посмаковать да помечтать, а с водяры, как принято нынче называть "беленькую", скопытишься с ходу, удовольствия не получишь, да наутро и болезнь на голову забьется.

Или эта, которая в мини, из второго подъезда? Господи, чего там выставлять! Не ноги, а спички, а все туда же — подловить мужичонка какого. И ведь окрутит таким образом... Мужик нынче какой-то аморфный пошел: ну, мини и мини, плюнь на безобразие и иди своей дорогой, так нет же, пялит глаза, и уши шевелятся.

А фифочка из первого подъезда? Даже летом в брюках. Ширина у штанин, что у Амура-батюшки, двор так и метет, так и метет, за ней даже дворник Митрич не успевает: полюбуется ее работой, обмахнет усы, улыбнется и принимается за свою метлу — не доверяет, видать, молодым. Эх, да в старину, бывало, и вовсе не знавали никакой там ширины да ужины! Пойдешь, бывало, зимой на Старицу белье полоскать — коленки ядреные от мороза, и на душе легкость и озорство. И ничего, детей рожали, да не как теперь, а по десять-двенадцать душ бывало. Теперь же если на весь наш сорокаквартирный наберется столько, то и слава Богу. А ведь живут не как мы когда-то, в ондатру да цигейку кутаются, ноги в меху и на голове мех.

А деньги? Ну, дуры-девки цены им, вижу, просто не знают! По ресторанам шляются? Шляются. По разным кафешкам да забегаловкам шлюндрают? Шлюндрают. Ладно бы с одним и тем же мужиком, так ведь с разными! Что ни вечер, гляжу, разные подкатывают на машинах, да всегда на разных марках и разных расцветок. И что ж, думаете, все это им даром проходит? Нынче даром и чирей не сядет, не говоря уж о любовных историях, которые неизвестно как начинаются. А кончаются они так, как и положено им кончаться — больницей или, что совсем редко, роддомом. Какие ещё не потеряли совесть, так принесут деток и растят, воспитывают, нового человека своему государству дают. Война-то сколько их прибрала? История называет цифры, а жизнь их все равно опровергает. И, наверное, всей правды никогда не узнать ни нынешнему поколению, ни тем более потомкам...

А в старину как бывало? Девушка пряжу прядет, а парубок шерсть скубет да прялку налаживает, чтобы нить не рвалась и одинаковой по толщине была. Так дни и проходили, а вечерами, коль летом, на спевки ходили, в праздники — цветы собирали да веночки вязали. И чтобы парень прикоснулся или, не дай Бог, поцеловал? Да не бывало такого и в помине! С поля приходили и парни, и девки, работой все замордованы, а на гулянку все равно тянет — жизнь-то, она человеком и сотворена. Парубки и девки в двадцать годков, а боялись за руки подержаться, потому как Бога боялись и людей стеснялись.

А нынче? Господи! Пятнадцатилетние сосутся, как поросята, у всех на виду! Вокруг себя никого не видят, ни детей, ни стариков не признают, своими ручищами куда только не достают. Ладно бы ночка-матушка была: людям не видно, пред Богом не стыдно, ну и темнота все спишет, потому как темные дела только ночью ведь и делаются. Так нет же, видно, мода такая пошла — хоть и интимная вещь, а тащи ее

наружу. И тащат ведь! В деревне, правда, может, и постесняются, потому как все друг друга знают, могут и осудить прямо в глаза, потому как деревенский человек — открытый человек, прямой, хотя и милосердный, правду-матку выскажет для порядку и общей нравственности.

А в городе чего? В моем, скажем? Народу — тыщи, машин — тыщи, молодыми впрямь уединиться негде, кроме как на лавочке у дома, где тыща глаз и тыща окон, или на пешеходной дорожке в ближайшем парке. Пойдешь в этот парк, чтобы размяться да подышать зеленью, вот и видишь все эти нынешние любовные реальности, граничащие с полным безобразием, несовместимым ни с прошлым веком, ни с прошлым понятием человеческого достоинства.

Вот идет старуха — ну, я, к примеру, — опирается потихоньку на свою палочку. Молодые на нее ноль внимания и два кило презрения и что-то говорят о палочке — наверное, осуждают или критикуют мою клюку. А я чего? Иду своей дорогой, палочка моя не ахти какой отделки, не полированная и не точеная, лишь покрашена невыгорающей на солнце краской, какая спасает, однако, от усталости: обопрешься когда и отдохнешь, где и от прогулочных собачек отобьешься, потому как они боятся любой палки в руках, соображая, что это все-таки оружие...

Вот такие-то дела. Во дворе меня с недавних пор тоже почему-то стали кликать Антоновной — ну, но тому самому сериалу "Пять минут до метро". Ладно, там настоящая Антоновна, а я-то Кузьминична! Об этом весь двор знает, только зачем такое сравнение? Я ни к кому не цепляюсь, никого не упрекаю, в личные дела жителей своего двора и всего дома не вмешиваюсь, а если и скажу кому какую-то правду, так это же без злобы и на общую пользу.

А одна тетка и вовсе почему-то обозвала меня унтершей, говоря, что я просто роднюсь с тем самым, литературным. Не знаю, какое у нас сходство? Я уже и домкому пожаловалась, а прозвище просто прикипело. Эта чертова тетка говорит, что я днями сижу на лавке и все замечаю. Мол, тебе бы, старая, лучше у телевизора сидеть да там все анализировать, а не целыми днями на лавке обозревать каждого да смеять, куда и к кому он пошел, чем занимается, что принес и что вынес. Мол, ты, старая, все равно жизни не знаешь, судишь ее по-своему, пусть и про себя, только все равно по своей старой мерке. "Ты, Антоновна, хоть и не точная сериальная копия, в тебе меньше вреда, однако со своими сверстницами когда-никогда ты все-таки впечатлениями делишься. Пусть без злобы и подковырства, а все равно с каким-то

упреком. Ты поделилась просто так, без злого умысла, а бабки твои все ио-своему истолковали на сторону..."

Да, вот и пойми нынешних! Выходит, никому ничего говорить нельзя, делиться своими впечатлениями ни с кем не следует и лучше всего держать свой рот на замке, как партизан на допросе — и себе не создашь проблем, и людям. Нынче в людях сумасшедшая энергетика, потому надо приучать себя к низкому напряжению.

МОИ СТИХИ

Думы о Малаховке...

Ах, давно мы не были с дорогой супругой
В Малаховке, что где-то рядом близ Москвы,
Какая нас, варягов, приняла, как друга,
Где, может, побываете со временем и вы.

В ней нет домов бывшего московского фасона,
И в целом от Москвы здесь — тишь да благодать,
Здесь ты без толкучки купишь патиссоны
И сможешь дефицит любой из-под земли достать.

Здесь добрая базарная приветная толкучка,
Где можешь прикупить ты даже крокодила,
А в магазине спустишь заначку и получку —
По ним моя супруга больше и водила.

В Москве при коммунизме мы просто отдыхали
В равных домах отдыха и всяческих турбазах,
Вот так с женой Малаховку мы просто пропахали,
Где я еще к тому же и по музеям лазал.

При коммунизме брежневском мы ездили в столицу,
Просто чтобы отпуск здесь свой провести,
Доярки прорывались, чабаны и лица,
Кому себя хотелось по-новому найти.

Дикарем в столицу нынче не пробиться,
Москва бывая нынче не наша и не та.
Хочешь по старинке на ВДНХ крутиться?
Запасись терпением — не та здесь красота.

А в Москве движение — такого не бывало:
Пробки сплошь и рядом, таков нынче век.
Москва век коммунизма тихо прошагала,
И в ней теперь родился новый человек.

А новый человек и жизнь сделал новую,
Он теперь по-новому смеется и грустит
И не говорит, что жизнь у нас бедовая:
Хочешь стать Рокфеллером — так не скупись, плати

Плати за обучение, лечение и мучения,
За туалет общественный тоже заплати,
Плати, что ты родился, за всякое кручение,
За то, что со страной тебе не по пути.

Плати за то, что едешь ты по чужой дороге,
За то, что на песочнице гуляет детвора,
За то, что пересмешники не творят тревоги
В театральных креслах с вечер и до утра.

А ведь были дерзкими райкинские вещи,
Попугай Хазанова так вообще затих,
Критические вещи теперь совсем не блещут,
Жанр юмористический так по-бойцовски сник.

А все как СНГ блуждает по планете,
У какого ни земли, ни Президента нет,
Какой, однако, числится в каких-то документах
И как-то выплывает на Божий белый свет.

Что будет с ним в дальнейшем — мир того не знает,
И станет ли когда-то он общео страной?
Мир этот СНГ никак не принимает,
Отгородившись политической от него стеной.

Внучке

Господи, Марина, тебе уж двадцать восемь,
И у тебя пока две чудные дочурки,
Какие постоянно у мамы что-то просят,
А у папы трогают потухшие окурки.

Утрами вы сажаете их с папой на колени,
А они вертлявые, как их дружок-котенок,
Нет у них покоя, спокойствия и лени,
Они во всем подвижны, как и любой ребенок.

В садике девочки водят хороводы,
В играх так являют собою Чебурашек,
Пальчиками трогают цветы, как цветоводы,
В тетрадках же стараются все делать без марашек.

Такою же была и ты у нас, Марина,
Тебе мы потакали, как помнится, во всем
И даже называли тебя какою-то Кариной,
С которой ты дружила в садике своем.

Дед с бабушкой, Марина, и нынче ловят время,
Чтоб тебя и деток в Алтайке повидать.
Нам ехать на Алтай: есть старческое бремя,
И где туда дорога, пока нам не видать.

Однако мы соскучились по внучке и правнучкам,
Так что мы душою с вами и у вас,
У нас же — пенсионная скучная текучка,
Не радует какая ни душу и ни глаз.

И все ж, Марина, на Алтай мы все-таки стремимся,
Пусть только отпускное времечко сойдет,
Тогда вагонный люд покрепче растворится,
И поезд наш, возможно, свободнее вздохнет.
И причалит нас в Барнаул прилежный,
Ну, а здесь, как водится, появись и вы.

Мы обнимем вас по-стариковски нежно,
А вы помчите нас к Алтайке и к Оби.

А там родимый дом и ваши ребятишки,
Алтайское застолье, алтайская родня,
Купанье на Оби, алтайские делишки
С редакцией газеты, что радует меня.

"Наш Новоалтайск" знает казахстанца
И даже представлял ему скромные страницы.
С годами казахстанец нисколько не зазнался
И редакционные даже помнит лица.

Ну, а твои дела, дорогая внуча,
Нас с бабулей радуют, как и все в тебе:
Столько лет вы с мужем на алтайской круче,
Но мы-таки завидуем твоей живой судьбе.

Как и тому, что стала ты российскою гражданкой,
Хотя и родилась в родном Агадыре,
Уехав из него с детскою скакалкой,
С какой не расставалась даже во дворе.

Двадцать лет как ты считаешься алтайкой,
Поселившись где-то прямо у Оби,
У тебя и дом по-алтайски яркий,
Отчего ты просишь: "Боже, пособи!"

Пособи мне, Боже, вырасти девчонок,
Чтоб они не знали никаких болезней,
Чтоб не знали жизни, как теперь, крученой
И стали для Алтая женщиной полезной.

Чтоб они не знали, что есть несчастья в свете,
Чтоб вообще не знали никакой беды,
Чтоб они не знали, как страдают дети,
Когда, бывает, в доме нет хлеба и воды".
Нынче таковое еще в миру встречается,
О том и Интернет, и небо говорит.

А ваша жизнь, Марина, пусть ровненько вращается,
И пусть над вами луч добра божественно горит.

Ну, а там судьба и жизнь распорядится,
Кем им на Алтае от рожденья стать:
То ли на подмостках театров веселиться,
То ли на компьютере Вселенную считать.

А может, они станут заправскими ткачихами
И станут нас в сатины и бархат одевать,
Может, даже станут отменной поварихой,
А может, просто станут — героиня-мать.

У калины

Ой, стою у калины расцветшей,
Где и нынче поют соловьи,
Я жалею о детстве прошедшем,
Так состаривших годы мои.

У калины встречались рассветы,
Ее ветви любовью цвели,
Здесь поэты писали сонеты
И по жизни с поэзией шли.

И я тоже с калиной роднился,
Ее ветви руками ласкал,
Здесь в любви своей первой стыдился
Той признаться, что долго искал.

Но калина нам что-то шептала —
Волшебство из природы своей,
А потом и свидетелем стала
Нашей жизни с подругой моей.

Мы теперь у калины с внучатами,
С их шумливой у веток игрой.
Эх, мое детство, войною начатое,
И сегодня стоит предо мной!

У внучат это детство — счастливое,
Они в новое время живут,
Все для них в этой жизни красивое,
Что потомкам они понесут.

О наших юмористах

Ах, где вы юмористы великого Союза —
Ещенко, Хазановы, Петросяны... Где?
При вашем выступлении веселилась муза,
И народ смеялся по стране везде.

В Союзе юмористы ценились пуще Бога —
И Райкин, и Хазанов, и тот же Петросян.
Родились, видать, они у своего порога
С юморной начинкой, что нравилось всем нам.

Ах, какие были времена летучие!
Где непорядки виделись — ставилось на вид,
Все старались сделать жизнь красивее, лучше,
И ниоткуда не было упреков и обид.

Сцена умиляла смотрительную публику,
Но миллионы видели и голубой экран,
Выводы же делала каждая республика,
Какие любят Библию, другие — чтут Коран.

Как-никак, а юмор — нашей жизни жила
И житухи нашей чистая душа,
Юморной народ она кругом водила

И где-то замечала: жизнь нехороша.
Где-то умудрялись пригреться лодыряги,
На колхозном рынке — приезжий спекулянт,
Кавказские товарищи гнут свою отвагу,
А среднеазиатские так всюду жить спешат.

Они на всех московских и примосковских рынках
Сколачивают денежку, где только Бог дает,
Они и на строительстве работяги пыльные,
За деньги из них каждый и на тот свет пойдет.

Юмористы видят и богов-карманников,
Какие вас обчистят, не прикасаясь к вам,
Видят привидения по стране начальников,
Какие прикипают к торжественным словам,

Обещая вам жилье-многоэтажку:
Только, дорогие, денежки вперед!
Люди у нас верят вывеске-шарашке,
И тут же всю заначку каждый отдает.

Время дело делает свое неумолимо,
А дома как и не было, так нет и до сих пор...
Народ идет к начальству с бедой неотвратимой,
Которое не ведает, о чем тут разговор.

Фирмы сей строительной в миру не существует,
Бланки и печати — то дребедень и "липа",
Полиция, конечно, в миру искать их будет,
Хотя они притерлись к живительным полипам.

Попробуй, оторви их от мирового кресла —
У них на то есть деньги и российский ум!
Российская находчивость у них давно воскресла,
А в нынешнее время не нужно лишних дум.
Российскую лишь хватку ты сохрани в крови
И забудь, что значит совесть, честь и долг,
Забудь и о какой-то к Родине любви:
Ты отдавал ей многое и все, что только мог.

Ну, а жизнь тебя не радовала песней,
Порадовать не в силах был даже Винокур,
Твой накал российский по-русски треснул
И ты стал близ Нью-Йорка российский балагур.

У тебя сейчас нет ни родины, ни дома,
Нет русского Заволжья и сибирских рек,
Нет нашего русского любимого порога,
Нет того, чего бы ты как верный сын берег.

Ну, а жить скитальцем — это мы умеем:
Живали же Тургенев, Бунин да Махно!
Рахманин, Милюков и Троцкий жил без цели,
Им гордиться Родиной было суждено,
А их Россия славилась — от века и давно.

Нет, мы не завидуем нынешним скитальцам,
Поэтам, композиторам, артисткам и артистам:
Пусть уподобляются они сегодняшним паяцам,
А Родина любила их искренне и чисто.

Их любим мы и нынче, кто сегодня с нами
В душном СНГ и голубой России,
Пусть их обойдут миграции туманы,
Как бы их Нью-Йорки с Парижем не просили.

Моя неделя

Понедельник издавна звался — день тяжелый,
В этот день, и правда, не ладятся дела:
Утром кот ученый возвратился голый,
И утром мужу женка заданий не дала.

Со вторником я лично пытаюсь подружиться:
В этот день приносят газеты запоздалые,
Какие заставляют над каждой забыться,
Вычитывая новости — новые и старые.

По средам у меня баянная отдушина
С хором ветеранов под именем "Сударушка":
Они на репетициях поют и сами слушают,
Срывая на концертах "браво", "бис" и ладушки.

Ну, четверг в народе по праву кличут чистым:
В этот день я с банькой издавна дружу.
Похлестаться веничком дано и гармонисту,
В чем противоречий никак не нахожу.

А пятница женою разложена по полкам:
Все сделано, чтоб каждого не коснулся стресс,
Чтобы все крутилось и вертелось с толком,
Настроившись на "Поле" — то самое, "чудес".

Суббота для меня — день старческих прогулок:
Четыре километра бреду я не спеша.
Тропинка во степи — то и тропинка думок,
К каким присоединяется и моя душа.

Воскресный день обычно застает за книжками
То Пушкин подвернется, то Александр Блок.
Жена, бывает, правда, гонит их делишками,
Но все ж я возвращаю прерванный урок.

Такая вот у нас с женой неделя пенсионная...
Прозе ж и поэзии я отдаю луну:

Она со мною тоже бывает откровенная,
Когда я в ее свете к листам своим прильну.

Играй, гармонь

Ой, гармошка, жару дай,
Как было по старинке!
Всех веселых приглашай
К нам на вечеринку!

Разверни, гармонь, меха,
Улади нас песнею,
Приглашай в круг жениха,
Да с красой-невестою.

Ах, гармошка, не скупись
Нотками веселыми!
Ну-ка, круг наш, расступись,
Дай нам пляски новые!

Выходи на общий круг,
Парочка влюбленная.
Вас поддержит общий друг —
Песня окрыленная.

Ах, играй, играй, гармонь,
Радуй нас и осень!
Всколыхни ты нашу кровь,
О чем мы кнопки просим...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ....

Эти стихи написала моя внучка Марина Слепцова, когда ей было 16-19 лет.

Сейчас Марина живет в России, воспитывает двоих детей — моих правнуков. Я рад, что любовь к слову передалась ей от деда. Надеюсь, что и правнуки вырастут такими же талантливыми людьми, как их мама.

О, люди, дайте мне совет
В этой любви жестокой,
Ведь мне всего 16 лет —
Жить начинаю только.
Неужели правда, что любовь
Горя приносит немало,
И придется страдать вновь и вновь,
И это только начало?
Придется постичь измену, обман,
Любовь порой проклиная,
И всё для того, чтобы пацан
Лишь обратил внимание...
Зачем же тогда нужна любовь?
Ведь без неё жить легче.
Если хочешь любить, то готовь
Силу и нервы покрепче!

Русалочка

Море тихо ласкало берег,
На скале русалка сидела.
Вдруг слеза на грудь упала,
И русалочка запела:
"Почему же мне нельзя
Человека полюбить?
Почему же я должна
Свою душу погубить?
На дне морском
Есть жемчуг и кораллы,
Но нет любви —
Так много и так мало.
Я так хочу любить и быть любимой,
Но я должна мечты свои забыть
И душу свою девичью губить".
Лишь чайки слышали её слова,

А ведь она была права.
И у русалки право есть
Любить и быть любимой,
А не по океанам и морям
Всегда лишь быть гонимой.

Смерть

Нет, смерть ведь счастья не приносит,
Она приносит лишь печаль,
С собою жизнь она уносит,
Людей ни капли ей не жаль.
Когда меня ты бросил вдруг,
Хотела с жизнью я покончить,
Постылым всё казалось мне вокруг,
Решила без тебя я жизнь закончить.
Взяла я в руки димедрол
И вдруг подумала о маме:
Ведь смерть моя, как в сердце ей укол,
И навсегда останется там рана.
И сколько мук, и сколько боли
Доставит смерть моя родным и близким,
Страдания я оставлю только —
Этот поступок будет низким.
Нет, не умру я ни за что,
Я буду жить врагам назло!
И лучше я найду раз в сто
Парня достойнее его.

И снова осень наступила,
Сентябрь на календаре.
Зачем тебя я полюбила?
Зачем я мучаюсь теперь?
Вот ночь, на улице темно,
А я лежу и слёзы лью.
Уже все спят давным-давно,
А я всё Господа молю:
"Верни, верни его назад,
Пусть он приедет, пусть вернётся!
Ведь без него мне жизнь, что АД,
И РАЙ, когда его рука моей коснётся.
Пусть он приедет, я прошу!
Тогда на сердце легче станет.
Его я взглядом провожу,
И слёзы литься перестанут".

На улице осень,
На душе пустота.
Мне трудно одной,
Не могу без тебя.

Подруга

Ты знаешь, я его люблю.
Зачем его ты привлекаешь?
Я ночью часто слёзы лью,
И ты прекрасно это знаешь.
Но продолжаешь с ним ходить,
Хоть сердце отдано другому,

Советуешь его забыть
И продолжаешь с ним ходить.
Когда целует он тебя,
Твои уста не отвечают.
Зачем ты мучаешь меня,
Подруга лучшая моя?

(Посвящается Н. А.)

Прощание

Прости за то, что завлекала,
Любить тебя я не могу,
Уже тогда я точно знала,
Что без него я пропаду.
Когда тебя целую в губы,
Его в мечтах я представляю.
Его, нет, точно не забуду,
И ты поймёшь меня, я знаю.
Простить? Не знаю, сможешь ты,
Но точно знаю — не забудешь.
Я буду лишь твои мечты,
И вспоминать меня ты будешь.
Прости, прости и не держи,
Мне трудно быть с тобой,
Прости, прости и не грусти,
Ты очень клёвый Боу.

(Посвящается К. Д.)

В кругу друзей на шумной вечеринке
Она сидела молча за столом,
В больших её глазах блестят слезинки,
В груди застрял рыданий ком.
Ещё совсем недавно веселилась,
Шутила, бегала, смеялась, как дитя,
Но вдруг всё резко изменилось,
Не захотела жить шутя.
Влюбилась в парня всей душой и телом,
Ночами бредила, любя,
И даже в школе белым мелом
Писала: "Я люблю тебя".
И парень тот взаимностью ответил,
Решился наконец-то подойти,
Ведь он давно её приметил,
Не знал вот только верного пути...
Прошёл уж год, они всё вместе,
И выпускной бал впереди,
А летом быть уж ей невестой,
И детство где-то позади.
Но счастье долго не продлилось:
Однажды вечером, весной
Несчастье страшное случилось —
Он весь в крови приполз домой.
В груди два ножевых ранения,
Лицо его избито в кровь,
И никакого нет сомнения:
Он умер и не встанет вновь...
И вот сидит одна на вечеринке
И смотрит на друзей своих,
В глазах её по-прежнему слезинки,
Ведь нет его среди них.
Но острый нож хватает вдруг
И в грудь себе вонзает,
И помутнело всё вокруг,
И всё куда-то исчезает.
И слёзы больше не блестят,
Улыбка снова появилась,
А все вокруг неё кричат,
Но сердце уж остановилось...

Ты ушёл, не сказав "прощай",
И сердце готово разбиться,
Но не думай, милый мой,
Что от этого я буду злиться.
Ты уходишь? Ну что ж, уходи!
Пусть счастливою будет дорога.
Всё забыто, любовь впереди,
И счастливых дней будет много.

"Ненавижу!" — я тебе сказала,
А в душе подумала: "Люблю!"
Сколько дней я мучилась, страдала
За такую вот любовь свою.
Ну, а ты? А ты всё издевался,
Пил, курил, с девчонками гулял,
А потом в любви мне признавался,
Только одного не понимал:
Сердце, ведь оно не камень,
Кровь, она ведь не вода,
Ты меня так больно ранил,
Как никто не ранил никогда.
Всё, прощай! Не надо объяснений!
Я смогу, поверь, тебя забыть.
И теперь, не может быть сомнений,
Я смогу другого полюбить.

Как больно друга хоронить,
А вместе с ним любовь и счастье.
Как трудно мне его забыть,
В душе моей одно ненастье...

Что жизнь? Игра,
А люди в ней актёры.
И каждый с ночи до утра
Играет свои роли —
Роль адвоката, роль певца,
Роль матери, а может, роль отца.
И каждый с изменением среды
Меняет маски и характеры свои.
Подлец под маскою любой
Всегда останется собой.
Ни маска, ни костюм, ни борода
Не скроют сущность личности, конечно, никогда.

Мать

В глазах моих стоит картина:
Повсюду кровь... Толпа... Мужчина...
И женщина кричит: "Сынок мой! Боже!
Да на кого же ты... Да что же...
Не умирай, ты нужен нам!
Я лучше жизнь свою отдам!"
И сын, губами еле шевеля,
Шепнул ей: "Мама... я люблю тебя..."
Да, умер сын, а мать осталась

И долго правды добивалась,
Забыв печаль свою и горе,
Пороги обивала прокурору.
Вот, наконец, судья выносит приговор,
Убийцу салят под затвор,
Всего лишь восемь лет свободы забирают
И видиться с родными запрещают.
Но мать простить не сможет никогда
За то, что сына жизнь забрал убийца навсегда.
Прощения её убийце не видать,
Ведь сына из могилы не поднять.

Воспоминание

Я так хотела быть с тобою
Всегда, везде, и днём, и ночью.
И ты смотрел с такой любовью,
Ты говорил, что рядом быть со мною хочешь.
Но говорят, что счастья много не бывает,
И после долгой нашей встречи
Тебя в подъезде убивают
В тот злополучный тихий вечер.
И всё вокруг остановилось,
И потерялся жизни смысл,
Я в угол, как зверёк, забила,
И разбрелись все мои мысли.

Кричала, плакала, ждала,
С ума сходила и звала.
Я думала, всё это ложь,
Что скоро ты ко мне придёшь,
Но вскоре ясно поняла —
Судьба тебя отобрала.
И больше в жизни никогда
Ты не придёшь ко мне сюда,
Не поцелуешь, не споёшь
О том, как весело живёшь,
И не услышишь никогда
О том, что я люблю тебя.

Когда смотрю на твоё фото,
В душе моей скребётся что-то.
Хочу сказать одно: "ПРОСТИ,
Что не смогла тебя спасти,
Что не была с тобою рядом,
Не поддержала даже взглядом".

В электричке

Сажу в электричке,
Страдаю фигнёй,
И морды, и личики передо мной.
Вон девка сидит, жвачку жуёт,
А рядом с ней парень — такой идиот!
А справа дедок скучно смотрит в окно:
Что соседка ест чипсы, ему всё равно.

Девушка в норковой шубе сидит,
Кроссворды гадает и просто молчит.
Напротив девчонка, ест что-то она,
Со рта у меня потекла уж слюна.
Склонившись к окошку, парень сидит,
Пускает пузыри — он не нарк,
Он просто спит.
Зашедший контроль оживил всех вокруг
И штраф со студентов потребовал он...
Но вот и Алтайка, пора выходить
И этот вагон пора уж забыть.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 10,5 п.л.
Заказ № 1008. Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,
г.Караганда, ул. Сатпаева, 15.
Тел.: 41-17-80.
www.arko-print.kz